
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. Том 21, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Диев В. С. Надежный спутник факультета: к 20-летию Сибирского философского журнала 5

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

Прись И. Е. Кьюбизм, феноменология и контекстуальный квантовый реализм 13

Шевченко А. А. Виды знания и эпистемическая редукция 43

Социальная философия

Брызгалина Е. В., Гумарова А. Н., Шкомова Е. М. ИИ в медицине: рекомендации по проведению социально-гуманитарной экспертизы 51

Кудряшов И. С. Интерпассивность и психоаналитическая теория: смещение смысла под влиянием дискурса аутентичности и критики идеологии 64

Персидская О. А. Роль социально-философских теорий в представлениях об интеграции и дезинтеграции обществ (на основе подхода Т. Дж. Бернарда) 79

История философии

Мархинин В. В. Новая Атлантида – технократическая утопия? 90

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

Головкин Н. В. Чего нет в известной статье Эдмунда Гетте 105

Кардаш А. М. Что есть в известной статье Эдмунда Геттиера 127

Информация для авторов 140

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2023. Volume 21, issue 1

Contents

Editorial Note

- Diev V. S.* Reliable Companion to the Faculty: the 20th Anniversary of the Siberian Journal of Philosophy 5

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Pris I.* QBism, phenomenology, and contextual quantum realism 13
- Shevchenko A. A.* Kinds of knowledge and epistemic reduction 43

Social Philosophy

- Bryzgalina E. V., Gumarova A. N., Shkomova E. M.* AI in medicine: recommendations for social and humanitarian expertise 51
- Kudryashov I. S.* Interpassivity and psychoanalytic theory: Transformation of the Meaning under Influence of discourse of Authenticity and Ideology Theory 64
- Persidskaya O. A.* The role of socio-philosophical theories in ideas about the integration and disintegration of societies (based on T. J. Bernard's approach) 79

History of Philosophy

- Markhinin V. V.* "New Atlantis" – a technocratic utopia? 90

Scientific Life, Polemic and Discussions

- Golovko N. V.* What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier 105
- Kardash A. M.* What is mentioned in the famous article by Edmund Gettier 127

- Instructions for Contributors 140

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-5-12

Надежный спутник факультета: к 20-летию «Сибирского философского журнала»

Владимир Серафимович Диев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

diev@smile.nsu.ru, ORCID: 0000-0003-0277-7027

Аннотация

Рассматриваются основные этапы становления «Сибирского философского журнала». Показано, как журнал неразрывно связан с историей философского факультета НГУ. Дана оценка роли академика Ю. Л. Ершова в становлении профессионального философского образования в Новосибирском государственном университете. Отмечены летние философские школы НГУ и Сибирский философский семинар как факторы, формировавшие философское сообщество Сибири. Сегодня журнал выступает в качестве организатора взаимодействия внутри профессионального сообщества и представляет лицо университета в медиапространстве российской философии. Автор считает, что за двадцать лет журнал заслужил авторитет и стал заметным явлением в жизни философского сообщества не только Сибири, но и всей страны.

Ключевые слова

философия, факультет, Ю.Л. Ершов, бакалавриат, магистратура, журнал, Сибирь, профессиональное сообщество, перечень ВАК

Для цитирования

Диев В. С. Надежный спутник факультета: к 20-летию Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 5–12. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-5-12

Reliable Companion to the Faculty: the 20th Anniversary of the Siberian Journal of Philosophy

Vladimir S. Diev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

diev@smile.nsu.ru, ORCID: 0000-0003-0277-7027

Abstract

The paper gives an overview of the main stages of the development of «The Siberian Journal of Philosophy». It is shown how the journal is permanently linked with the history of the Philosophy Faculty of Novosibirsk State University. The role of Academician Yu. L. Ershov in the development of professional philosophical education at NSU is revealed and explained. The Summer Philosophical Schools held by the Faculty and the Siberian Philosophical Seminar's are noted as a main factors that formed the philosophical community around the NSU. Today, the journal acts as an organizer of interaction within the professional community and represents the face of the university in the media space of Russian philosophy. The author believes that for twenty years the journal has earned authority and has become a notable phenomenon in the life of the philosophical community not only in Siberia, but throughout the country.

Keywords

philosophy faculty, Yu.L. Ershov, bachelor's degree, master's degree, journal, Siberia, professional community, VAK list

For citation

Diev V. S. Reliable Companion to the Faculty: the 20th Anniversary of the Siberian Journal of Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 5–xx. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-5-12

Двадцать лет в жизни человека – это пора молодости. Если он в этом возрасте учится, то, как правило, на третьем курсе университета, когда еще далеко впереди выбор темы и защита выпускной работы. В этом контексте сразу вспоминается высказывание о нестареющих третьекурсниках. Жизнь журнала проходит в более быстром и сжатом темпе, и хотя журнал, надеюсь, тоже не стареет, но определиться со своими научными приоритетами ему пришлось гораздо раньше.

Двадцать лет тому назад, 2 июня 2003 года был подписан в печать первый номер журнала «Вестник НГУ. Серия: философия и право», и именно с этой даты начинается жизнь журнала.

Надо сказать, что история журнала неотделима от истории философского факультета НГУ, потому что издателем журнала являлся факультет, а сейчас Институт философии и права университета (ИФП). За год до выхода первого номера журнала 8 апреля 2002 года ученый совет философско-

го факультета утвердил редколлегию журнала «Вестник НГУ. Серия: философия и право». Предполагалось, что в журнале будет две секции: философия и право. Главным редактором журнала был утвержден профессор В. С. Диев, за направление «право» отвечали профессор А. В. Цихоцкий и доцент В. И. Еременко. Первый номер журнала был выпущен к десятилетию философского факультета и поэтому по своему содержанию был полностью посвящен философской проблематике. Перечислим преподавателей ИФП, работы которых были опубликованы в этом номере: Е. В. Афонасин, Э. В. Барбашина, В. А. Бойко, М. Н. Вольф, В. П. Горан, В. С. Диев, Е. В. Орлов, В. М. Резников, Н. С. Розов, А. Л. Симанов, А. А. Шевченко [Вестник НГУ. Серия: философия и право, 2003]. Сегодня в журнале регулярно публикуются не только преподаватели ИФП, но и аспиранты и студенты.

В начале 1990-х гг. открытие нового факультета было делом непростым. Позже, в «нулевые», было создано сразу несколько новых факультетов в НГУ, а в 1993 г. ученый совет университета дважды рассматривал вопрос об образовании философского факультета. Ключевую роль в его открытии, а позже и становлении сыграл академик Юрий Леонидович Ершов, выдающийся российский математик, который в те годы был ректором НГУ. Юрий Леонидович хорошо понимал, что наличие философского факультета – это основной признак любого классического университета. Об этом говорит история университетского образования как в Европе, так и в России. Напомню, что в XVIII веке преподавание философии понималось гораздо шире, чем сегодня, и включало в себя весь спектр наук, как естественных, так и гуманитарных. К восемнадцатому веку я обратился, потому что в 1755 году был образован Московский университет. По предложению М. В. Ломоносова университет был создан в составе трех факультетов: философского, юридического и медицинского. В соответствии с уставом университета все студенты три года должны были обучаться на философском факультете, который был своего рода общеобразовательным. Только после окончания философского факультета студенты могли оставаться на нем либо перейти на юридический или медицинский, где обучение продолжалось еще четыре года. Глубоко убежден, что и в XXI веке не может быть полноценного высшего образования без философии, поскольку именно она задает мировоззренческие ориентиры, формирует общий взгляд на окружающий мир.

О необходимости открытия философского факультета в НГУ говорила вся история университетского образования. Можно сказать, что идея открытия факультета «витала в воздухе», но... Когда Ю. Л. Ершов вынес вопрос об открытии факультета на ученом совете университета, его не поддержали! Наш университет имел и имеет ярко выраженную направленность на естественные и точные науки, и открытие факультета гуманитарного профиля было встречено весьма сдержанно. Только спустя несколько месяцев на заседании ученого совета 13 мая 1993 года все-таки было принято решение открыть философский факультет, причем только на уровне магистратуры. Ниже цитирую протокол № 154 заседания ученого совета Новосибирского университета от 13 мая 1993 года. Именно эту дату принято считать днем создания философского факультета и началом профессионального философского образования в НГУ.

«ВТОРОЙ ВОПРОС

О создании философского факультета.

Ершов Ю.Л.: Я напомню, что на прошлом заседании Ученого совета этот вопрос поднимался. Сама идея в том, чтобы изучить возможность магистерской подготовки по философии в университете не вызывала возражений. Мы создали большую комиссию, которой поручили изучить этот вопрос. Эта комиссия, состоящая из очень разных людей, единогласно приняла решение рекомендовать Ученому совету НГУ положительно решить вопрос о создании философского факультета (зачитывает резолюцию работы комиссии).

Мкртчян Г.М.: 1. Кто идеолог создания этого факультета?

2. Не придется ли другим факультетам сражаться за аудитории?

Ершов Ю.Л.: ...одного идеолога в создании философского факультета нет. В организационном плане это три источника: кафедра философии, группа энтузиастов вечернего факультета и Институт философии и права.

ПОСТАНОВИЛИ: Открыть философский факультет в Новосибирском госуниверситете. (При 3-х воздержавшихся ПОСТАНОВЛЕНИЕ принято)».

Философский факультет стал седьмым в структуре НГУ. Как известно, у победы всегда сто отцов, а философский факультет в НГУ, безусловно, состоялся! Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что главную и решающую роль в создании факультета сыграл Ю. Л. Ершов, и именно его следует считать «отцом-основателем» факультета. Юрий Леонидович стал первым председателем ученого совета факультета и возглавлял его в течение пяти лет. Трудно переоценить роль Ю. Л. Ершова в становлении и развитии нового факультета. Летом 1995 года меня избрали деканом факультета, и тогда же состоялся первый выпуск магистров. Из этого выпуска сейчас преподают доценты О. А. Доманов и В. М. Резников. Первый выпуск, безусловно, занимает особое место в истории факультета, но кроме них сегодня в ИФП работает целая плеяда выпускников. Некоторые из них уже стали докторами наук и профессорами, а кто-то только начинает свою преподавательскую карьеру в должности ассистента, но независимо от степеней, званий и объема выполняемой нагрузки все они сегодня вместе участвуют в учебном процессе: А. Б. Аникина, А. С. Афонасина, Д. В. Баландина, И. В. Берестов, В. В. Бровкин, М. Н. Вольф, Н. В. Головкин, А. В. Диева, Л. М. Зеленкина, С. В. Костов, Е. А. Королев, И. С. Кудряшов, Р. Ю. Мишако, К. А. Родин, Е. В. Рыжененков, А. А. Санжеников, А. Е. Симбирцева, Т. К. Скрипкина, А. Ю. Сторожук, О. К. Трубицын, В. В. Цыганков, Д. А. Цыплаков, М. О. Эпова.

В последнее десятилетие в жизни факультета произошли важные изменения, которые нашли свое отражение и в журнале. В 2010 году на факультете был открыт бакалавриат, в 2014 году состоялся первый выпуск бакалавров-философов. Как говорили раньше, «с чувством глубокого удовлетворения» хочу сказать, что в журнале стали появляться статьи бакалавров, причем все они проходят самую серьезную процедуру рецензирования. Четвертого апреля 2016 года был создан Институт философии и права НГУ, в который вошли философский и юридический факультеты. Институт философии и права за прошедшие годы динамично развивался, сохраняя и приумножая накопленный ранее потенциал и традиции. Заметно усилился кадровый состав Института, прежде всего за счет докторов наук. В ИФП ежегодно открываются новые профили подготовки магистров как по направлению «юриспруденция», так и по направлению «филосо-

фия». В 2021 году состоялся первый набор в магистратуру по направлению «политология».

С 2016 года журнал стал называться «Сибирский философский журнал». В 2005 году начал выходить журнал «Вестник НГУ. Серия: право», поэтому наш журнал с 2005 по 2015 годы выходил под названием «Вестник НГУ. Серия: философия». Главными причинами смены названия журнала стали несколько взаимосвязанных факторов, связанных с работой на сибирский регион и в сибирском регионе – это, прежде всего, летние философские школы и Сибирский философский семинар. С самого начала работы факультета большое внимание уделялось формированию научно-исследовательского потенциала магистрантов. Специфика магистратуры потребовала новых форм организации учебного процесса, одной из которых стала Летняя философская школа НГУ. Летние Школы – это особая форма научно-образовательного процесса, главным образом направленная на совершенствование стандартов исследований и преподавания философии, учебных планов и программ, апробацию и освоение активных методов обучения (интеллектуальных игр, мастер-классов и пр.). Особенностью школ являлось то, что они проводились не по какой-то отдельной отрасли знания либо отдельной проблеме, а носили преимущественно исследовательский характер. В силу этого основная задача школ состояла в том, чтобы представить слушателям – будущим преподавателям самый широкий спектр исследований в области философии. Школа обеспечивала возможность свободных, неформальных дискуссий, не ограниченных жесткими тематическими и временными рамками. В отличие от обычных конференций, Философские школы, достигая одновременно учебных и научных целей, не просто предоставляли возможность исследователям обменяться результатами своей научной деятельности, они также позволяли научной молодежи через личное общение с ведущими представителями отечественной философии знакомиться с различными традициями исследовательской работы. В разные годы Летняя школа неоднократно поддерживалась грантами Российского гуманитарного научного фонда, в них принимали активное участие преподаватели, аспиранты и студенты из Томска, Омска, Красноярска, Кемерово, Барнаула, Абакана, Иркутска, Новокузнецка, Самары, Екатеринбурга, Читы, Улан-Удэ и Владивостока; на них выступали ведущие представители признанных философских центров страны, в первую очередь Москвы и Санкт-Петербурга. С 1997 г. прошло десять летних и две зимних Школы [Диев, Головкин, Петров, 2013]. На мой взгляд, философские школы стали заметным явлением не только в жизни университета, но и философского сообщества Сибири.

Продолжая разговор о формировании связей внутри профессионального сообщества, необходимо отметить прошедший в Академгородке V Российский философский конгресс. Начиная с 1997 года каждые три-четыре года Российское философское общество в рамках подготовки проведения всемирных философских конгрессов (они проводятся уже больше ста лет) организует и проводит российские философские конгрессы, которые позволяют подвести общие итоги развития отечественной философии, соотнести имеющиеся результаты с лучшими образцами мировой философской мысли, наметить направления исследований на перспективу. С 25 по 28 августа 2009 года в Новосибирском университете

на базе философского факультета при участии Института философии и права СО РАН, при поддержке администрации Новосибирской области прошел V Российский философский конгресс «Наука. Философия. Общество». Это первый и пока единственный конгресс, который прошел за Уралом. Во время проведения конгресса по инициативе профессора Василия Павловича Горана у меня в кабинете собрались представители философской общественности Сибири: философских факультетов Новосибирского и Томского государственных университетов, Сибирского федерального университета, кафедр философии вузов Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула, Абакана и Кемерова. Собравшиеся были вынуждены признать, что связи между философами региона налажены плохо, и только благодаря конгрессу все собрались вместе. В. П. Горан предложил учредить регулярный Сибирский философский семинар. Стратегическая цель семинара – взаимодействие философов, социологов и политологов Сибири, их профессиональная консолидация, координация усилий, направленных на интенсификацию исследовательской активности посредством регулярного взаимодействия, взаимного ознакомления с полученными результатами и их коллективного обсуждения. Семинар решено было сделать «плавающим», чтобы в его организации принимали участие различные города Сибири. Первый семинар прошел в Новосибирске (2011), далее – в Красноярске (2012), Томске (2013, 2017), Омске (2014), Новосибирске (2016), Абакане (2018), Горно-Алтайске (2019). В постковидную эпоху эта славная традиция будет продолжена.

Название журнала отражает его географическое расположение и направленность на развитие философии в Сибири, поэтому сегодня в редколлегии представлены философы из всех городов нашего региона. На мой взгляд, некорректно говорить о какой-то особой «сибирской философии». Можно говорить, например, о «философии Сибири» [Диев, Иванов, Разумов, 2014] или о сибирском измерении российской философии [Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции, 2019]. Разумеется, в каждом городе или университете сложились определенные традиции. Полагаю, что эти традиции определяются набором проблем и коллективом философов, которые их рассматривают.

Сегодня в философском сообществе Сибири представлены все основные направления исследований современной философии, и это не зависит от географии. Уверен, что новосибирская прописка не мешает Е. В. Орлову писать прекрасные работы по Аристотелю. Можно сказать, что интеллектуальное разнообразие российской философии прирастает Сибирью, о чем убедительно свидетельствуют материалы всемирных и российских философских конгрессов. Этот тезис подтверждает и двадцатилетняя история журнала, в котором были опубликованы сотни статей практически из всех городов нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья.

В год юбилея философского образования в НГУ необходимо отметить роль журнала как важного фактора формирования философского сообщества. Для профессионального и карьерного роста выпускникам факультета нужно было защищать кандидатские и докторские диссертации. Все прошедшие годы «Сибирский философский журнал» входил в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты

диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (перечень ВАК). Двадцать лет журнал участвовал в становлении и развитии факультета, поэтому вполне закономерно называю его надежным спутником. За эти годы журнал заслужил авторитет и стал заметным явлением в жизни философского сообщества не только Сибири, но и всей страны. Сегодня с оптимизмом смотрю в будущее и уверен, что преподаватели и выпускники Института философии и права НГУ внесут свой вклад в развитие философской мысли, что найдет свое отражение и на страницах нашего журнала.

В. С. Диев
главный редактор Сибирского философского журнала,
декан философского факультета НГУ (1995–2016)

Список литературы

- Вестник НГУ.** Серия: Философия и право. 2003. Т. 1. Вып. 1.
Диев В. С., Головкин Н. В., Петров В. В. Философский факультет НГУ: фундаментальность и динамизм // Ценности и смыслы. 2013. № 3(25). С. 6–26.
Диев В. С., Иванов А. В., Разумов В. И. Философия Сибири (к постановке проблемы) // Вестн. ОмГУ. 2014. № 4(74). С. 76–83.
Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции: Сб. науч. тр. Всеросс. науч. конф. «VIII Сибирский философский семинар». Новосибирск: НГУ, 2019. 336 с.

References

- Diev V. S., Golovko N. V., Petrov V. V.** Filosofskij fakul'tet NGU: fundamental'nost' i dinamizm // Tsennosti i Smysly. 2013. № 3(25). P. 6–26.
Diev V. S., Ivanov A. V., Razumov V. I. Filosofiya Sibiri (k postanovke problemy) // Vestnik OmGU. 2014. № 4(74). S. 76–83.
Sibirskoe izmerenie rossijskoj filosofii: shkoly, napravleniya, tradicii : Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii «VIII Sibirskij filosofskij seminar». Novosibirsk: NGU, 2019. 336 s.
Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya i pravo. 2003, vol 1, no. 1.

Сведения об авторе

Диев Владимир Серафимович, доктор философских наук, профессор,
директор Института философии и права Новосибирского государственного
университета;
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author**Vladimir S. Diev**, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor¹ Director of the Institute for the Philosophy and Law, Novosibirsk State University;² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 15.01.2023;
одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 16.01.2023*

*The article was submitted 15.01.2023;
approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 111.1 ; 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-13-42

Кьюбизм, феноменология и контекстуальный квантовый реализм

Игорь Евгеньевич Прись

Институт философии НАН Беларусь
Минск, Беларусь

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Предлагается критика феноменологической интерпретации квантового байесианизма (кьюбизма), в частности, позиции М. Битболь и Л. де Ля Тремблей, которая удаляет из кьюбизма остатки научного реализма и принимает радикально феноменологическую точку зрения первого лица. Показано, что феноменологический взгляд на квантовую механику не может объяснить познание квантовой реальности и поведение реальных квантовых систем, так как последней реальностью для феноменологии являются автономные феномены, которые на самом деле не существуют. Предлагаемый нами контекстуальный квантовый реализм (ККР) не переворачивает, как это делают упомянутые авторы, а отвергает традиционное отношение между опытом и реальностью. Переинтерпретируя кьюбизм, наш ККР удаляет из него остатки феноменологии, но так, чтобы не впасть в другую крайность – метафизический реализм.

Ключевые слова

квантовая механика, кьюбизм, феноменология, трансцендентальная феноменология, опыт, явление, контекстуальный реализм, контекстуальный квантовый реализм, витгенштейновское правило

Благодарности

Исследование выполнено при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г22МС-001 «Квантовый реализм – контекстуальный реализм. (Кьюбизм и другие интерпретации квантовой механики с точки зрения контекстуального реализма.)».

Для цитирования

Прись И. Е. Кьюбизм, феноменология и контекстуальный квантовый реализм // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 13–42. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-13-42

QBism, phenomenology, and contextual quantum realism

Igor E. Pris

Institute of philosophy of National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Abstract

A critique of phenomenological interpretation of quantum Bayesianism (QBism) is offered, in particular, the position of M. Bitbol and L. de La Tremblay, which removes remnants of scientific realism from QBism and adopts a radically phenomenological first person point of view. It is shown that phenomenological view of quantum mechanics cannot explain cognition of quantum reality and behavior of real quantum systems, because the ultimate reality for phenomenology is autonomous phenomena, which, in fact, do not exist. Our proposed contextual quantum realism (CQR) does not invert, as the mentioned authors do, but rejects, the traditional relation between experience and reality. By reinterpreting QBism, our CQR removes remnants of phenomenology from it, but in such a way as not to fall into the other extreme – metaphysical realism.

Keywords

Quantum mechanics, QBism, phenomenology, transcendental phenomenology, experience, phenomenon, contextual realism, contextual quantum realism, Wittgensteinian rule

Acknowledgements

The reported study was partially funded by BRFFR according to the research project № Г22МС-001 «Quantum realism – contextual realism. (QBism and other interpretations of quantum mechanics from the point of view of a contextual realism.)»

For citation

Pris I. E. QBism, phenomenology, and contextual quantum realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p.13–42. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-13-42

Квантовая механика как аномалия в философской парадигме модерна¹

Квантовая механика вносит существенные коррективы в традиционные взгляды на статус физических (и не только физических) теорий и знания. М. Битболь, Л. де ля Трэмблей, С. Френч, Ф. Бергхофер и ряд других философов считают, что наиболее подходящим является феноменологический подход к пониманию квантовой теории и, в частности, одной из её наиболее популярных в настоящее время интерпретаций – кьюбизма (QBism) К. Фукса, Д. Мермина, Р. Шэка и других, представляющего собой разновидность субъективного квантового байесианизма [Berghofer, 2020a; 2020b; Bitbol, 2020; 2021; 2022a; 2022b; Colletti, 2020; Crease, 2021; De La Tremblay, 2020; French, 2020; 2022]. Битболь, например, видит сходство между кьюбизмом, квантовым прагматизмом Р. Хили и некоторыми другими подходами к квантовой механике, с одной стороны, и феноменологией, с другой стороны, в том, что они являются дефляционными («неинтерпретационными») и «неангажированными» (non-committal), реконструируют объективное знание, даваемое квантовой механикой, с точки зрения первого лица – познающих субъек-

¹ Обозначения и терминология: к-реализм – контекстуальный реализм; ККР – контекстуальный квантовый реализм; в-правило – витгенштейновское правило; чувственное / ощущаемое (фр. *le sensible*).

ектов / агентов, – приостанавливая суждения о внешнем мире (эпохэ) и перенаправляя внимание на сами ментальные и практические акты, конституирующие объекты, на эпистемическую функцию и практическое использование символов квантовой механики (феноменологическая редукция). В этих подходах, как и в феноменологии, символы не отсылают к объектам внешнего мира и не обозначают предикаты объектов [Vitbol, 2020].

В то же время в своих работах, развивающих позицию витгенштейновского (в широком смысле) контекстуального реализма (далее к-реализм), французский философ Ж. Бенуа выявил непреодолимые проблемы, с которыми сталкиваются феноменологические подходы Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Мариона и других философов, а также предложил терапевтическую (а не метафизическую) «антифеноменологию» вместо феноменологии, то есть возврат к реализму [Benoist, 2010; 2013; 2017; 2018; 2020–2023]. Проблема, в частности, в том, что феноменология не объясняет мир каков он есть, независимо от сознания, неспособна постигнуть фактическое, деформирует логику понятия «феномен» или пренебрегает ею, смешивает категории идеального (логическое, грамматику) и реального. Она трактует «феномены» как автономные, осмысленные в себе данные. Фактически это «перевёрнутый» платонизм, абсолютизирующий и субстанциализирующий не идеи и нормы, а явления (аналогичным образом поступает метафизический реализм, абсолютизирующий объекты «внешнего мира»).

Для к-реалиста смысл, мысль, интенциональность, концепты, правила и нормы не часть реальности (автономных явлений или объектов внешнего мира), а способ схватить, описать её. Реальность – это и есть то, к чему применяются нормы, что схватывается мыслью, описывается языком (если применение, схватывание, описание корректны). Грамматика понятия реальности имеет следующий вид: реальность такова, какова она есть; это то, что есть. Нормы (концепты и т. д.) «измеряют» реальность – то, что есть. Они не даны, не являют себя, а вырабатываются и применяются в реальности, контексте. Собственно говоря, контекст и возникает там и только там, где возникают различия, нормативное (концептуальное) движение в реальности. Контекст – обстоятельства, условия, сама локальная реальность, в которой нормы, правила, концепты, смысл, мысли укоренены, а не нечто внешнее по отношению к ним. К-реализм принимает во внимание логическую (нормативную) структуру явления, а вместо феноменологического или эмпиристского субъективного опыта обращается к первичному неконцептуализированному чувственному опыту, реальному чувственному, «ощущаемому» (фр. *le sensible*), или чувственному как (части) реальности. Чувственное относится к категории реального. И само по себе оно не является, не дано. Явления и то, что в них является или являет себя, существует как данное – онтология, возникают в чувственном в результате его нормирования. Онтология определяется витгенштейновской грамматикой формы жизни. Но грамматика не создаёт онтологию, а позволяет идентифицировать то, что есть, – сами вещи. Грамматический подход к явлению содержится у Платона (различие между видимостью и реальностью, которая играет для видимости роль нормы. То, что является, может удовлетворять своей норме, соответствовать реальности или нет. Если нет, это лишь

просто видимость) и Аристотеля (явление является кому-то в некоторый момент времени, некоторым образом и при некоторых условиях. Оно структурируется аристотелевскими категориями)².

Вообще витгенштейновский к-реализм, развиваемый нами и Ж. Бенуа, – критика философии модерна и постмодерна. В частности, он отвергает (или находит весьма ограниченным) понятие внешнего мира, репрезентационализм (ментальный, концептуальный, лингвистический или какой-то другой), интернализм, субъективизм, субъект-объектную дихотомию (субстанциальный дуализм заменяется категориальным дуализмом идеального и реального), эпистемический реализм, не делающий различия между истинным и реальным, отождествляющий то, что реально с тем, что истинно, выхолащивающий смысл концепта «реальность», редуцирующий реальность к объективности. К-реализм объявляет проблему доступа (в частности, перцептивного доступа) к реальности и проблему скептицизма псевдопроблемами. Он отвергает метафизические (абсолютизированные) позиции и, в частности, метафизические реализм, платонизм (но не корректно понятого Платона), деконтекстуализированные феноменологические подходы, так называемый субъект-объектный корреляционизм (и другие разновидности корреляционизма, а также антикорреляционизм, принимающий корреляционизм всерьёз и пытающийся его преодолеть, получить доступ к кантовской вещи-в-себе, Абсолюту) и (нео)кантианство, а также релятивизм, социальный конструктивизм и радикальный эмпиризм. Все перечисленные позиции так или иначе относятся к парадигме модерна или постмодерна как вырождения (радикализации) модерна. Все они содержат ту или иную долю истины (имеют ограниченную область применимости), но, в конечном итоге, оказываются проблематичными.

Квантовая механика как научная теория – новая (по сравнению с классической физикой) парадигма. Но с точки зрения философской, на наш взгляд, это аномалия в рамках философской парадигмы модерна. Для решения или устранения своих парадоксов квантовая теория требует перехода к новой философской парадигме. Такой парадигмой, как мы считаем, является к-реализм. Проблема с кьюбизмом и другими многочисленными интерпретациями квантовой механики в том, что они пытаются преодолеть пределы (пост)модерна неосознанно, в целом или частично оставаясь в рамках этой парадигмы.

Кьюбизм (QBism)

Так, кьюбизм (и ряд других интерпретаций), с одной стороны, отказывается от репрезентационализма, рассматривает волновую функцию не как представление не зависящей от агента автономной квантовой системы, располагающейся во внешнем мире, а как инструкцию для формирования убеждений агента, употребляющего квантовую теорию относительно вероятностей экспериментальных исходов. Нормативный, а не дескриптивный характер он также приписывает

² В «Метафизике» Аристотель пишет: «(...) То, что представляется, существует не [вообще], а лишь для того, кому оно представляется, когда, как и в каких условиях оно представляется» [Аристотель, 2020, кн. 4, гл. 6, с. 113].

правилу Борна, гамильтониану и операторам наблюдаемых физических величин квантовой системы. Квантовые вероятности в кьюбизме – субъективные байесовские вероятности, которые актуализируются в результате произведённого опыта/эксперимента. Это логические конструкции, а не физические реальности. То есть в кьюбизме векторы «состояния» и вероятностные оценки не объективны, а субъективны. Они не утверждают то, что есть на самом деле, а то, что каждый агент может разумно ожидать, выражают готовность агента сделать ту или иную ставку на тот или иной исход эксперимента [Fuchs, 2014; 2018; 2021a; 2021b; Crease, 2021; Glick, 2021]³.

Даже в том случае, когда вероятность некоторого события оценивается как единица, она трактуется кьюбистом как максимальная степень субъективной уверенности, не отражающая никакую объективную, пред-данную реальность. В своих предсказаниях результатов будущих опытов/экспериментов кьюбизм, подобно феноменологии, опирается на знание результатов прошлых и настоящих опытов/экспериментов. Как и феноменология, кьюбизм принимает точку зрения первого лица, «опыт» в качестве первичного понятия, признаёт роль пользователя теории и имеет перспективистское измерение (точка зрения первого лица ограничена своей собственной перспективой). С другой стороны, по крайней мере в некоторых своих версиях, кьюбизм не отказывается от понятия внешнего мира и точки зрения третьего лица, рассматривает исходы квантовых экспериментов как результат взаимодействия агента с квантовой системой (миром, реальностью). Таким образом, сохраняется некоторый дуализм.

Другими словами, эпистемология кьюбизма, по крайней мере некоторых его разновидностей, частично натуралистическая (существование «внешнего мира» не отвергается) и дуалистическая (дуализм опыта и внешних физических систем). В то же время квантовые символы и экспериментальные исходы, которые они предсказывают, трактуются чисто феноменологически. Битбол и Тремблей (далее Б & Т) пишут: «Кьюбист остаётся частично зависимым от доквантовой натуралистической и дуалистической эпистемологии, хотя (...) защищает бескомпромиссную феноменологическую монистическую концепцию квантовых символов и экспериментальных результатов, которые они предвосхищают» [Bitbol, 2022a, p. 45]. Эти пережитки доквантовой эпистемологии Б & Т пытаются устранить при помощи ресурсов более радикального феноменологического подхода.

Эволюция кьюбизма и понятие первичного опыта

В то же время позиция кьюбизма эволюционировала и продолжает эволюционировать⁴. Если поначалу речь шла об интер-действии агента и квантовой

³ Напротив, квантовый прагматизм Хили – объективный подход. В этом подходе символы релятивизируются к ситуациям агента и предписывают ему, как устанавливать свои убеждения. В отличие от кьюбизма эти предписания носят объективный, а не субъективный характер [Healey, 2017; 2022].

⁴ Уже на начальном этапе произошёл сдвиг от объективного байесианизма Э. Т. Джейнса к субъективному байесианизму Б. де Финетти, Ф. Рамсея и Л. Сэвиджа. В интервью Фукс говорит: «Настоящей отправной точкой кьюбизма стало осознание того, что мы должны не только рассматривать квантовые состояния как чисто личное выражение субъективных степеней веры агента, но также и того, что эти степени веры касаются личного опыта агента, а не каких-то независимых от агента

системы, то позже произошёл переход к монистической концепции интра-действия – «небольшому акту творения», – предполагающей неразделимость агента и квантовой системы (агент и ре-агент вторичны, возникают из первичного интра-действия). Таким образом, о «наблюдении», «измерении», квантовых «состояниях» в кьюбизме можно говорить лишь чисто условно, а квантовый субъект играет активную роль и называется «агентом».

Хотя кьюбизм, как было сказано, имеет сходства с феноменологическим подходом, он в то же время пытается быть и неким новым реализмом – «реализмом участия», – предлагая альтернативный концепт реальности, или новым инструментализмом – «нормативным инструментализмом», прокладывая срединный путь между инструментализмом и реализмом внешнего мира. Иногда кьюбизм говорит о квантовом опыте как о части реальности, что, на первый взгляд, сближает его с к-реализмом. Но при этом понятие реальности модифицируется. Так, согласно Фуксу, «всякий собственный опыт пользователя составляет весь сырой материал, из которого он конструирует свой мир» [Fuchs, 2014, цит. по: Bitbol, 2022b, с. 12]. Ж. Пиенар пишет, что «в кьюбизме элемент реальности – опыт», «реальность внутренне субъективна» [Pienaar, 2020, p. 1898]. Объективность в кьюбизме обеспечивается структурными элементами теории. Например, объективным является правило Борна. Смешивая категории идеального (правило идеально) и реального, кьюбисты иногда говорят, что правило Борна реально или соответствует чему-то в реальности (внешнем мире). Например, в интервью Фукс говорит: «Одним из онтических элементов является само правило Борна. Ни один из терминов в правиле Борна сам по себе не является онтическим, но правило играет онтическую роль. То же самое относится и к уравнению Шредингера. Отношения между терминами, а не сами термины, носят онтический характер» [Crease, 2021, p. 15]. Это модернистский ход мысли.

Если принять во внимание критику феноменологии с точки зрения к-реализма, то феноменологические трактовки кьюбизма не говорят в его пользу. Кьюбизм, как и многие феноменологические подходы, требует философской коррекции / переинтерпретации с точки зрения правильно понятого реализма, если это возможно. Строго говоря, такая коррекция означает выход из области феноменологии, а не разработку некоторой новой феноменологии. На наш взгляд, прежде всего следует принять во внимание правильные определения концептов реальности, опыта и явления и переинтерпретировать кьюбистское субъективистское / феноменологическое понятие сингулярного индивидуального опыта.

Предлагаемая нами переинтерпретация кьюбизма с точки зрения к-реализма состоит в том, чтобы отталкиваться от «опыта» как непосредственного чувственного / осязаемого, между которым и реальностью нет никакой дистанции, то есть в качестве первичного концепта принять концепт реальности. Первичное чувственное / осязаемое не имеет интенционального (концептуального) измерения, не несёт в себе никакой информации. «Конституирование» (а не «конструирование» – термин может вводить в заблуждение, что выбор теории произволен, зависит от пожеланий субъекта, представляет собой индивидуальную или соци-

или объективных характеристик его мира. Это должны быть степени веры относительно будущего опыта, который возникнет как последствия действий агента на его внешний мир» [Crease, 2021, p. 4].

альную конструкцию), или лучше сказать выработка, квантовой теории в смысле её возникновения из первичного чувственного как реальности – альтернатива её выводу (конституированию), исходя из радикального феноменологического опыта переживаемого настоящего, который предлагают Б & Т [Bitbol, 2022b; см. также: Pienaar, 2020 и другие статьи]. Употребление теории (концептов) сопровождается индивидуальным (субъективным) опытом. Но это не означает, что теория (концепт) применяется к нему или выводится из него. Теория вырабатывается в реальности и применяется к ней (или первичному опыту как части реальности) и идентифицирует элементы реальности, реальные объекты. Всё же следует внимательно посмотреть, каким образом Битболь, Трэмблей, Пиенар и другие определяют и употребляют понятие радикального опыта, нет ли сближения с нашей реалистической (но не метафизической) точкой зрения, так как, с одной стороны, некоторые уроки из неудачных попыток предшествующих феноменологических выводов мира, предпринятых Гуссерлем, Уайтхедом, Карнапом и другими классиками, авторами были извлечены, а, с другой стороны, сама феноменология не однородна и эволюционировала.

Кьюбизм, феноменология Гуссерля и контекстуальный квантовый реализм

Прежде всего отметим, что Битболь, Трэмблей, Бергхофер и ряд других авторов обратили внимание на структурное сходство между кьюбизмом и феноменологией Гуссерля и, в частности, между теорией перцепции Гуссерля и квантовым знанием, тем, как кьюбист рассматривает применение квантовой теории для приобретения знания (квантовые «наблюдения») [Berghofer, 2020a; 2020b; Bitbol, 2020; 2021; 2022a; 2022b; Colletti, 2020; De la Tremblaye; 2020]⁵. Для кьюбиста знание, приобретаемое агентом, – не знание о «внешнем мире», а знание результатов, полученных на (выделенных из данных в) квантовом опыте / эксперименте. Подобно тому как это имеет место в феноменологии Гуссерля, суждения о внешнем мире кьюбизм приостанавливает («эпохэ»), а данное редуцирует к личному опыту (данному в личном опыте). С точки зрения немецкого феноменолога воспринимаемый визуально объект конституируется, исходя из его феноменологических профилей. Так образуется его ноэматическая структура и, соответственно, «интенциональный горизонт», позволяющий предвидеть новые опыты, профили объекта в новых обстоятельствах. Эти предвидения либо успешно реализуются (в терминологии Гуссерля «интенция наполняется»), либо нет. В результате происходит актуализация интенционального горизонта. В кьюбизме роль интенционального горизонта (горизонта ожиданий) играют квантовые «состояния» (ожидание, выражаемое волновой функцией), а его актуализации – «наполнения» интенции, или «интуитивного содержания», составленного из сенсорных *hylè*, – так называемая редукция квантового состояния, то есть его эмпирическая актуализация. Ожидание может оправдаться или нет.

⁵ В духе своего прагматического подхода Битболь трактует идеализм Гуссерля не как догматический, а как перформативный идеализм. Первый – реификация последнего.

Ещё до появления работ по интерпретации кьюбизма в терминах феноменологии Гуссерля мы предложили его интерпретацию в терминах к-реализма. Эта интерпретация может рассматриваться как реалистическая переинтерпретация (коррекция) феноменологической интерпретации кьюбизма в рамках подхода Гуссерля. С точки зрения нашего к-реализма, который применительно к квантовой физике мы называем «контекстуальным квантовым реализмом» (далее ККР), физическая теория, в частности квантовая теория, – витгенштейновское правило (норма) (далее в-правило) для измерения реальности в рамках языковых игр его применения. Это подразумевает область применимости теории – её «форму жизни», частью (логической структурой) которой является «грамматика» теории, включая необосновываемые петлевые предложения (или просто «петли»), вводимые и исследуемые в работе «О достоверности» Л. Витгенштейна. Квантовая теория как квантовое в-правило, включающее в себя волновую функцию, правило Борна, гамильтониан, операторы физических величин (наблюдаемые) и другие элементы, измеряет квантовую реальность. Квантовая реальность и есть то, что измеряется или измеряемо квантовой теорией (согласно Эйнштейну, именно теория определяет то, что наблюдаемо на опыте (а, следовательно, и то, что реально в области применимости теории)). Таким образом, как и в кьюбизме, волновая функция, правило Борна, гамильтониан и квантовая теория в целом имеют нормативное измерение. (Многие пытаются вывести правило Борна из общей структуры квантовой механики при помощи некоторых дополнительных естественных предположений, таких как соображения симметрии, положения теории принятия решений и т. д. Консенсуса по этому вопросу до сих пор нет.)

Аналогия между нашим подходом и кьюбизмом становится особенно убедительной, когда Фукс трактует свой кьюбизм как «нормативный структурализм». В интервью феноменологам он говорит: «Правило Борна представляет собой структуру. В кьюбизме есть компонент, который очень похож на структурный реализм, но структуры являются нормативными структурами. В кьюбизме есть компонент первого лица (*first-person component*), который является партисипативным реализмом (реализмом участия, *participatory realism*), но есть и та часть кьюбизма, которая больше похожа на структурный реализм. Однако эта структура не является ни онтической, ни эпистемической в смысле представления объективного положения дел (либо реальности, либо знания). (...) Я называю это “нормативным структурным реализмом” [Crease, 2021, p. 13]. «Нормативная структура» в смысле Фукса соответствует эксплицитной части нашего в-правила. Фукс также говорит: «И уравнение Шрёдингера, и правило Борна в кьюбизме рассматриваются как нормативные утверждения. Однако они должны согласовываться с некоторыми характеристиками реальности, так что в этом смысле они являются реалистическими утверждениями. Если в теории вы ищете вещи, которые стремятся быть утверждениями о реальности, не зависящей от конкретного агента, то они должны быть среди этих вещей. Вот почему я называю эти аспекты нормативным структурным реализмом» [Crease, 2021, p. 15]. Для нас правило Борна и уравнение Шрёдингера, будучи математическими схемами, играют идеальную роль по отношению к физической реальности. Но они укоренены в реальности – «реальны» в слабом смысле.

Как это имеет место для всякого в-правила, формулировка квантовой теории как в-правила неотделима от его применений. Будущие (новые) применения теории (предсказания) основываются на прошлых и настоящих. Аналогичным образом кьюбизм обращается к прошлому и настоящему опыту, чтобы предсказать результаты будущего опыта. В отличие от кьюбизма и феноменологического подхода Гуссерля, наш витгенштейновский подход начинается с другого конца: он принимает концепт реальности в качестве первичного концепта. Вместо гуссерлевских понятий интенционального горизонта и наполнения интенции мы обращаемся к витгенштейновской проблеме следования правилу (применения нормы или концепта). Правильно понятое «наполнение» – это корректное применение в-правила, то есть удовлетворение витгенштейновской норме. Это согласуется с критикой Гуссерля в несколько других терминах, предложенной Ж. Бенуа. Для французского философа единственное оригинальное понятие, которое содержит феноменология Гуссерля, – «наполнение интенции» – следует понимать как удовлетворение норме, которая применяется к реальности. Вообще, согласно к-реализму Бенуа, интенциональность имеет грамматический / концептуальный / логический статус. Она формат описания реальности, продукт употребления языка, при котором слова и вещи оказываются неотделимыми друг от друга (подробнее см., например, [Benoist, 2013, p. 206, сноска 3, p. 219]). В этом смысле интенциональность идеальна.

Квантовая теория как в-правило

Квантовая теория как практическое и когнитивное в-правило позволяет успешно производить квантовые эксперименты и идентифицировать реальные квантовые объекты – сами квантовые вещи. Понятие реального объекта мы понимаем в самом широком смысле – как то, что реально и имеет определённую, то есть идентифицировано (нормировано), является объектом. Квантовые объекты не располагаются во «внешнем мире», а идентифицируются в контексте применения квантовой теории-в-правила, схватываются как сами вещи. «Идеальным объектом» мы называем соответствующую норму (принцип) идентификации. (Мы заимствуем формулировку Бенуа: «объект» – принцип идентификации.) Таким образом, реальный объект – реализация идеального объекта как правила / нормы / принципа идентификации. Идеальный объект не субстанциален, не принадлежит идеальному платоновскому миру. О своём реализме Бенуа пишет, что это «реализм не идеальности, а правила, который трактует реальные случаи (*instances*) не как приближения к чему-либо, а как корректные или некорректные применения правила» [Benoist, 2018, p. 20.] Таким образом, проблема невозможности достижения идеала снимается.

Аналогичным образом в одной из последних работ Б & Т обращаются к «приоритету функции концепта объекта в нашем познании, а не к структуре каждого конкретного объекта» [Bitbol, 2022b, p. 10, сноска 1]. Но для них трансцендентное (другие агенты, объекты, мир) возникает, *конституируется* в имманентном – первичном феноменологическом опыте. Авторы полагают, что это позволяет преодолеть проблематичность феноменологических подходов, *кон-*

струирующих трансцендентное, исходя из имманентного (например, неудачная попытка Р. Карнапа сконструировать мир, исходя из «элементарных опытов», «непосредственно данного»). Напротив, с точки зрения к-реализма в восприятии (перцепции) объекты конституируются в том смысле, что они идентифицируются. Как пишет Бенуа, «перцепция – это вещь уже схваченная (фр. *atteinte*), даже если то, что для этого нужно сделать, очень сложно и, кажется, имеет мало общего с этой ‘вещью’» [Benoist, 2010, p. 47–48]. Вещи реальны. Но, чтобы их схватить (познать), требуется подготовительная работа, определённые условия.

Новое применение правила (идеального объекта) не предопределено, то есть зависит от контекста, есть (контекстуальная) языковая игра. Сказанное можно выразить в терминах витгенштейновской проблемы следования правилу, которая занимает центральное место в философии позднего Витгенштейна, позволяет связать её основные понятия, и структура которой совпадает со структурой к-реализма: провал между правилом и его применением – логический, а не субстанциональный. Это провал между категориями идеального и реального; он отсутствует в языковых играх корректного применения в-правила. Бенуа пишет: «Провал между фактическим – реальным: тем, что всегда лишь то, что оно есть – и нормой, которая предназначена его определить, корректно или некорректно (...) составляет фундаментальную структуру того, что я называю (...) ‘реализмом’» [Benoist, 2017, p. 99]. Следствием не(пред)определённости, то есть контекстуальности, применения в-правила является то, что квантовая онтология (на самом деле любая онтология) чувствительна к контексту⁶.

Замкнутые теории и принципиальные теории

Наше понятие квантовой теории как в-правила имеет определённые сходства с её трактовкой как «принципиальной теории» (Дж. Баб), «замкнутой теории» (В. Гейзенберг), знанием-как (М. Битболь) и некоторыми другими трактовками [Прись, 2020; 2021a; 2022a; Bub, 2000]. В этих подходах формализм квантовой механики не отражает (в смысле теории истины как соответствия) структуру внешнего мира, а традиционная репрезентационалистская парадигма переворачивается. Преимущество нашей трактовки по сравнению с ними в том, что она предполагает солидное основание – философию позднего Витгенштейна и к-реализм.

В философском плане понятие замкнутой теории Гейзенберга, на наш взгляд, глубже, чем понятие принципиальной теории. В первом приближении замкнутая теория – самосогласованная достаточно жёсткая (но гибкая в своих применениях) система физических аксиом, имеющая хорошо установленную область своей применимости. Замкнутые теории (например, система Коперника, механи-

⁶ Проблему следования правилу можно связать с проблемой свободы воли. Всякое аутентичное (интенциональное) действие контекстуально, не предопределено, свободно. Однако оно обосновываемо постфактум и по крайней мере в некоторых случаях может быть объяснено (реконструировано) научно в детерминистских или индетерминистских причинных терминах. Свобода воли совместима с (ин)детерминизмом, научным объяснением. С точки зрения принципа дополнительности Бора речь идёт о двух дополнительных способах описания (с точек зрения первого и третьего лица) одного и того же явления.

ка Ньютона и квантовая механика) противопоставляются феноменологическим теориям (например, системе Птолемея). Ранее мы интерпретировали замкнутую теорию как в-правило [Прись, 2020, гл. 5].

Принципиальные теории объясняют наблюдаемые явления, исходя из общих принципов, которые выявляются из опыта, явлений, «сверху вниз». Это «кинематический» подход, устанавливающий ограничения на поведение физических систем и наблюдаемые физические явления. Такие теории противопоставляются конструктивным, или «динамическим», теориям, объясняющим поведение физических систем и физические явления причинным образом, исходя из их внутренней, микроскопической структуры, «снизу вверх». Это различие ввёл Эйнштейн⁷. Обращение к грамматике (или «петлевым предложениям» (нем. *die Angeln*) – наиболее общим элементам грамматики) квантовой теории как в-правила позволяет в первом приближении говорить о квантовой теории как принципиальной теории.

Дж. Баб прежде всего (см., например: [Bub, 2000]) и Дж. Баб и И. Питовский (см., например: [Bub J., Pitowsky, 2010]) трактуют квантовую механику как принципиальную теорию, исходя из её математической структуры. В математическом плане классическая физика коммутативна, тогда как квантовая – некоммутативна (алгебра квантовых физических величин является некоммутативной). Это различие можно также выразить как различие между булевыми и небулевыми алгебрами или как различие между дистрибутивными и недистрибутивными решётками [Bub, 2000; 2010; 2020; Clifton, 2003]. С небулевыми (некоммутативностью, недистрибутивностью) связан особый характер квантовых вероятностей. Баб пишет: «Информационно-теоретическая интерпретация – это предложение взять гильбертово пространство в качестве кинематической основы для физики индетерминистической вселенной, так же как пространство Минковского обеспечивает кинематическую основу для физики ньютоновской, релятивистской вселенной» [Bub, 2020, p. 200].

Трактовке квантовой механики как принципиальной теории близка её трактовка, предлагаемая Битболь и Тремблей. Битболь отвергает «платонистскую мечту познания естественных форм» и считает, что начинать надо с рассмотрения абстрактной математической структуры, которая успешно направляет нашу технологическую активность [Bitbol, 2020, p. 228]. Для него теории математической физики – формализованные знания-как. Это ситуативно-ориентированное, практическое знание, которому следует отдать приоритет по сравнению с теоретическим знанием. Битболь и Б & Т отвергают поиск конструктивистской / динамической теории квантовой механики, «физических причин» квантового поведения. Приоритет отдаётся «реконструкции формализма из первых принципов» [Bitbol, 2020; De La Tremblaye, 2020].

Ранее мы утверждали, что знание-как можно понимать как владение в-правилом [Прись, 2022а, гл. 3 части 5]. Поскольку теорию мы трактуем как в-правило

⁷ На самом деле понятия принципиальной теории и кинематической теории, накладывающей ограничения на результаты возможных опытов/экспериментов, и понятия конструктивной и динамической (причинной) теории не всегда определяются как совпадающие. Различие между кинематическим и динамическим подходами можно провести как различие между двумя интерпретациями специальной теории относительности, которую Эйнштейн рассматривал как принципиальную теорию по сходству с термодинамикой и по контрасту с молекулярно-кинетической теорией.

ло, отсюда следует, что для нас, как и для Битболя, теория – знание-как. Отличие между нами в том, что знание-как (в смысле конкретного применения в-правила) мы рассматриваем как пропозициональное знание в практическом модусе (следуя Дж. Стэнли и Т. Уильямсону [Stanley, 2001]), тогда как Битболь, как кажется, полагает, что это непропозициональное знание. В частности, мы не принимаем концепцию специфического феноменологического (непропозиционального) знания. Для нас любое знание имеет пропозициональное содержание; владение в-правилом и его применение, – две стороны одной медали – знания-как [Прись, 2022a, гл. 2, 3 части 5]. (Наша точка зрения подтверждается недавними работами К. Павезе и К. Павезе, Б. Беддора (Pavese) [Прись, 2022a].) Всякое «слепое» (выражение Витгенштейна) следование когнитивному правилу, то есть его применение в контексте, есть пропозициональное знание в практическом модусе. Мы полагаем, что представление о теории как знании-как в смысле в-правила, то есть позиция к-реализма, позволяет разрешить известное противоречие между инструментализмом и реализмом. Эти две противоположные тенденции – инструменталистскую и реалистическую – содержит в себе и пытается разрешить противоречие между ними в виде «реализма участия» или «нормативного инструментализма» кьюбизм.

Феноменологическая редукция в квантовой физике

В плане историческом, согласно Б & Т, кьюбизм предпринял более радикальную феноменологическую редукцию, чем та, которую осуществили в интерпретации квантовой механики В. Гейзенберг и Н. Бор. Первый редуцировал научные суждения к наблюдаемым. В частности, Гейзенберг, вдохновляясь позитивистским подходом Эйнштейна при создании специальной теории относительности (ненаблюдаемый эфир был отвергнут как несуществующий), отверг понятие траектории электрона, поскольку она в принципе не наблюдаема. Бор осуществил более радикальную редукцию к обыденным языку и предметам, классическим макроскопическим (абсолютным) свойствам измерительных приборов и их показаниям (обыденным абсолютным фактам), описываемым классическими концептами. Б & Т считают, что кьюбизм развивает и радикализирует интуиции Бора (иногда даже кьюбизм называют «необоризмом»), осуществляя редукцию к переживаемому личному опыту, в котором наблюдаются показания приборов.

Редукция, осуществляемая Бором, сходна с редукцией дискурса о научных (теоретических) объектах к практике и объектам обыденной жизни, которую предлагает Гуссерль. В то же время, в конечном итоге, проблематичность подхода Бора в том, что у него сохраняется дуализм квантового и классического, даже если, как считают некоторые, он у него играет не онтологическую, а эпистемологическую и методологическую роли. Употребляются как квантовые, так и классические концепты. Граница их применимости варьируется и определяется прагматическими критериями. На наш взгляд, с Бором можно согласиться в том, что введение квантовой механики и квантовых концептов предполагает классическую механику и классические концепты. В этом смысле последние обобщают первые, расширяют область знания, применимости научных теории и концептов

(Бор считал, что квантовая механика – рациональное обобщение классической механики. Именно так можно понять «принцип соответствия».) В то же время теория декогеренции, хотя и не решает квантовую проблему измерения, то есть проблему объяснения возникновения определённого значения наблюдаемой физической величины, показывает, что макроскопические объекты могут трактоваться с точки зрения квантовой теории. В этом смысле квантовая теория может рассматриваться как универсальная теория. С точки зрения нашего ККР квантовая механика, как и всякая подтверждённая и устоявшаяся теория, универсальна в тавтологическом смысле: она универсальна в своей области применимости, тогда как вне этой области вопрос о её универсальности вообще не имеет смысла, так как не имеет смысла даже вопрос о её применении.

К-реализм признаёт, что существуют квантовые и классические явления, но они существуют в разных контекстах. Вместо боровского дуализма классического и квантового к-реализм предлагает принять «дуализм» идеального и реального. Это не субстанциальный, а категориальный дуализм. Приборы и субъект (наблюдатель) трактуются не в классических терминах, а как играющие логическую роль в процессе измерения. В этом смысле они относятся к категории идеального. Идеальное не оказывает влияния на реальное (оно укоренено в реальном), квантовое измерение – на квантовую реальность⁸. Согласно Бору, в косвенных измерениях над удалёнными объектами, как это имеет место в парадоксе ЭПР, измерение не оказывает «механического влияния» на наблюдаемое, а оказывает влияние на условия наблюдения [Фок, 1936, с. 454]. Так Бор объясняет парадокс ЭПР, который, на первый взгляд, демонстрирует действие на расстоянии или неполноту квантовой механики. Наш к-реализм утверждает, что идея Бора применима к любым измерениям, в том числе и прямым.

Бор редко употребляет понятие коллапса и рассматривает его как понятие формальное. Для него коллапс – не реальный физический процесс [Zinkernagel, 2007]. Фон Нейман тоже не считает коллапс волновой функции реальным физическим процессом. Для него квантовая механика универсальна, не ограничивается микромиром, а вместо классического измерительного прибора и субъекта он вводит в рассмотрение универсальное трансцендентальное «абстрактное эго», применяющее квантовую теорию.

Редукция, осуществляемая кьюбизмом, как уже было сказано, более радикальна, чем редукция, предлагаемая Бором. Битболь и Б & Т, однако, считают, что полная концептуальная самосогласованность квантовой теории и в частности кьюбизма требует ещё более радикального феноменологического подхода. Предлагается редукция не просто к опыту, или «чистому сознанию», а радикальная трансцендентальная редукция к первичному «переживаемому настоящему» (*living present*), индивидуальному «переживаемому опыту» (*lived experience*) [Bitbol, 2022b]. Этот опыт постулируется как исходный и конечный пункт всякого научного исследования. К нему всё редуцируется и из него выводится (конституируется) квантовая теория.

⁸ Витгенштейн пишет: «Если вы измеряете стол рулеткой, измеряете ли вы также рулетку? Если вы измеряете рулетку, то вы не можете одновременно измерять стол» [Wittgenstein, 1978, p. 199].

Вопрос, который нами уже был поставлен выше, – о точном понимании этого первичного опыта радикальной феноменологии. Для нашего к-реализма исходный и конечный пункт всякого исследования – напомним это ещё раз – первичное чувственное / осязаемое (неинтенциональный опыт) как элемент реальности⁹. Понятие осязаемого, как мы считаем, можно понимать в узком и максимально широком (обобщённом) смысле. В узком смысле – это реальность обыденного чувственного опыта, как, например, реальность звука или реальность цвета. В обобщённом смысле это любой элемент реальности как таковой. В этом смысле можно, например, говорить о социальном или математическом осязаемом. Здесь мы говорим только об обыденном и физическом осязаемом. Например, идентификация («конституирование») бозона Хиггса как реального объекта при помощи Стандартной модели как в-правила предполагает физическое осязаемое – (не «внешнюю») физическую реальность, в которой происходит идентификация.

Чувственное / осязаемое также исходный пункт бифуркации субъективного и объективного, внутреннего и внешнего (эти понятия вторичны по отношению к понятию реальности). У нас она возникает в реальности. Кажется, Битболь и Б & Т занимают противоположную позицию: понятие реальности как таковой для них не имеет смысла (во всяком случае оно не первично), а первичный опыт, из которого возникает бифуркация субъективного и объективного, понимается в смысле некоторой радикальной феноменологии. В частности, то, что Б & Т принимают за «реальность» (мир, объекты мира), а также другие субъекты, «конституируются», исходя из опыта переживаемого настоящего, первичного «чистого настоящего (переживаемого) опыта» – понятие, которое они заимствуют у Гуссерля; более «глубокая» реконструкция, не опирающаяся на опыт, не имеет смысла. В результате понятия мира, объекта, субъекта, приобретают у Б & Т нетрадиционный смысл. Всё же реконструкция, предлагаемая Б & Т, является более глубокой, чем реконструкция, исходя из «экспериментальной информации» – понятие, которое ввёл А. Гринбаум [Grinbaum, 2007]. Понятие информации не является фундаментальным. С точки зрения нашего ККР опыт, нагруженный информацией, вторичен. Первичный неконцептуализированный опыт – опыт как реальное чувственное / осязаемое – не несёт никакой информации. Отметим, что в предлагаемом Б & Т феноменологическом конституировании речь идёт лишь об эпистемологической структуре, «минимальном ядре» квантовой теории, то есть базовых структурах наблюдения и ожидания.

ККР и вывод квантовой механики из первых принципов

Для нашего к-реализма, отвергающего метафизический репрезентационализм, провозглашающий представление в качестве посредника между субъектом и реальностью, как и для феноменологического подхода, о «внешнем мире» нет смысла говорить. Мир конституируется как форма жизни – концептуализиро-

⁹ Могут сказать, что такая позиция напоминает субъективный идеализм Беркли. На самом деле, как напоминает Бенуа, Беркли «был не идеалистом, а имматериалистом и, как таковой, реалистом чувственных свойств» [Benoist, 2023, p. 272].

ванная (в смысле идентифицированная при помощи подходящих концептов, которые не были даны в готовом виде изначально, а вырабатывались одновременно с формированием мира), «прирученная» часть реальности. В то же время теория как в-правило – средство познания (представления, описания) реальности, но познания (представления, описания) не глобального, а локального (в контексте), в смысле идентификации того, что есть. Локальное (контекстуальное) представление играет роль не экрана между субъектом и миром, а концептуальной перспективы, которая и делает возможным познание. Бесперспективное, то есть неконцептуальное, познание не имеет смысла. Можно предположить, что «вывод» квантовой механики, а, точнее говоря, её эпистемологического ядра, может быть осуществлён, исходя из концепта реальности и/или принципа контекстуальности, как их понимает к-реализм. Правильно понятый концепт реальности подразумевает, что контекстуальность – «фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности», как это утверждает Бенуа (союз «и» выделен Бенуа) [Benoist, 2017, p. 53].

Нобелевский лауреат по физике 2022 г. А. Цайлингер выводит квантовую механику из принципа информации (при этом делается допущение, что информация сохраняется), согласно которому минимальная физическая система содержит 1 бит информации. Ранее мы утверждали, что это идеалистический принцип, поскольку автор отождествляет информацию (идеальное) и реальность, и вместо информационного принципа предложили принцип контекстуальности [Прись, 2021b]. В целом теоретический вывод Цайлингера сохраняется, но с точки зрения философии «ставится с головы на ноги». Здесь мы не воспроизводим наш аргумент, а укажем на другие, но связанные с ним, возможности вывода (обоснования, исходя из принципов) квантовой теории.

Контекстуальность означает, что порядок двух последовательных измерений, А и В, имеет значение. Другими словами, физические величины должны быть некоммутативными операторами. Принимая во внимание принцип соответствия между классической и квантовой механиками, одна лишь некоммутативность позволяет многое сказать о математической структуре квантовой теории. (См. упомянутую выше трактовку Бабом и Питовским квантовой механики как принципиальной теории.) Также из принципа контекстуальности, понятого с точки зрения к-реализма, следует, как мы утверждаем, невозможность клонирования неизвестного квантового состояния, так как тот факт, что оно неизвестно для того, кто хочет его клонировать, означает, что оно не существует для него как объект онтологии (клонирование не имеет смысла). Как показали Дж. Баб и И. Питовский, если постулировать принцип невозможности клонирования неизвестного квантового состояния и принцип невозможности мгновенной передачи взаимодействий и, соответственно, информации, на расстояние, то из этих двух принципов можно вывести квантовую механику (обычно поступают наоборот: невозможность клонирования выводится из постулатов квантовой механики) [Bub, 2010]¹⁰.

¹⁰ Некоторые авторы утверждают, что невозможность клонирования не является специфическим квантовым свойством, а наблюдается и в классической физике [Jennings, 2016]. Это согласуется с нашей позицией, что классическая физика, строго говоря, тоже является контекстуальной.

Вывод квантовой механики, исходя из фундаментальных принципов, не однозначен. Так, например, Клифтон, Баб и Халворсон реконструировали квантовую механику, исходя из трёх принципов (теорема СВН) [Clifton, 2003]. В более поздней работе 2005 г. Баб пишет: «Теорема СВН показала, что можно вывести основные кинематические особенности квантово-теоретического описания физических систем (...) из трех фундаментальных информационно-теоретических ограничений: (i) невозможность сверхсветового переноса информации между двумя физическими системами путем проведения измерений на одной из них, (ii) невозможность идеальной трансляции информации, содержащейся в неизвестном физическом состоянии (для чистых состояний это равносильно “невозможности клонирования”), и (iii) невозможность передачи информации таким образом, чтобы реализовать определенный примитивный криптографический протокол, называемый “битовым обязательством”, с безусловной безопасностью» [Bub, 2005, p. 550].

К. Ровелли реконструирует квантовую механику, исходя из двух информационных принципов: принципа конечности информации, содержащейся в квантовой системе, и принципа приобретения новой информации при измерении. Он пишет: «(i) Релевантная информация конечна для системы с компактным фазовым пространством, (ii) всегда может быть приобретена новая информация» [Rovelli, 2019]. Подобно двум принципам специальной теории относительности, эти принципы, на первый взгляд, вступают друг с другом в противоречие, которое разрешается в рамках квантовой механики, квантовыми свойствами системы.

Наш к-реализм тоже может быть понят как комбинация двух на первый взгляд противоречащих друг другу принципов: принципа не(пред)определённости (соотношение неопределённости Гейзенберга как раз и является инстанциацией принципа не(пред)определённости), то есть контекстуальности, и принципа реализма. Результат квантового (строго говоря, любого) измерения (реальности) не предопределён, но реален в том смысле, что говорит о том, что действительно есть и было до измерения, которое не оказывает влияния на измеряемую реальность и не создаёт её. Метафизический реалист признаёт, что результат измерения реален, но из этого заключает, что он предопределён, тогда как антиреалист (идеалист) признаёт, что результат измерения не предопределён, и из этого заключает, что он нереален, то есть просто производится в «акте» измерения. Обе крайности разделяют эпистемический реализм модерна, редуцирующий реальность к объективности (объектности), не делающий различия между реальностью и знанием (информацией, истиной). С точки зрения метафизического реалиста раз есть реальность, есть и (быть может, скрытое) знание о ней, тогда как с точки зрения метафизического антиреалиста раз нет знания, то нет и реальности. Эпистемический реализм, если он не ограничивается констатацией объективности истины и знания, а к тому же редуцирует реальность к объективности и в этом смысле отвергает самостоятельный онтологический реализм, в конечном итоге оказывается идеалистической позицией¹¹.

¹¹ Примером смещения эпистемологии и онтологии является философская позиция А. Цайлингера. Например, он пишет: «Моё предложение состоит в том, что... различие между знанием и реальностью, между реальностью и информацией не может быть сделано. Нет способа сослаться на реальность, не используя информацию, которую мы о ней имеем» [Zeilinger, 2005].

Кьюбизм и феноменология М. Мерло-Понти

Вернёмся к феноменологической интерпретации кьюбизма. Как уже было сказано, первоначально в кьюбизме речь шла об опыте взаимодействия агента и квантовой системы, находящейся во внешнем мире, то есть сохранялся дуализм внутренней субъективности и внешней объективности. Позже произошёл заметный сдвиг к монизму чистого опыта, который принимается в качестве первичного понятия. Феноменология Гуссерля оказывается лишь промежуточным этапом в понимании кьюбизма. Например, М. Битболь, а также Л. Колетти и П. Пелегрини, предложили взглянуть на квантовую механику с точки зрения феноменологии М. Мерло-Понти, критикующей трансцендентализм Гуссерля и вводящей нестандартную (не объектную) эндо-онтологию «мировой плоти» (*world-flesh*) [Bitbol, 2020; Colletti, 2020]. Сам французский феноменолог размышлял о квантовой вероятности [Bitbol, 2020; Merleau-Ponty; 2003]. Аналогию между онтологией кьюбизма и онтологией «плоти» Мерло-Понти проводит Р. Шэк – один из основателей этой интерпретации квантовой механики [Schack, 2022].

Применительно к квантовой физике эндо-онтология – «реализм участия» (*participatory realism*) П. Детуш-Феврие – позиция, на которую Мерло-Понти ссылается. О квантовой механике Детуш-Феврие пишет как о «гуманной (*human*) физике», «физике солидарности». Реализм участия и концепция интра-действия кьюбизма вписываются в рамки феноменологии Мерло-Понти и подхода Детуш-Феврие. Участие субъекта в мире, о котором идёт речь у Детуш-Феврие, Мерло-Понти и в кьюбизме, – более глубинное бытие, предшествующее его разделению на субъекта и объектный мир. Б & Т также употребляют выражение «иммерсивный опыт приобщения субъекта к миру». Реализм участия, версию которого принимает К. Фукс и другие кьюбисты, отвергает репрезентационализм модерна [Bitbol, 2020].

Сходство между к-реализмом и поздним Мерло-Понти в том, что последний отказывается от своего феноменологического понятия «перцепция» (фр. *perception*) в пользу понятия «ощущаемое» (фр. *le sensible*), которое выражает первичный опыт¹². Иными словами, феноменология М. Мерло-Понти максимально приближается к позиции реализма. В то же время, как показал Бенуа, она всё ещё содержит остаточный трансцендентализм. Понятие мировой плоти Мерло-Понти не является радикальным (в смысле неинтенциональным) опытом. Ощущаемое у Мерло-Понти имеет особую (феноменологическую) интенциональность [Merleau-Ponty, 1945; 1964]. В нём бытие даётся (являет себя) феноменологически (недискурсивно) [Benoist, 2013, p. 217]. Согласно Ж. Бенуа, «Мерло-Понти, на самом деле, четко определяя специфику проблемы чувственного, вплоть до того, что предполагает выход за пределы всей феноменологии, продолжает до конца отстаивать форму *слабого интенционализма восприятия*. С его точки зрения,

¹² Вообще, согласно анализу Бенуа, понятие перцепции философии модерна несостоятельно, так как оно предполагает, что перцепция есть 1) акт; 2) перцепция объектов внешнего мира, которые в акте перцепции схватываются; 3) региональное различие между видимым и невидимым. На самом деле перцепция не акт, и к самому определению этого понятия (его «грамматике»), а не содержательным свойствам перцепции, относится различие между видимым и невидимым (речь не идёт о двух областях реальности) и то, что перцепция – перцепция чего-то. [Benoist, 2013, p. 212–213].

чувственное должно иметь смысл. Он не видит разницы в категориях между смыслом, который по определению идеален, и чувственным, которое является категорией реальности. В крайнем случае, он пытается пассивировать или анонимизировать смысл, в отчаянной попытке придать ему чувственность. При этом он не полностью избегает трансцендентального нарциссизма воспринимаемого» [Benoist, 2013, p. 13]. Эта критика феноменологии Мерло-Понти нами переносится на феноменологические интерпретации кьюбизма.

Кажется, Битболь и другие авторы не принимают это во внимание. С другой стороны, сами Б & Т говорят об опыте, который имеет структуру ожидания (ожидаются те или иные возможности), следовательно, интенциональность. Такой опыт не есть радикальный, доинтенциональный. Например, они пишут: «Настоящий опыт состоит из присутствия и мотивированных ожиданий» [Bitbol, 2022b, p. 20]. Для нас, как и для Бенуа, ощущаемое – просто реально или часть реальности.

Кьюбизм и эко-феноменология

В своих недавних работах Б & Т делают акцент на радикальной эмпирической / феноменологической интерпретации и коррекции кьюбизма, используя ресурсы более радикальных феноменологических подходов – феноменологии «присутствия» (фр. *présence*) Р. Барбара и «эко-феноменологии», или «атмосферной» (фр. *ambiance*) феноменологии, Б. Бегу [Barbaras, 2019; Végout, 2021]. (Понятия присутствия и атмосферы у этих философов играют роль, которая близка роли чувственного / ощущаемого в к-реализме. Но обоснование этого утверждения требует отдельного рассмотрения.) Эко-феноменология Б. Бегу представляет собой развитие феноменологии Гуссерля и феноменологии воплощения (*embodiment*) Мерло-Понти. Феноменологии Барбара и Бегу развивают нестандартную (не объектную) концепцию мира. В рамках феноменологии Барбара мир (и вообще всё) возникает из «присутствия». У Бегу мир возникает из живого опыта (*lived experience*) как его виртуальное раскрытие (*unfolding*). Другими словами, в эко-феноменологии внешнее отношение между субъектом и (внешним) миром заменяется опытом взаимопроникновения субъекта и мира. Субъект-объектный дуализм оказывается вторичным. Бегу отвергает картезианский дуализм внутреннего и внешнего и реляционизм. В частности, отношение между субъектом и окружающей средой для него вторично. Первична «атмосфера». Это монистический подход.

С точки зрения радикальной эко-феноменологии, с одной стороны, субъект погружается в мир, а с другой стороны, мир проникает в опыт субъекта, являет себя в нём. Б & Т рассматривают «зеркально-подобное соответствие между: (i) расширением воплощения до опыта-в-мире (*en-worlding of experience*), и (ii) привнесением мира обратно в наш опыт “его”», которому они дают название «мир-в-опыте» (*en-experiencing the world*) [Bitbol, 2022a, p. 45]. В движении от субъекта и его опыта к миру, в который субъект погружается и от которого он становится неотделим, субъективный опыт перестаёт быть независимым от мира, а как бы начинает отождествляться с ним, превращается в плоть мира. Таким образом, мир перестаёт быть чисто объективным. В движении от мира к опыту

объективный мир перестаёт быть независимым от опыта, превращается в опыт, начинает как бы являть себя в нём и возникать из него. Таким образом, опыт перестаёт быть чисто субъективным, интерналистским [Bitbol, 2022a].

Кьюбизм фактически апеллирует к понятию опыта-в-мире. Б & Т полагают, что дополнительное понятие мира-в-опыте позволяет усилить позицию кьюбизма, сделать её более самосогласованной, а также пройти обратный феноменологический путь – реконструировать квантовую механику кьюбизма из феноменологии, «переформулировать весь кьюбизм и квантовую физику на основе нашей фундаментальной ситуации, выявляемой феноменологией: ситуации настоящего опыта, который раскрывается в горизонте возможных будущих опытов» и показать, каким образом в квантовой теории возникает объективность [Bitbol, 2022a, p. 45]. Компромисс кьюбизма с научным реализмом отвергается. Точка зрения первого лица, живой опыт пользователя науки – исходный и конечный пункты исследования.

Таким образом, традиционная парадигма научного познания «переворачивается». Понятия мира, объектов мира, других субъектов реконструируются из чистого опыта и им придаётся новый смысл. Подобно Гуссерлю, авторы этого подхода ищут «всякое утверждение трансцендентности в радикальной имманентности настоящего живого опыта» [Bitbol, 2022b, p. 13]. В рамках такого подхода точка зрения первого лица не исключает точку зрения третьего лица классической физики, а точка зрения пользователя – объективность научных правил и научных утверждений. Но они вторичны, реконструируются. В результате наука выглядит так, «как если бы» она была точкой зрения третьего лица [Bitbol, 2022a, p. 44–45].

Реконструкция предполагает, что такие характеристики реальности как сопротивляемость и способность удивлять объясняемы (отметим, что, как показал Бенуа, эти характеристики важны для понимания концепта реальности, но не являются определяющими для него). Они объясняемы тем, что возникают не в созерцании, а в действии. Это позволяет придать им смысл, а также придать смысл интересубъективности. Б & Т пишут: «Придать смысл удивлению и интересубъективности – всё, что нам нужно для феноменологического проекта конституирования квантовой механики» [Bitbol, 2022b, p. 13].

Предлагаемое Б & Т изменение направления рассмотрения, обратное восхождение от «ситуативного живого опыта познающего и действующего субъекта к структуре и употреблению квантового формализма» мы понимаем не в феноменологическом смысле, как это делают Б & Т, а как восхождение от реальности к теории, которая позволяет её измерить [Bitbol, 2022b]. Первичным является опыт как чувственное / осязаемое, то есть реальность.

Интерсубъективность и объективность гарантируются наличием общих правил (концептов, теории). Трактовка квантовой теории как общего инструмента, который каждый может использовать, подразумевает интересубъективность. Фукс пишет: «Согласно кьюбизму (QBism), квантовая механика – инструмент, который каждый может использовать, чтобы оценить на основе прошлых опытов вероятностные ожидания будущих опытов» [Fuchs, 2014, p. 749]. Согласно ККР, квантовая механика – в-правило (концептуальная схема, укоренённая в реальности), которое каждый может употребить для идентификации элементов кван-

товой реальности (квантовых объектов). Такие употребление и идентификация по определению объективны. При этом они сопровождаются индивидуальными опытами.

Кьюбизм и ККР о квантовых парадоксах, измерении и «ненаблюдаемых»

Фактически кьюбизм, особенно радикальный феноменологический кьюбизм, признаёт (или имеет тенденцию признать) за «реальное» лишь то, что дано в индивидуальном (субъективном) опыте – результаты индивидуального опыта (или сам опыт). Это позволяет ему снять некоторые проблемы, с которыми сталкиваются другие интерпретации квантовой механики. Если речь идёт лишь о субъективной вероятностной связи (результатов) двух последовательных опытов, которые кодирует волновая функция, то не имеет смысла говорить о её субстанциальном коллапсе. «Коллапс» имеет информационную природу; это актуализация экспериментальных данных и, соответственно, знания о субъективных вероятностях результатов будущих опытов¹³. «Реалистические» интерпретации, в частности многомировую интерпретацию, теории со скрытыми параметрами и спонтанного коллапса кьюбизм отвергает, а классические и квантовые явления трактует на равной ноге, поскольку в обоих случаях он обращается к индивидуальному опыту. Необходимость в выводе классической однозначности – наблюдаемого на опыте конкретного результата измерения (показания прибора), – из квантовой плюралистичности (возможных результатов наблюдения / измерения) отпадает. Также автоматически устраняются парадоксы квантовой корреляции, друга Вигнера (двух или более наблюдателей, некоторые из которых наблюдают других наблюдателей) и другие. О квантовой корреляции (между «Бобом» и «Алисой») Фукс и его соавторы пишут: «Ответ Боба имеет смысл для Алисы только тогда, когда он является частью её опыта» [Fuchs, 2014, p. 750]. То есть для кьюбизма сравнение результатов корреляции имеет смысл лишь в опыте индивидуального наблюдателя, а не само по себе. Но в этом случае интервал между сравниваемыми событиями всегда временно-подобный. Парадокс дальнего действия не возникает. Можно возразить, правда, как это и делает Г. Бачьягалуппи, что загадка корреляции между событиями, связанными пространственно-подобным интервалом, снова возникает, как только мы зададимся вопросом о том, каков был результат измерения Боба до того, как Алиса о нём узнала, произвела сравнение своего результата и результата Боба. Производя сравнение, Алиса измеряет электрон Боба, который до этого уже был измерен Бобом [Bacciagaluppi, 2014]. Это два разных события. Но с точки зрения кьюбизма вопрос, который ставит Бачьягалуппи, не имеет смысла, так как всякий осмысленный вопрос относится к индивидуальному опыту. Аналогичным образом в рамках нашего ККР проблема не возникает, так как о конкретной корреляции имеет смысл говорить лишь в контексте её идентификации. Другими словами, вопрос о влиянии измерения, производимого Алисой на результат измерения, производимого Бобом, не имеет смысла. В отличие от кьюбизма, ККР утверждает, что всякая конкретная корреляция не воз-

¹³ Возможно, здесь лучше говорить не о знании (субъективных вероятностей), а о степенях (субъективной) уверенности агента.

никает (в опыте), она есть, реальна, предшествует своей идентификации (то есть то, что идентифицируется, существовало до своей идентификации – поэтому мы и употребляем термин «идентификация»), но в то же время ККР утверждает, что до своей идентификации она не имеет идентичности (это тавтология: не имеет смысла приписывать чему-то идентичность, не идентифицируя (нормируя) его, что возможно только в контексте). Другими словами, для нас нет смысла говорить, что коррелирующие события связаны между собой пространственно-подобным интервалом в смысле мгновенной передачи воздействия на расстояние. На наш взгляд, ситуация сходна с тем, как трактуется квантовая корреляция в рамках многомировой интерпретации (все возможные конкретные корреляции реализуются, но в разных мирах) или во фрагментализме (вместо множественности параллельных миров вводится фрагментированная реальность) [Прись, 2022b]. Для нас, грубо говоря, все возможные корреляции реализуются в разных контекстах. Следует только уточнить, что по самому своему определению контекст не (пред)дан. О контексте имеет смысл говорить лишь в момент конкретного наблюдения / измерения. Контекст (результата) измерения не отделим от самого (результата) измерения. Это значит, что не существует предопределённой глобальной эвереттовской онтологии множественных миров, как это утверждает метафизическая многомировая интерпретация. Эвереттовские миры реальны, но не предопределены. Они определяются в контексте своей идентификации.

Итак, с точки зрения ККР всякое сравнение имеет смысл не в рамках индивидуального опыта, а в одном и том же контексте, который и есть контекст сравнения. Ни деконтекстуализированное сравнение, ни сравнение того, что происходит в разных контекстах не имеет смысла (по определению: всё, что идентифицируется и, в частности, сравнивается, идентифицируется / сравнивается в контексте). В фиксированном контексте все величины уже (пред)определены, а корреляция – классическая причинная корреляция, то есть результат общей причины. В ККР объективность и интерсубъективность в целом гарантируются общими средствами идентификации (наличие таких средств уже предполагает объективность). Объективные явления возникают в реальности в результате применения общих концептов, теории, инструментов наблюдения. Индивидуальный опыт лишь сопровождает (корректную или нет) идентификацию элемента реальности – явление. В кьюбизме же явления создаются в опыте индивидуального агента, который первичен. Вторично расщепление в опыте на агента и реагента. Как и в ККР, в кьюбизме наблюдение не пассивно, не есть наблюдение чего-то автономного, абсолютного, внешнего по отношению к наблюдателю. Б & Т пишут: «Феномены создаются в опыте каждого агента в результате взаимодействия (meeting) между этим агентом и реагентом, а не наблюдаются пассивно агентом» [Bitbol, 2022a, p. 13–14]. Но в кьюбизме, в отличие от ККР, мы не наблюдаем сами реальные вещи. Для ККР реальные вещи не создаются; они просто есть и являются в рамках феноменов, имеющих логическую структуру. Кьюбизм, так же как и радикальная феноменология, эту структуру игнорирует.

В феноменологической интерпретации кьюбизма разложение на агента, измерительный инструмент и измеряемую квантовую (или классическую) систему, строго говоря, не имеет смысла, так как такое разложение несовместимо с при-

нимаемой первичностью опыта. (Напомним, что в то же время кьюбизм Фукса и других сохраняет понятие внешнего мира, от которого радикальные феноменологические интерпретации избавляются.) Согласно Ж. Пиенару, который как раз и смотрит на кьюбизм с точки зрения феноменологической, инструмент в кьюбизме может играть двойную роль. Он может играть роль посредника между агентом и измеряемой квантовой системой: агент измеряет инструмент – его показания, – который измеряет систему, что позволяет опосредованно что-то сказать о системе. При этом квантовомеханические объекты играют роль теоретических (абстрактных) сущих, прямой доступ к которым отсутствует. Устоявшаяся практика использования инструмента позволяет, однако, агенту забыть о посреднике, делает инструмент незаметным, неотличимым от агента. Инструмент как бы исчезает в результате своего употребления, а агент начинает непосредственно воспринимать квантовые сущие. Возникает расширенный когнитивный (и практический) агент [Pienaar, 2020]. Согласно Пиенару, гипотетические (абстрактные, теоретические) квантовые сущие становятся наблюдаемыми в том же прямом смысле, в котором наблюдаемы окружающие обыденные предметы.

Здесь можно констатировать некоторые сходства с нашим ККР. Для ККР нет принципиального различия между тем, наблюдаем ли мы окружающие нас обыденные предметы или атомы и элементарные частицы. Конечно, природа наблюдаемой реальности варьируется. Нельзя сказать, как это делает Ж. Пиенар, что мы чувствуем (воспринимаем) квантовые объекты так же, как мы чувствуем объекты, наблюдаемые невооружённым глазом. С. Френч отмечает, что утверждение, что мы можем буквально «чувствовать атомы», проблематично. Например, для эмпирицизма Б. ван Фраассена существует принципиальная разница между «видеть “сквозь” инструмент» и «видеть своими глазами».

Мы можем, однако, сказать, что само понятие чувствования (мы говорим об «ощущаемом») расширяется, но принципиального разрыва между обыденным чувствованием и чувствованием атомов нет, поскольку в обоих случаях речь идёт о восприятии реальности. Ощущаемое (реальность) в микрофизике не такое, как обыденное ощущаемое (реальность). Мы ощущаем атомы и элементарные частицы, соприкасаемся с их реальностью по-другому. Также отличие между кьюбизмом и ККР в том, что, как уже было сказано, наблюдателя / агента вместе с инструментом наблюдения ККР относит к категории идеального (логике наблюдения). Идеальная теория как в-правило вместе с инструментами наблюдения идентифицирует то, что есть, реальные квантовые объекты. Сам инструмент (как и агент) может стать объектом рассмотрения. Но в том случае, когда он функционирует как измерительный инструмент, он действительно не отделен от агента и именно в том смысле, в котором и тот, и другой, как уже было сказано, просто относятся к логической компоненте измерения, к категории идеального. Для ККР употребление инструмента агентом, в котором инструмент как бы исчезает, – это витгенштейновское употребление правила / нормы в рамках языковой игры. Логическая «граница» между нормативным (идеальным) и фактическим (реальным) подвижна, так как идеальное (нормативное) может превращаться в реальное (фактическое) и наоборот. Инструмент приобретает статус идеального, если он оказывается частью расширенного агента.

Кьюбисты же, как и Бор, продолжают говорить о подвижной границе между классическим миром (наблюдатель / агент, измерительный аппарат и, возможно, часть наблюдаемой системы) и квантовым миром (наблюдаемая система или её часть), в частности, о границе между расширенным агентом, включающим в себя аппарат наблюдения, и наблюдаемой системой. Пиенар, например, пишет: «Мир (...) сжимается, теряя Систему, а Агент вырастает, приобретая Аппарат» [Pienaar, 2020, p. 1918]. Эта граница просто постулируется, а не определяется внутренними или внешними критериями. Также согласно Д. фон Нейману, квантовая механика не предписывает, где должна быть проведена граница между системой и субъектом (эго), а лишь требует, чтобы она была проведена. Для ККР «требование границы» – требование принять во внимание категориальное различие между идеальной теорией (включающей агента и инструмент наблюдения) и реальной практикой её применения. Различие между идеальным и реальным и практическое применение идеального к реальному, то есть его измерение, зависит от контекста, а не от внешних критериев.

Приведём ещё один пример того, каким образом феноменологическая интерпретация кьюбизма ставит всё с ног на голову. С точки зрения ККР понятие точного измерения имеет смысл точного соответствия измеренной величины измеряемой величине в контексте, который определяет пределы допустимой погрешности. То есть измерение является точным, если оно удовлетворяет своей контекстуальной норме (теории и употреблению инструмента). Таким образом, проблема недостижимости абсолютной точности снимается. При этом более точный измерительный инструмент (метод измерения) позволяет сделать то, что и менее точный инструмент, но не наоборот. С точки зрения ККР измеряется реальность или ощущаемое как реальность. В кьюбизме же речь не идёт об измерении «объективной реальности» (выражение, употребляемое кьюбистами). С точки зрения феноменологического подхода Пиенара, если аппарат «А» способен имитировать (заменить) аппарат «В» в производстве результатов, но не наоборот, то А предпочтительнее, чем В [Pienaar, 2020]. Связь с реальностью разрывается, так как измерение трактуется чисто феноменологически. На самом деле видимость (феноменологический опыт) не может быть автономной и всегда предполагает то, видимостью чего она является, – реальность. Постулирование автономной видимости – общая проблема феноменологии.

Объектная и необъектная онтологии

Битболь считает, что квантовая механика не есть представление мира, и вообще на вопрос о том, каков мир, нельзя ответить. В отличие от него, мы делаем различие между миром и реальностью как таковой. О реальности как таковой нет смысла ставить вопрос о том, какова она. Но можно ответить на вопрос о том, каков тот или иной (наш) мир. Мир реален. Но это лишь концептуализированная, «прирученная» часть реальности – форма жизни. Согласно Битболу, подлинный вопрос не онтологический, а мета-онтологический. Это вопрос не о том, как устроен мир независимо от наблюдателя, а о том, каким он должен быть, чтобы проявлять такую сильную устойчивость к репрезентации в качестве объек-

та мысли, которую, с его точки зрения, он проявляет. Наш анализ показывает, что это тоже ложный вопрос. Но для Битболя это попытка сформулировать новый вид онтологии – онтологии того, что не может быть представлено как внешний по отношению к самому представлению объект, – онтологии, в которой невозможно отделить познаваемый объект от акта познания. Отметим, что весь вопрос в том, как понимать эту невозможность отделения! Действительно, онтология не существует сама по себе. Она существует лишь в рамках формы жизни, определяется её витгенштейновской грамматикой. Но она не создаётся грамматикой. То, что существует, существовало до формирования формы жизни и её грамматики, но не в виде объектов, то есть нормированных элементов реальности. Другими словами, онтология чувствительна к контексту. Вместо того чтобы говорить о мире, проявляющем устойчивость к репрезентации, вместе с Бенуа мы говорим (прочиствуем ещё раз), что «контекстуальность – фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности» [Benoist, 2017, p. 53]. На самом деле можно согласиться, например, с Д. Уоллесом, что «квантовая теория хорошо (*just fine*) описывает реальность, подобно любой другой научной теории, заслуживающей серьёзного рассмотрения: описание (и объяснение) реальности – это то, с чем имеет дело научное предприятие» [Wallace, 2012, p. 1]. (Мы, однако, в отличие от Уоллеса, утверждаем, что квантовая теория описывает реальность не глобально, а локально, в контексте.) Как пишет Бенуа, «что, в самом деле, вкладывается в обычное понятие теории, если не представление знания об определенной области реальности» [Benoist, 2017, p. 209]. Позиция Битболя, как нам представляется, вдохновляется неокантианством. Это разновидность субъект-объектного корреляционизма¹⁴. В качестве претендентов на звание альтернативной онтологии, в которой «возможности отделить познаваемый объект от акта познания скудны» и которая бы подошла на роль онтологии квантовой механики, Битболь называет онтологию Шопенгауэра, неокантианскую онтологию (познаваемый объект нельзя идентифицировать, познать, ввести в онтологию, определить как объект вне акта познания. Но это не означает, заметим, что сама его реальность и то, каков он есть, зависит от акта познания), феноменологические онтологии [Bitbol, 2022a]. Наш ККР принимает (чувствительную к контексту) онтологию объектов в широком смысле, то есть объектов как нормированных (идентифицированных) элементов реальности, независимо от их природы. Окружающие нас каждодневные материальные объекты – лишь весьма частный случай.

Заключение

В реалистической ветви философии модерна считалось, что субъективный опыт вторичен по сравнению с реальностью и является посредником между субъектом и миром. Б & Т обращают эту парадигму. Для них реальность не независима от сознания, а, напротив, в некотором (хотя и не в субъективистском) смысле сводится к «сознанию». В то же время сам этот факт обращения означает, что авторы частично остаются в рамках парадигмы модерна. Б & Т пытаются завершить «революцию», которую начал кьюбизм, удаляя из него остатки научного реализ-

¹⁴ Свою разновидность корреляционизма Битболь отстаивает в [Bitbol, 2019].

ма и принимая радикально феноменологический подход (точку зрения первого лица), но так, чтобы не превратить позицию в солипсизм. Квантовая эпистемология трактуется ими как монистическая, но не натуралистическая [Bitbol, 2022a]. В результате авторы отказываются не только от метафизического реализма внешнего мира, но и от реализма *tout court*.

Ранее мы утверждали, что физикализм / натурализм реляционной квантовой механики Ровелли и субъективно-феноменологический кьюбизм Фукса, Мермина и Шэка – две крайности, разделяющие общую парадигму модерна, хотя и не одни и те же её философские предпосылки [Прись, 2022с]. ККР не обращает, как это делают Б & Т, и отвергает традиционное отношение между опытом и реальностью. Феноменологический взгляд на квантовую механику не может объяснить познание квантовой реальности, поведение реальных квантовых систем, так как последней реальностью для феноменологии являются автономные феномены. Наш ККР удаляет из кьюбизма не остатки реализма, а феноменологию, но так, чтобы не впасть в метафизический реализм. Это, в частности, достигается путём переинтерпретации кьюбистского понятия опыта и радикально феноменологического понятия опыта Б & Т в терминах первичного неконцептуализированного опыта (чувственного / осязаемого), между которым и реальностью нет никакой дистанции.

Б & Т считают, что в философском плане квантовая революция была отсрочена на 100 лет. Об этом же говорит и книга Р. Хили “Quantum revolution in philosophy”, на которую они ссылаются [Healey, 2017]. С их точки зрения проблема в том, что многие пытались понять квантовую теорию в рамках традиционной эпистемологии. Но уже отцы-основатели квантовой теории и, в частности, Н. Бор, В. Гейзенберг и Э. Шрёдингер поставили её под сомнение [Bitbol, 2022a]. На наш взгляд, проблема ещё глубже. Это проблема с философией модерна и постмодерна в целом, включая неокантианство и феноменологию. Квантовая механика – аномалия в рамках философской парадигмы (пост)модерна. Её правильное понимание требует перехода к новой философской парадигме – к-реализму.

Список литературы

- Аристотель.** Метафизика / Пер. с др.-греч. А. Кубицкого. М.: АСТ, 2020.
- Прись И. Е.** Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020.
- Прись И. Е.** Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. СПб.: Алетейя, 2021а.
- Прись И. Е.** О фундаментальном концептуальном принципе квантовой механики // Философия науки. 2021b. № 4 (91). С. 82–92.
- Прись И. Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022а. 720 с.
- Прись И. Е.** О квантовой вероятности // Философия науки. 2022b. № 3(94). С. 46–65.
- Прись И. Е.** Об интерпретации квантовой механики // Философия науки. 2022с. № 2(93). С. 75–94.
- Фок В. А., Эйнштейн А. et al.** Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физ. наук. 1936. Т. XVI. Вып. 4. С. 436–457.

- Bacciagaluppi G.** A Critic Looks at QBism // Galavotti M., Dieks D., et al. (eds.). *New Directions in the Philosophy of Science. The Philosophy of Science in a European Perspective*, vol 5. Springer, Cham, 2014. P. 403–416.
- Barbaras R.** *L'appartenance: Vers une cosmologie phénoménologique*. Peeters, 2019.
- Bégout B.** *Le concept d'ambiance*. Paris: Éditions du Seuil, 2021.
- Benoist J.** *Concepts*. Paris: Vrin, 2010.
- Benoist J.** *Le bruit sensible*. Paris: Cerf, 2013.
- Benoist J.** *L'adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017. 376 p.
- Benoist J.** (ed.). *Réalismes anciens et nouveaux*. Paris: Vrin, 2018.
- Benoist J.** Objectivité sans perspective // *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*, 2020. vol. CXII. № 3. P. 773–788.
- Benoist J.** *Toward a Contextual Realism*. Harvard UP, 2021. 216 p.
- Benoist J.** *Von der Phänomenologie zum Realismus. Die Grenzen des Sinns*. Mohr Siebeck, 2022. 177 S.
- Benoist J.** No Limit. On What Thought Can Actually Do // Pier, J. (ed.). *Limits of Intelligibility: Issues from Kant and Wittgenstein*. L.: Routledge, 2023. P. 262–279.
- Berghofer P., Wiltsche H. A.** *Phenomenological Approaches to Physics: Mapping the Field* // Wiltsche H. A., Berghofer P. *Phenomenological Approaches to Physics*. Springer, 2020a. P. 1–47.
- Berghofer P.** *Scientific Perspectivism in the Phenomenological Tradition* // *European Journal for Philosophy of Science*. 2020b. № 10. P. 30.
- Bitbol M.** *Maintenant la finitude*. Paris: Flammarion, 2019.
- Bitbol M.** *Phenomenological ontology for physics. Merleau-Ponty and QBism* // Berghofer P., Wiltsche H. (eds.). *Phenomenological Approaches to Physics*. Synthese Library, Springer, 2020. P. 227–242.
- Bitbol M.** Is the life-world reduction sufficient in quantum physics? // *Continental Review*. 2021. vol. 54. № 4. P. 563–580
- Bitbol M., De La Tremblay L.** *QBism: An Eco-phenomenology of Quantum Physics*. 2022a. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/20090/> (date of access: 18.02.2023).
- Bitbol M., De La Tremblay L.** *Towards a phenomenological constitution of Quantum Mechanics: A QBist approach* // *Mind and Matter*. 2022b. № 20(1). P. 35–62.
- Bub J.** *Quantum Mechanics as a Principal Theory* // *Studies in History and Philosophy of Science. Part B: Studies in History and Philosophy of Modern Physics*. 2000. № 31 (1). P. 75–94.
- Bub J.** *Quantum Mechanics is About Quantum Information* // *Foundations of Physics*. 2005. vol. 35. № 4. P. 541–560.
- Bub J.** 'Two Dogmas' Redux // Hemmo M., Shenker O. (eds.). *Quantum, Probability, Logic*. Springer Nature Switzerland, 2020. P. 199–215.
- Bub J., Pitowsky I.** *Two Dogmas about Quantum Mechanics* // Saunders S., Barrett J. et al. (eds.). *Many Worlds? Everett, Quantum Theory and Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 433–459.
- Clifton R., Bub J. et al.** *Characterizing quantum theory in terms of information-theoretic constraints* // *Foundations of Physics*. 2003. Vol. 33. P. 1561–1591.
- Colletti L., Pellegrini P.** *Merleau-Ponty's Phenomenology as a Hermeneutic Framework for Quantum Mechanics* // *Axiomathes*. 2020. Vol. 30. № 1. P. 49–68.

- Crease R. P., Sares J.** Interview with physicist Christopher Fuchs // *Continental Philosophy Review*. 2021. Vol. 54. P. 541–561.
- De la Tremblaye L.** QBism from a Phenomenological Point of View: Husserl and QBism // Wiltsche H. A., Berghofer P (eds.). *Phenomenological Approaches to Physics*. Synthese Library. Springer, 2020. P. 243–259.
- French S.** From a lost history to a new future: Is a phenomenological approach to quantum physics viable? // Berghofer P., Wiltsche H. (eds.). *Phenomenological Approaches to Physics*. Synthese Library. Springer, 2020. P. 205–226.
- French S.** Putting some flesh on the participant in participatory realism. 2022. – URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/19354/> (date of access: 27.08.2022).
- Fuchs C., Mermin, N. D. et al.** An introduction to QBism with an application to the locality of quantum mechanics // *American Journal of Physics*. 2014. Vol. 82. P. 749–54.
- Fuchs C.** Notwithstanding Bohr, the Reasons for QBism // *Mind and Matter*. 2018. Vol. 15. № 2. P. 245–300.
- Fuchs C.** On Participatory Realism. 2021a. URL: ArXiv: 1601.04360v3 [quant-ph]. (date of access: 19.07.2021)
- Fuchs C. Stacey B. C.** QBians Do Not Exist. 2021b. URL: <https://arxiv.org/abs/2012.14375>. (date of access: 19.07.2021).
- Glick D.** QBism and the Limits of Scientific Realism // *European Journal for Philosophy of Science*. 2021. № 11. P. 53.
- Grinbaum A.** Reconstruction of quantum theory. *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2007. Vol. 58. P. 387–408.
- Healey R.** *The Quantum Revolution in Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Healey R.** Quantum relativity without relativism. 2022. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/20397/>. (date of access: 03.04.2022).
- Jennings D. Leifer M.** No return to classical reality // *Contemporary physics*. 2016. Vol. 57. P. 60–82.
- Merleau-Ponty M.** *Phénoménologie de la perception*. Paris: Gallimard, 1945.
- Merleau-Ponty M.** *Le visible et l'invisible*. Paris: Gallimard, 1964.
- Merleau-Ponty M.** *Nature*. Course notes from the Collège de France. Evanston: Northwestern UP, 2003.
- Pienaar J.** Extending the agent in QBism // *Foundations of Physics*. 2020. Vol. 50. P. 1894–1920.
- Rovelli C.** Relational quantum mechanics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2019, URL: <https://plato.stanford.edu/entries/qm-relational/>. (date of access: 06.10.2022).
- Schack R.** A QBist reads Merleau-Ponty. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2212.11094>. (date of access: 03.02.2023.)
- Stanley J., Williamson T.** Knowing How // *Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 98. № 8. P. 411–44.
- Wallace D.** *The Emergent Multiverse. Quantum Theory according to the Everett Interpretation*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Wittgenstein L.** *Remarks on the Foundations of Mathematics*. Oxford: Basil Blackwell, 1978.

- Zeilinger A.** The message of the quantum // *Nature*. 2005. Vol. 438. № 8. P. 743.
- Zinkernagel H.** Niels Bohr on the wave function and the classical / quantum divide // *Studies in History and Philosophy of Modern Physics*. 2016. Vol. 53. P. 9-19.

References

- Aristotle.** *Metafizika* [Metaphysics]. Tr. by A. Kubitsky. Moscow: ACT, 2020. (In Russ.)
- Bacciagaluppi G.** A Critic Looks at QBism. In: Galavotti M., Dieks D., et al. (eds.). *New Directions in the Philosophy of Science. The Philosophy of Science in a European Perspective*, vol 5. Springer, Cham, 2014. P. 403–416.
- Barbaras R.** *L'appartenance: Vers une cosmologie phénoménologique*. Peeters, 2019.
- Bégout B.** *Le concept d'ambiance*. Éditions du Seuil, 2021.
- Benoist J.** *Concepts*. Paris: Vrin, 2010.
- Benoist J.** *Le bruit sensible*. Cerf, 2013.
- Benoist J.** *L'adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017. 376 p.
- Benoist J.** (ed.). *Réalismes anciens et nouveaux*. Paris: Vrin, 2018.
- Benoist J.** Objectivité sans perspective // *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*. 2020. CXII, no. 3. P. 773–788.
- Benoist J.** *Toward a Contextual Realism*. Harvard UP, 2021. 216 p.
- Benoist J.** *Von der Phänomenologie zum Realismus. Die Grenzen des Sinns*. Mohr Siebeck, 2022. 177 S.
- Benoist J.** No Limit. On What Thought Can Actually Do. In: Pier, J. *Limits of Intelligibility: Issues from Kant and Wittgenstein*. London: Routledge, 2023. P. 262–279.
- Berghofer P., Wiltsche H. A.** Phenomenological Approaches to Physics: Mapping the Field. In: Wiltsche, H. A., Berghofer, P. *Phenomenological Approaches to Physics*, Springer, 2020a. P. 1–47.
- Berghofer P.** Scientific Perspectivism in the Phenomenological Tradition. *European Journal for Philosophy of Science*, 2020b, 10: 30.
- Bitbol M.** *Maintenant la finitude*. Paris: Flammarion, 2019.
- Bitbol M.** Phenomenological ontology for physics. Merleau-Ponty and QBism. In: Berghofer, P., Wiltsche, H. (eds.). *Phenomenological Approaches to Physics*. Synthese Library, Springer, 2020. P. 227–242.
- Bitbol M.** Is the life-world reduction sufficient in quantum physics? *Continental Review*, 2021, vol. 54, no. 4. P. 563-580
- Bitbol M., De La Tremblay L.** QBism: An Eco-phenomenology of Quantum Physics, 2022a, URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/20090/> (date of access: 18.02.2023).
- Bitbol M., De La Tremblay L.** Towards a phenomenological constitution of Quantum Mechanics: A QBist approach. *Mind and Matter*, 2022b, 20(1), pp. 35–62.
- Bub J.** Quantum Mechanics as a Principal Theory. *Studies in History and Philosophy of Science Part B: Studies in History and Philosophy of Modern Physics*, 2000, 31 (1), pp. 75–94.
- Bub J.** Quantum Mechanics is About Quantum Information. *Foundations of Physics*, 2005, vol. 35, no. 4. P. 541–560.
- Bub J.** 'Two Dogmas' Redux. In: Hemmo M., Shenker O. (eds.). *Quantum, Probability, Logic*. Springer Nature Switzerland, 2020. P. 199–215.

- Bub J., Pitowsky I.** Two Dogmas about Quantum Mechanics. In: Saunders S., Barrett J., et. al. (eds.). *Many Worlds? Everett, Quantum Theory and Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 433–459.
- Clifton R., Bub J., et al.** Characterizing quantum theory in terms of information-theoretic constraints. *Foundations of Physics*, 2003, vol. 33. P. 1561–1591.
- Colletti L., Pellegrini P.** Merleau-Ponty's Phenomenology as a Hermeneutic Framework for Quantum Mechanics. *Axiomathes*, 2020, vol. 30, no. 1. P. 49–68.
- Crease R. P., Sares J.** Interview with physicist Christopher Fuchs. *Cotinental Philosophy Review*, 2021, vol. 54. P. 541–561.
- De La Tremblaye L.** QBism from a Phenomenological Point of View: Husserl and QBism. In: Wiltsche H. A., Berghofer P (eds.). *Phenomenological Approaches to Physics*, 2020. P. 243–259.
- Fock B. A., Einstein A., et al.** Mozhno li schitat', chto kvantovo-mekhanicheskoye opisaniye fizicheskoy realnosti yavlyayetsya polnym? [Can the quantum-mechanical description of physical reality be considered complete?]. *Uspekhi Fizicheskikh Nauk*, 1936, vol. XVI, no. 4. pp. 436–457. (In Russ.)
- French S.** From a lost history to a new future: Is a phenomenological approach to quantum physics viable? In: Berghofer P., Wiltsche, H. (eds.). *Phenomenological Approaches to Physics*. Synthese Library, Springer, 2020. P. 205–226.
- French S.** Putting some flesh on the participant in participatory realism. – 2022. – URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/19354/> (date of access: 27.08.2022).
- Fuchs C., Mermin, N. D., et al.** An introduction to QBism with an application to the locality of quantum mechanics. *American Journal of Physics*, 2014, vol. 82. P. 749–54.
- Fuchs C.** Notwithstanding Bohr, the Reasons for QBism. *Mind and Matter*, 2018, vol. 15, no. 2. P. 245–300.
- Fuchs C.** On Participatory Realism – 2021a. – URL: ArXiv: 1601.04360v3 [quant-ph]. (date of access: 19.07.2021)
- Fuchs C. Stacey B. C.** QBians Do Not Exist. – 2021b. – URL: <https://arxiv.org/abs/2012.14375>. (date of access: 19.07.2021).
- Glick D.** QBism and the Limits of Scientific Realism. *European Journal for Philosophy of Science*, 2021, 11: 53.
- Grinbaum A.** Reconstruction of quantum theory. *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2007, vol. 58. P. 387–408.
- Healey R.** *The Quantum Revolution in Philosophy*. Oxford University Press, 2017.
- Healey R.** Quantum relativity without relativism, 2022, URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/20397/>. (date of access: 03.04.2022).
- Jennings D. Leifer M.** No return to classical reality. *Contemporary physics*, 2016, vol. 57. P. 60–82.
- Merleau-Ponty M.** *Phénoménologie de la perception*. Paris: Gallimard, 1945.
- Merleau-Ponty M.** *Le visible et l'invisible*. Gallimard, 1964.
- Merleau-Ponty M.** *Nature. Course notes from the Collège de France*. Evanston: Northwestern UP, 2003.
- Pienaar J.** Extending the agent in QBism. *Foundations of Physics*, 2020, vol. 50. P. 1894–1920.

- Pris I. E.** *Kontekstualnost ontologii i sovremennaya fizika* [Contextuality of Ontology and Contemporary Physics]. St. Petersburg, Aletheia, 2020. (In Russ.)
- Pris I. E.** *Bozon Khiggса. kvantovyye struny i filosofiya fiziki* [Higgs boson, quantum strings and philosophy of physics]. St. Petersburg, Aletheia, 2021a. (In Russ.)
- Pris I. E.** О фундаментальном концептуальном принципе квантовой механики [On the foundational conceptual principle of quantum mechanics]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2021b, vol. 91, no. 4. P. 82–92. (In Russ.)
- Pris I. E.** *Znaniye v kontekste* [Knowledge in context]. St. Petersburg, Aletheia, 2022a. (In Russ.)
- Pris I. E.** О квантовой вероятности [On quantum probability]. *Filosofiya nauki*, 2022b, vol. 94, no. 3. P. 46–65. (In Russ.)
- Pris I. E.** Об интерпретации квантовой механики [On interpretation of quantum mechanics]. *Filosofiya nauki*, 2022c, vol. 93, no. 2. P. 75–94. (In Russ.)
- Rovelli C.** Relational quantum mechanics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2019, URL: <https://plato.stanford.edu/entries/qm-relational/>. (date of access: 06.10.2022).
- Schack R.** A QBist reads Merleau-Ponty, 2022, URL: <https://arxiv.org/abs/2212.11094>. (date of access: 03.02.2023.)
- Stanley J., Williamson, T.** Knowing How. *Journal of Philosophy*, 2001, vol. 98, no. 8. P. 411–44.
- Wallace D.** *The Emergent Multiverse. Quantum Theory according to the Everett Interpretation*. Oxford University Press, 2012.
- Wittgenstein L.** *Remarks on the Foundations of Mathematics*. Oxford: Basil Blackwell, 1978.
- Zeilinger A.** The message of the quantum. *Nature*, 2005, vol. 438, no. 8. P. 743.
- Zinkernagel H.** Niels Bohr on the wave function and the classical/quantum divide. *Studies in History and Philosophy of Modern Physics*, 2016, vol. 53. P. 9-19.

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись

доктор философии (PhD), канд. физ.-мат. наук
Ведущий научный сотрудник, Института философии НАН Беларуси

Information about the Author

Igor Pris

Doctor (PhD) in Philosophy, Candidate of Sciences (Theoretical physics)
Leading Researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus

*Статья поступила в редколлегию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 16.01.2023
The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50

Виды знания и эпистемическая редукция

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

В статье содержится краткий анализ современного состояния полемики о двух видах знания – «знания-как» и «знания-что» и обсуждается возможность редукции знания первого вида ко второму. Выделены две перспективные антиредукционистские стратегии. В первой используется понятие «эпистемической удачи» для демонстрации того, что эпистемические характеристики этих двух видов знания различаются. Вторая стратегия основана на трактовке М. Дэвиттом природы лингвистического знания, которая в случае ее принятия лишает сторонников эпистемического редукционизма претензий на универсальность своей позиции.

Ключевые слова

«знание-как», «знание-что», эпистемическая редукция, эпистемическая удача, лингвистическое знание, Г. Райл, М. Дэвитт

Для цитирования

Шевченко А. А. Виды знания и эпистемическая редукция // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 43–50. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50

Kinds of knowledge and epistemic reduction

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

The article provides a brief analysis of the current debate on the two types of knowledge – knowledge-how and knowledge-that and discusses the possibility of reduction of the former to the latter. Two promising anti-reductionist strategies are highlighted. The first strategy uses the notion of “epistemic luck” to demonstrate that the epistemic characteristics of these two kinds of knowledge differ. The second strategy can be based on M. Dewitt’s treatment of linguistic knowledge, which, if accepted, at least deprives the proponents of epistemic reductionism of claims to the universality of their position.

© Шевченко А. А., 2023

Keywords

knowledge-how, knowledge-that, epistemic reduction, epistemic luck, linguistic knowledge, G. Ryle, M. Devitt

For citation

Shevchenko A. A. Kinds of knowledge and epistemic reduction. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 43–50. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50

Современные дискуссии о природе знания во многом обязаны идеям Г. Райла, изложенным им в лекции 1945 г. «Знание-как и знание-что» [Ryle, 1945] и во второй главе монографии 1949 г. «Понятие сознания» [Ryle, 1949; Райл, 1999]. Г. Райл, один из самых ярких представителей оксфордской школы «обыденного языка», оставил богатое и разнообразное наследие, включающее статьи о философских дилеммах, сознании, познании, теориях значения, книгу о Платоне. Его первая книга, «Понятие сознания», включающая важнейшие для Г. Райла тексты, стала бестселлером и современной философской классикой. И именно в ней, сразу после разрушения «картезианского мифа» – декартовских представлений о дуализме души и тела, Г. Райл переходит к анализу знания и его разновидностей, что в конечном итоге и порождает всю современную дискуссию о «знании-как» и «знании-что».

Хотя это различие между двумя видами знания («знанием-что» и «знанием-как») в современной эпистемологии уже считается общепринятым, продолжаются дискуссии об их соотношении, о том, можно ли знание второго типа считать базовым и осуществить к нему редукцию знания первого типа. В таких разных областях как эпистемология, философия действия, этика, философия языка, лингвистика, теория образования, когнитивная этология, психология, философия сознания, феноменология, когнитивные науки, особый интерес вызывает понятие «знание-как» и его связь с мышлением пропозиционального типа [Bengson, Moffett, 2011, p. 4].

«Знание-как» относится к способности выполнять определенные умственные или физические задачи, такие как решение математической задачи, игра на музыкальном инструменте или приготовление пищи. «Знание-что» – знание пропозициональное, относится к информации, которую человек приобретает в процессе обучения или опыта. Этот тип знания включает знание фактов или теорий и часто рассматривается как основа для всех других видов знания¹. Сторонников позиции, согласно которой не только наше знание о фактах, но и том, как выполнять

¹ Под «пропозицией» в аналитической философской традиции принято понимать абстрактный объект, семантический инвариант, который может быть выражен посредством различных эпистемических установок, таких как убеждение, сомнение, знание, и является носителем истинности или ложности. Пропозициональное знание, соответственно, это знание, выражаемое в пропозициях. «Знание-как» – знание диспозициональное, это предрасположенность, склонность или умение вести себя определенным образом в определенных ситуациях. Важность дискуссии о видах знаниях, спровоцированная Г. Райлом, объясняется тем, что различие между знанием пропозициональным и диспозициональным не является бесспорным или очевидным. Так, например, выражение «она знает логическое правило» может пониматься и как знание некоторого логического факта, и как умение сделать правильный логический вывод.

действия, является пропозициональным, принято называть «интеллектуалистами». Оппоненты, выступающие против такой редукции одного вида знания к другому, именуются, соответственно, «анти-интеллектуалистами». Позицию Г. Райла обычно считают образцом анти-интеллектуализма. Согласно ему, мы знаем, как выполнять некоторое действие (например, ездить на велосипеде) в том случае, если у нас есть умение или диспозиция успешно это делать. Сторонники противоположной точки зрения не отрицают такого умения или диспозиции, но полагают, что в их основе лежит пропозициональная установка в отношении того или иного успешного действия. «Интеллектуалисты» полагают, что «знание-как» состоит в знании того, что некоторые пропозиции относительно того или иного действия являются истинными. В данном случае это знание набора истинных пропозиций о том, как управлять велосипедом.

С философской точки зрения самой интересной является крайняя позиция «интеллектуалистов», согласно которой пропозициональное знание является базовым и к нему может быть сведено «знание-как». Такую позицию называют «эпистемическим редукционизмом» (см., например: [Stanley, Williamson, 2001; Stanley, 2011]). Антиредукционисты же полагают, что в основе «знания-как» лежат навыки, компетенции, способности, которые далеко не всегда выражаются или могут быть выражены в виде пропозиций.

В качестве контрпримеров сторонники редукции обычно приводят ситуации, в которых «знание-как» не обязательно подразумевает соответствующую способность. Примерами могут служить инструктор, обучающий пилотированию на тренажере, сам не умеющий летать, пианист, повредивший пальцы и утративший способность играть, и т. п. Один из основных сторонников интеллектуализма и редукционизма Дж. Стэнли разворачивает обоснование редукции, состоящее из двух этапов [Stanley, 2011]. Вначале он формулирует языковой аргумент, пытаясь продемонстрировать синтаксическое единство «знания-как» с другими видами знания. Для этого он предлагает представить такое знание как содержащее ответы на (гипотетические, неявные, релевантные ситуации) вопросы. В качестве второго шага он стремится к такой трактовке пропозиций, в рамках которой они не были бы «мотивационно инертными», т. е. служили бы не только набором описаний для соответствующего умения, но и могли трактоваться как побуждение к действию. Такая трактовка была бы ответом на убеждение Г. Райла в том, что пропозиции «инертны» в плане влияния на поведение человека (*behaviorally inert*).

По умолчанию, вслед за Г. Райлом, обычно принимается анти-интеллектуалистская позиция, хотя за время, прошедшее после появления его публикаций, появилось немало интересных текстов, по сути отстаивающих позицию эпистемического редукционизма, даже если прямо не говорящих об этом [Stanley, Williamson, 2001]. Можно даже сказать, что аргументация в пользу такой редукции становится все более интересной, в то время как анти-интеллектуалисты часто довольствуются апелляцией к самоочевидности различий между этим двумя видами знания. В последнее время оживлению дискуссии способствовали споры и о таких эпистемических установках как «знание-почему» и «понимание-почему» [Lawler, 2019].

Рассмотрим сначала классический аргумент Г. Райла в пользу демаркации между «знанием-как» и «знанием-что», затем представим позицию «интеллектуалистов» и в завершение приведем две анти-редукционистские стратегии аргументации, которые нам кажутся наиболее перспективными в этом споре.

Хотя Г. Райл и признавал, что «существует как определённый параллелизм между «знанием-как» и «знанием-что», так и различия между ними, особое внимание он уделил именно различиям: «Мы говорим об обучении тому, как играть на музыкальном инструменте, аналогично тому, что нечто является фактом; говорим о том, как постригать деревья, и о том, что римляне встали лагерем в определённом месте. Мы говорим, что позабыли, как вязать рифовый узел, и что по-немецки «Messer» значит «нож». Мы можем интересоваться как, а можем стремиться узнать – *действительно ли*» [Райл, 1999, с. 37]. Вторая глава его книги «Понятие сознания» полностью посвящена анализу этих двух видов знания. В ней он ставит целью показать, что существует множество видов действий, которые, хотя и являются осознанными, но, тем не менее, «...не являются ни интеллектуальными операциями, ни даже их последствиями» [Райл, 1999, с. 35]. Основная аргументация Г. Райла в пользу различения этих двух видов знания и несводимости одного к другому строится на идее «порочного регресса». В изложении Г. Райла она выглядит так: «Решающее возражение против интеллектуалистской легенды состоит в следующем. Понимание утверждений само по себе является операцией, выполнение которой может быть более или менее разумным или бестолковым. Однако если для осмысленного исполнения любого действия необходимо, чтобы была исполнена, причём разумно, предваряющая его теоретическая операция, то окажется логически невозможным когда-либо разорвать этот порочный круг» [Райл, 1999, с. 39].

Аргументация Г. Райла против сведения «знания-как» к «знанию-что» работает следующим образом: если бы «знание-как» было разновидностью «знания-что», то для того чтобы осуществить какое-то действие, субъект действия должен был бы помыслить (*contemplate*) пропозицию. Но этот шаг сам по себе уже является действием, которому в свою очередь должно предшествовать мысленное обращение к другой пропозиции. Если тезис о том, что «знание-как» как разновидность «знания-что» требует того, чтобы каждый случай «знания-как» требовал рассмотрения пропозиции, которая сама является манифестацией «знания-как», то никакое проявление знания было бы невозможно. Он так характеризует сторонников т.н. «интеллектуальной легенды»: «Поборники последней склонны приравнивать “знание-как” к “знанию-что”, используя тот аргумент, что действие, совершенное разумно, включает в себя соблюдение правил или применение критериев. Из этого следует, что операция, охарактеризованная как разумная, должна предваряться осознанием этих правил или критериев» [Райл, 1999, с. 38]. Дополнительный аргумент Г. Райла против отождествления «знания-как» со «знанием-что» основан на лингвистическом анализе. По его мнению, если бы «знание-как» было пропозициональным, мы бы говорили о людях, верящих или убежденных (*believing*) в «как». Но язык нам этого не позволяет. Кроме того, если бы «знание-как» было пропозициональным, мы бы не говорили о том, что один человек знает, как сделать что-то лучше, чем другой.

Основная линия аргументации оппонентов Г. Райла, т. е. сторонников эпистемической редукции, строится на принятии допущения о том, что «знание-как» имеет те же самые эпистемические характеристики, что и «знание-что». Один из основных представителей такой позиции Дж. Стэнли говорит об этом максимально ясно: «если “знание-как” является разновидностью “знания-что”, то характеристики “знания-что” должны быть характеристиками “знания-как”» [Stanley, 2011, p. 215].

Однако такое положение открывает возможности для критики. Так, одной из признанных эпистемических характеристик, приписываемых пропозициональному знанию, является его несовместимость с эпистемической удачей того вида, которая обычно возникает в примерах геттиеровского типа. Пространство для критики открывается благодаря тому, что если мы не можем показать наличие подобных случаев для «знания-как», это значит, что оно не обладает существенной эпистемической характеристикой, которая имеется у «знания-что», и тогда даже такие радикальные «интеллектуалисты» как Дж. Стэнли будут вынуждены признать, что «знание-как» не является разновидностью «знания-что» [Stanley, 2011, p. 216].

Первая антиредукционистская стратегия, таким образом, включает аргументацию от «эпистемической удачи», цель которой – показать, что эти два вида знания обладают разной степенью уязвимости к ситуациям геттиеровского типа, и, соответственно, в разной степени подвержены воздействию эпистемической удачи. Если это так, то у нас появляются дополнительные основания утверждать, что два этих типа знания обладают разными эпистемическими характеристиками и, соответственно, одно из них не может быть редуцировано к другому.

Такие интерпретации эпистемической удачи применительно к «знанию-как» позволяют предположить, что «знание-как» может быть вполне совместимо с такой разновидностью эпистемической удачи, которая неприемлема для знания пропозиционального. Этот вывод и дает нам основание провести четкую границу между рассматриваемыми видами знания в качестве возражения сторонникам эпистемического редукционизма. «Знанию-как» не хватает эпистемологического свойства, которое есть у «знания-что», а именно несовместимости с эпистемической удачей геттиеровского типа. Как и в стандартных случаях геттиеровского типа, которые оказываются катастрофой для пропозиционального знания, в случае «знания-как» можно представить сценарий, в котором субъект когнитивно успешен, но его когнитивный успех объясняется скорее эпистемической удачей, а не его правильно выполненными когнитивными действиями [Carter, Pritchard, 2013, p. 2–3]. Рассмотрим популярный пример тренажера полетов, на который незаметно воздействует внешняя искажающая сила, но курсант каким-то образом выполняет правильные действия и, таким образом, проходит тест. Редукционисты (в частности, Дж. Стэнли) утверждает, что в данном случае (как и в ситуациях с «пропозициональной удачей») нельзя говорить об обладании знанием. Поэтому можно продолжать утверждать, что эти два вида знания – «знание-что» и «знание-как» не отличаются по своим эпистемическим характеристикам (в данном случае в плане уязвимости к геттиеровским ситуациям), а следовательно одно может быть сведено к другому. Однако многие исследователи с этим несогласны, считая этот случай очевидно спорным, вызывающим противоположные интуиции.

Так, например, Т. Постон полагает, что в данном случае вполне можно говорить о том, что ученик действительно «знает как» летать. Его попытки летать будут не менее успешными, чем попытки других людей, прошедших обычный курс обучения полетам. Кроме того, его объяснения того, что нужно делать в определенных стандартных ситуациях, будут выглядеть столь же адекватными, как и у его сокурсников, прошедших обучение без вмешательства эпистемической удачи [Poston, 2009]. Напомним, что подобные мысленные эксперименты в нашем случае проводятся с целью сопоставления эпистемических характеристик «знания-что» и «знания-как». Если последнее оказывается менее подвержено влиянию эпистемической удачи, то это свидетельствует о том, что его эпистемические характеристики отличаются от знания пропозиционального, а это уже ставит под сомнение возможность редукции одного вида знания к другому.

Вторая перспективная стратегия, по нашему мнению, состоит в обосновании невозможности такой эпистемической редукции применительно к одному из фундаментальных видов знания – лингвистическому знанию, или знанию языка. Как показывает М. Дэвитт, языковое знание обладает целым набором характеристик, которые не позволяют представить языковые компетенции как пропозициональное знание, т. е. как отношение между говорящим субъектом и набором пропозиций, которые он явно или неявно формулирует. Если это верно в отношении лингвистического знания, то мы можем говорить, что общие утверждения эпистемического редукционизма по крайней мере являются чрезмерным обобщением.

М. Дэвитт начинает с наблюдения о том, что в обычной речи принято говорить, что человек, владеющий каким-либо языком, «знает» этот язык. Он также выражает несогласие с распространенной (как в лингвистике, так и в философии) точкой зрения, о том, что этим знанием является пропозициональное знание о языке, которое предположительно выражено либо в общих утверждениях (таких как синтаксические теории, теории истины или референции), либо в единичных утверждениях о конкретных лингвистических фактах [Devitt, 2011, p. 314]. Назовем все эти взгляды «пропозициональными предположениями» о лингвистической компетенции. М. Дэвитт формулирует два тезиса: негативный и позитивный. «Мой негативный тезис заключается в том, что, за одним возможным исключением, все пропозициональные предположения являются ложными. Это возможное исключение заключается в том, что компетенция включает в себя неявное (*tacit*) сингулярное пропозициональное знание, в каком-то интересном смысле этого ласкающего слух слова. Мой позитивный тезис состоит в том, что в первом приближении лингвистическая компетенция состоит в простом “знании-как”» [Там же]. В поддержку своей точки зрения М. Дэвитт приводит свидетельства о том, что человек, который может дать полное описание деятельности, считается знающим, как ее выполнить, даже если он на это не способен.

Какой же навык или какая способность составляют языковую компетенцию? Ответ М. Дэвитта таков: «Компетенция – это способность использовать звуки языка для выражения мысли со значением, которое этот звук имеет в языке в контексте произнесения; и способность (вместе с некоторыми другими прагматическими способностями) приписывать звуку мысль с тем значением, которое звук

имеет в языке в контексте произнесения» [Devitt, 2006, p. 148]. В качестве аргументов в пользу того, что лингвистическая компетенция – это просто навык или способность и не нуждается в постулировании каких-либо посредников в виде пропозиций, М. Дэвитт приводит следующие ее признаки: она обладает ограниченной пластичностью; она проистекает очень быстро; процесс ее реализации недоступен сознанию; как только компетенция сформирована, она действует автоматически, в результате чего ею можно пользоваться даже тогда, когда внимание направлено на что-то другое [Там же, p. 209–210]. К тому же очень вероятно то, что эта компетенция приобретается путем «имплицитного обучения» [Там же, p. 219].

Что же касается предположения о том, что в случае лингвистической компетенции языковой навык включает в себя и пропозициональное знание, М. Дэвитт полагает, что бремя доказывания в данном случае лежит на сторонниках эпистемического редукционизма. У нас же нет веских причин полагать, что просто в силу того, что человек владеет языком, он должен иметь пропозициональное знание об этом языке. Более обоснованной, по его мнению, является та «скромная точка зрения», что любое знание лингвистических фактов, которое может быть у говорящего, происходит из обычного эмпирического наблюдения за языковыми явлениями. И хотя эпистемический редукционизм предполагает, что все знания можно свести к одному типу знаний, приведенные соображения могут служить дополнительными аргументами в пользу того, что «знание-что» и «знание-как» – это два разных вида знания, они дополняют друг друга, обеспечивая более глубокое понимание мира. Например, «знание-что» может служить теоретической основой для какого-либо метода, а «знание-как» стать практическим применением этого метода. При этом философские дискуссии о разных типах знания оказались весьма плодотворными не только в области эпистемологии, но и за ее пределами, прежде всего для лучшего понимания связей между языком, мышлением и сознанием.

Список литературы

- Райл Г.** Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999.
- Bengson J., Moffet M. A.** Two Conceptions of Mind and Action: Knowing How and the Philosophical Theory of Intelligence // *Knowing How: Essays on Knowledge, Mind, and Action* / ed. by J. Bengson, M. A. Moffett. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 3–58.
- Carter J. A., Pritchard D.** Knowledge-How and Epistemic Luck // *Nous*. 2015. Vol. 49. № 3. P. 440–453.
- Devitt M.** Linguistic Knowledge // *Knowing How: Essays on Knowledge, Mind, and Action* / ed. by J. Bengson, M. A. Moffett. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 314–333.
- Devitt M.** Ignorance of Language. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Lawler I.** Understanding Why, Knowing Why, and Cognitive Achievements // *Synthese*. 2019. Vol. 196. P. 4583–4603.
- Poston T.** “Know How to be Gettiered?” // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2009. Vol. 79. № 3. P. 743–747.

- Ryle G.** Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945. Vol. 46. P. 1–16.
- Ryle G.** The Concept of Mind. London, N. Y.: Routledge, 2009.
- Stanley J.** Knowing How. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Stanley J., Williamson T.** Knowing How // The Journal of Philosophy. 2001. Vol. 98. № 8. P. 411–444.

References

- Bengson J., Moffet M. A.** Two Conceptions of Mind and Action: Knowing How and the Philosophical Theory of Intelligence // Knowing How: Essays on Knowledge, Mind, and Action / ed. by J. Bengson, M. A. Moffett. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 3–58.
- Carter J. A., Pritchard D.** Knowledge-How and Epistemic Luck // Nous. 2015. Vol. 49. No. 3. P. 440–453.
- Devitt M.** Ignorance of Language. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Devitt M.** Linguistic Knowledge // Knowing How: Essays on Knowledge, Mind, and Action / ed. by J. Bengson, M. A. Moffett. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 314–333.
- Lawler I.** Understanding Why, Knowing Why, and Cognitive Achievements // Synthese. 2019. Vol. 196. P. 4583–4603.
- Poston T.** “Know How to be Gettiered?” // Philosophy and Phenomenological Research. 2009. Vol. 79. No. 3. P. 743–747.
- Ryle G.** Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945. Vol. 46. P. 1–16.
- Ryle G.** The Concept of the Mind. M.: Idea-Press, 1999. (in Russ.).
- Ryle G.** The Concept of Mind. London, N. Y.: Routledge, 2009.
- Stanley J.** Knowing How. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Stanley J., Williamson T.** Knowing How // The Journal of Philosophy. 2001. Vol. 98. No. 8. P. 411–444.

Сведения об авторе

Шевченко Александр Анатольевич,

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 20.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 21.02.2023*

*The article was submitted 20.01.2023;
approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 21.02.2023*

Научная статья

УДК 1:001

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-51-63

Искусственный интеллект в медицине: рекомендации по проведению социально-гуманитарной экспертизы

**Елена Владимировна Брызгалина¹,
Анастасия Николаевна Гумарова²,
Екатерина Михайловна Шкомова³**

^{1,2,3}Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹evbrz@yandex.ru

²anastasiya-gumarova@yandex.ru

³EShkomova@yandex.ru

Аннотация

На основе выделяемых в научных и философских публикациях 2019–2022 гг. проблем, рисков и ограничений применения искусственного интеллекта (ИИ) авторами статьи разработаны конкретные рекомендации по проведению экспертизы систем ИИ в медицине. Предлагается осуществлять этическую экспертизу проектов в области ИИ для медицинских целей по аналогии с экспертизой проектов экспериментальной деятельности в биомедицине; проводить этическую экспертизу систем ИИ на этапе подготовки к их разработке с последующим мониторингом проведения испытания созданной системы; ориентироваться при проведении экспертизы систем ИИ для медицинских целей на биоэтические принципы.

Ключевые слова

социально-гуманитарная экспертиза, философия науки, биоэтика, этика, ИИ в медицине

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Для цитирования

Брызгалина Е. В., Гумарова А. Н., Шкомова Е. М. ИИ в медицине: рекомендации по проведению социально-гуманитарной экспертизы // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 51–63. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-51-63

AI in medicine: recommendations for social and humanitarian expertise

Elena V. Bryzgalina¹, Anastasiya N. Gumarova²,
Ekaterina M. Shkomova³

^{1,2,3}Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow,
Teaching and Scientific Building “Shuvalovskiy”, 119991, Russia

¹ evbrz@yandex.ru

² anastasiya-gumarova@yandex.ru

³ EShkomova@yandex.ru

Abstract

The article presents specific recommendations for the examination of AI systems in medicine developed by the authors. The recommendations based on the problems, risks and limitations of the use of AI identified in scientific and philosophical publications of 2019-2022. It is proposed to carry out ethical expertise of projects of medical AI, by analogy with the review of projects of experimental activities in biomedicine; to conduct an ethical review of AI systems at the stage of preparation for their development followed by monitoring the testing of the created system; to focus on bioethical principles during the examination of AI systems for medical purposes.

Keywords

Social and Humanitarian Expertise, Philosophy of Science. Bioethics, Ethics, AI in Medicine.

Acknowledgements

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence».

For citation

Bryzgalina E. V., Gumarova A. N., Shkomova E. M. AI in medicine: recommendations for social and humanitarian expertise. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 51–63. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-51-63

Одна из сфер, приоритетных для применения систем ИИ в Российской Федерации, – медицина. Речь идет об использовании «технологий ИИ» или «систем ИИ», относящихся к так называемому прикладному искусственному интеллекту («слабый ИИ», «узкий ИИ», weak/applied/narrow AI), который трактуется как предназначенный для решения какой-либо одной интеллектуальной задачи или их небольшого множества (например, системы распознавания образов или речи и так далее). Именно «системы ИИ» (СИИ) или «технологии ИИ» подразумеваются, когда используется выражение «ИИ в медицине». Спектр задач, которые при реализации концепции 4П медицины могут быть поставлены и решены с использованием систем прикладного ИИ, чрезвычайно широк, он распространяется от фундаментальной науки до функционирования отдельных элементов системы здравоохранения.

Необходимость введения социально-гуманитарной экспертизы как механизма регулирования полного цикла разработки и применения СИИ в медицине и здравоохранении обусловлена высокой рискогенностью практик использования ИИ в качестве систем поддержки экспертных решений. «Социально-гуманитарная экспертиза должна стать исследовательской деятельностью, сопровожда-

ющей переход к инновационным технологиям и продуктам в сферах высокого риска и распространяющейся на все этапы научно-технологического поиска: постановку научно-технологических задач, оценку и выбор методов достижения, комплексный анализ результатов исследований и технологических воплощений, включая ценностные, социальные, политические, экономические риски» [Брызгалина, Киселев, 2021, с. 56].

Для оценки проектов в области медико-биологических наук сложилась практика этической (биоэтической) экспертизы, которая осуществляется этическими комитетами / комиссиями. Цели и задачи этических комитетов и комиссий обозначает, в частности, Е. Г. Гребенщикова, подчеркивая, что «их социальной функцией является комплексная социогуманитарная оценка инновационных проектов в различных областях технауки» [Гребенщикова, 2018, с. 136].

Этическая (биоэтическая) экспертиза – вид экспертных исследований, который реализуется в рамках конкретных проектов, ориентированный на выявление и оценку этической приемлемости поставленных целей, использованных методов, полученных результатов проектной деятельности.

Этическая (биоэтическая) экспертиза устойчиво зарекомендовала себя в качестве механизма ориентации исследовательской деятельности в области биомедицины и клинических практик на этические принципы с целью соблюдения прав человека-субъекта соответствующих видов деятельности. Е. Г. Гребенщикова и А. Г. Чучалиным показано, что опыт обсуждения и решения сложных проблем, а также совещательные механизмы и процедуры биоэтики отвечают актуальным вызовам биотехнауки, но также будут востребованы в будущем [Гребенщикова, Чучалин, 2021, с. 10], в том числе при этической экспертизе систем ИИ для медицинских целей, относимых нормативно-техническим регулированием в категории медицинских изделий.

Цель функционирования ЛЭК при проведении этической экспертизы СИИ остается неизменной. Она связана с обеспечением прав, безопасности и благополучия субъектов биомедицинских научно-исследовательских работ и клинических практик, и распространяется на практики с использованием СИИ.

В работе локальных этических комитетов целесообразно учитывать следующие рекомендации.

1. Осуществлять этическую экспертизу проектов в области ИИ для медицинских целей по аналогии с экспертизой проектов экспериментальной деятельности в биомедицине.

С учетом многообразия целей применения ИИ в медицине, множественности конкретных технологий, относимых к ИИ, различного соотношения риска и пользы целесообразно оценивать каждый проект отдельно.

Этические комитеты при проведении этической экспертизы должны учитывать соотношение рисков и пользы, возникающих в связи с использованием СИИ в медицине как науке и в здравоохранении, или в связи с социальными последствиями внедрения ИИ в медицину.

ЛЭК должен исходить из положения о том, что ни один субъект исследования в области СИИ для медицинских целей не допускается к участию до оформления письменного одобрения этическим комитетом данного проекта. При создании

СОПов для этической экспертизы проектов в области систем ИИ медицинского назначения целесообразно ориентироваться на положения Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 1 апреля 2016 года № 200н «Об утверждении правил надлежащей клинической практики». При рассмотрении ЛЭК вопросов этической экспертизы СИИ целесообразно ввести в состав ЛЭК специалистов в области технологий ИИ, не имеющих отношения к медицине. ЛЭК при проведении этической экспертизы систем ИИ следует приглашать на свои заседания специалистов в области технологий ИИ, не являющихся членами этического комитета, для консультирования. Ответственный разработчик СИИ должен иметь возможность участвовать в обсуждениях, принятии решений и высказывать свое мнение на совещаниях этического комитета и иметь право предоставлять информацию по любому вопросу, возникшему в процессе обсуждения.

При экспертизе проекта ЛЭК оценивает соответствие квалификации исследователей, Протокола проведения исследования, подбора субъектов исследования, качества работы с медицинской информацией правилам проведения качественных доклинических и клинических испытаний. Кроме того, ЛЭК осуществляет наблюдение за соблюдением стандартов качества реализации проекта для обеспечения достоверности и полноты данных.

Конкретные СИИ потребуют этического оценивания противоречий между неприкосновенностью частной жизни, уважением достоинства и автономии человека, с одной стороны, и пониманием здоровья как общественного блага, с другой стороны, а также мер по защите достоинства субъектов, чьи интересы затрагивает конкретный проект. Этическая экспертиза должна быть реализована по отношению к конкретным проектам, поскольку проектная деятельность в сфере ИИ не подлежит единому секторальному регулированию.

Значимость этической экспертизы как комплекса мер по защите автономии субъектов медицинской деятельности будет нарастать в связи с необходимостью обеспечить одновременно доступность информации для СИИ и ее конфиденциальность. Получение достоверных данных о статистической связи различных биологических параметров с клиническими проявлениями должно базироваться на анализе больших данных об индивидуальных особенностях биологических процессов. В предельном случае доказательные предиктивные инструменты должны быть основаны на данных обо всех клинических случаях, о каждом представителе человечества в норме и патологии в привязке к особенностям его образа жизни и среды обитания. Противоречие состоит в том, что точность и достоверность в работе алгоритмов ИИ в значительной степени придает доступность больших данных, массовый характер анализируемой медицинской информации, но при этом у отдельного человека сохраняется автономное право на отказ предоставления в базы данных своих персональных данных. Ориентация на прогностический характер медицины означает для конкретного человека его повседневную вовлеченность в разного рода манипуляции, многостороннее мониторинговое наблюдение параметров его функционирования, необходимость участия в медицинском дискурсе и принятия значимых медицинских решений в условиях коллегиальной биоэтической модели общения со специалистом.

2. Проводить этическую экспертизу СИИ на этапе подготовки к их разработке с последующим мониторингом проведения испытания созданной системы.

В профильной литературе неоднократно отмечалось, что этическая экспертиза технологий ИИ должна распространяться на полный цикл. Так, например, в статье А. Манзесчке, У. Ниедерлаг говорится о бессмысленности ситуации, когда этическая оценка происходит на этапе внедрения инновационных продуктов, так как исправить что-либо уже невозможно. Этические комитеты должны принимать во внимание, что так называемая «проспективная этика» либо преуменьшает, либо преувеличивает проблемы, что делает ее сомнительной и ненужной [Manzeschke, Niederlag, 2020, s. 5]. Тем самым важно учитывать ограниченность этической экспертизы в прогнозной функции на этапе утверждения дизайна проекта создания СИИ для медицинских целей, однако из этого следует не отказ от этического анализа, а задача создания локальных этических моделей для конкретных проектов применения новых технологий.

3. Ориентироваться при проведении экспертизы СИИ для медицинских целей на биоэтические принципы.

Принципалистский подход в биоэтике утвердился с конца 1970-х годов, когда Т. Бичамп и Д. Чилдресс сформулировали четыре биоэтических принципа¹ [Beauchamp, Childress, 1994].

Несмотря на их широкое признание, в каждой специальности существуют особые обстоятельства, требующие расширенного набора принципов. Разработка и применение систем ИИ требует уточнения трактовки содержания основных биоэтических принципов, и учета этих трактовок при проведении этической экспертизы.

При проведении этической экспертизы соответствия проекта биоэтическим принципам локальные этические комитеты могут руководствоваться (но не рассматривать их как исчерпывающие) следующими ориентировочными трактовками, требующими уточнения применительно к каждому проекту:

«Не навреди» – ни один из этапов жизненного цикла искусственной интеллектуальной системы не должен быть связан с ущербом физического, экономического, социального, политического, культурного или интеллектуального характера для человека. При наличии потенциальной угрозы причинения вреда конкретному человеку, семье, обществу в целом следует предусмотреть соответствующие процедуры оценки рисков, а также принять меры для исключения вероятности причинения такого вреда. В интересах обеспечения безопасности и защищенности людей на всех этапах жизненного цикла СИИ следует избегать непреднамеренного причинения вреда (риски для безопасности), а также уязвимости перед кибератаками (риски для защищенности), учитывать, предотвращать и ликвидировать эти риски. Безопасность и защищенность СИИ могут быть повышены посредством разработки надежных и защищенных от несанкционированного доступа к личной информации систем.

¹ Т. Бичамп и Д. Чилдресс выделили четыре биоэтических принципа: «не навреди», «делай благо», принцип уважения автономии пациента, принцип справедливости.

Для обеспечения защиты достоинства и автономии человека важно, чтобы сбор, использование, передача, архивирование и удаление данных, применяемых в СИИ, осуществлялись в соответствии с этическими нормами. Разработчики и пользователи СИИ должны гарантировать свою подотчетность при разработке и внедрении ИИ-систем, обеспечивать защиту личной информации на протяжении всего жизненного цикла таких систем. «Подотчетность» подразумевает не только контроль со стороны отдельного человека, но и, в необходимых случаях, контроль со стороны общества, делегированный этическим комитетам.

«Делай благо» – на протяжении жизненного цикла СИИ необходимо заботиться о благе людей; при этом любой человек или группа лиц вправе самостоятельно трактовать понятие «благо» в той мере, в какой это не ведет к нарушению или попранию прав человека и основных свобод и не умаляет человеческого достоинства.

Принцип уважения автономии пациента – применение СИИ не должно ограничивать возможность выбора человеком предпочтительного для него образа жизни, убеждений, способов самовыражения или жизненного пути.

Принцип справедливости – обеспечение распространения и равного доступа к полученным благодаря ИИ благам с учетом специфических потребностей разных возрастных групп, сообществ, социально уязвимых категорий населения, лиц, находящихся в незащищенном положении.

Существует позиция, требующая при осуществлении этической экспертизы проектов по созданию систем ИИ для медицины введения новых ключевых принципов. В частности, Ф. Урсин, С. Тиммерманн, Ф. Стегер отмечают, что в литературе встречаются указания на новый принцип – «объяснимость», направленный на большую предсказуемость алгоритмов машинного обучения. Однако они утверждают, что есть веские причины избегать расширения числа принципов: например, это может привести к снижению важности (потери статуса универсальности) каждого принципа [Ursin, Timmermann, Steger, 2022, p. 143].

4. Локальные этические комитеты при проведении этической экспертизы систем ИИ призваны решать следующие задачи:

- разработки и принятия модели информированного согласия в контексте диагностики и лечения с использованием ИИ. Подписание добровольного информированного согласия является механизмом реализации принципа автономии пациента. С точки зрения Т. Плоуг и С. Холм, пациент должен обладать правом на отказ от диагностики и лечения с помощью ИИ. Отказ может быть мотивирован разными обстоятельствами: недоверием к технологиям, приверженностью традиционным способам врачевания и т. д., однако система здравоохранения должна предоставлять каждому пациенту право выбора [Ploug, Holm, 2020, p. 107]. Проблема разработки и принятия модели информированного согласия на использование в работе с пациентом конкретной технологий ИИ – одна из задач этической экспертизы;
- оценки доказательств клинической эффективности и безопасности систем искусственного интеллекта. В научной литературе имеется значительное ко-

личество публикаций, подтверждающих возможности систем искусственного интеллекта довольно точно интерпретировать медицинские данные. Однако следует обратить внимание на публикации, констатирующие, что в настоящее время имеется серьезная проблема недостаточности данных о клинической эффективности и безопасности разрабатываемых моделей машинного обучения и выводимых на рынок на их основе систем искусственного интеллекта. Л. Вайнанц и соавторы представили результаты анализа литературы относительно достоверности и полезности моделей прогнозирования развития COVID-19 и сделали вывод, что почти все изученные прогностические модели плохо описаны и содержат высокий риск систематических ошибок, а заявленные разработчиками метрики их точности, вероятнее всего, слишком оптимистичны [Wynants et al., 2020]. Можно констатировать, что на данный момент не имеется необходимого объема доказательств клинической эффективности СИИ;

- создания и принятия мер для предотвращения причинения вреда здоровью. Любое программное обеспечение потенциально может содержать ошибки, связанные как с недостаточным качеством разработки и тестирования, так и с особенностями оборудования или со спецификой применения его пользователями. Существуют данные, что применение программного обеспечения в здравоохранении может потенциально приводить к причинению вреда, в том числе к летальным исходам. Так, Г. Мартин и соавторы приводят результаты ретроспективного анализа 10-летних данных об инцидентах в Англии и Уэльсе, связанных с применением программного обеспечения для медицинских целей. Авторы выявили 2627 инцидентов, связанных со сбоями в таком ПО. Из них 82 % не причинили вреда пациентам, 13 % причинили незначительный вред, 4 % причинили вред средней степени тяжести, 1 % причинили серьезный вред и менее 1 % способствовали смерти больного. При этом 75 % инцидентов были предотвратимыми [Martin et al., 2019, p. 127];

- создания и принятия мер для предотвращения рисков утечки персональной информации о пациенте. С развитием и внедрением в медицинскую практику СИИ связывают возможности обработки максимального количества данных о пациенте и похожих случаях и сокращение сроков принятия более обоснованных, непротиворечивых и доказательных решений. ИИ дает модель представления знаний, способную описать слабоформализованные и зачастую противоречивые знания из разных областей медицины, связать биологические факты с множеством параметров биографий. Локальные этические комитеты при проведении этической экспертизы СИИ должны дать оценку степени защищенности информации о телесности человека, социально-демографических и биографических данных;

- этической оценки модели ответственности, например, при ошибке во время диагностики и лечения с помощью ИИ. Расширение использования в медицине СИИ до настоящего времени не привело к введению дополнительных правовых стандартов относительно ответственности субъектов, принимающих решения в медицине, поскольку можно прогнозировать появление труднорегу-

лируемых проблем, порожденных неопределенностью подходов к правосубъектности систем искусственного интеллекта, решение которых попадет в сферу работы этических комитетов. Проблемы определения ответственности могут возникнуть при сбое или ненадлежащих действиях ИИ, при неспособности врача корректно проинтерпретировать представленную системой информацию. Этические проблемы при использовании врачом систем ИИ могут возникнуть при выборе между полнотой данных и защитой достоинства человека, его правом на охрану частной жизни. Применение СИИ может быть связано с причинением вреда. Использование искусственного интеллекта в медицине подвергает поставщиков медицинских услуг повышенным рискам привлечения к ответственности за причинение вреда, который может возникнуть в результате сбоя в работе такой системы или выдачи системой рекомендаций на основании фактических неточностей, если ИИ неправильно диагностирует заболевание и даст ложные рекомендации по лечению, а врач, пользующийся цифровым помощником, не обнаружит ошибок. Часть исследователей в качестве решения проблемы определения ответственности предлагают ввести ответственность медицинских учреждений, что избавит отдельных врачей от риска быть привлеченными к ответственности за сбой в работе оборудования. В условиях отсутствия правового регулирования этих вопросов этическим комитетам при рассмотрении вопросов ответственности целесообразно оценивать разные режимы включения медицинских систем ИИ в структуры отношений врачей и пациентов при применении ИИ в конкретных областях медицины, в частности, в хирургии. Е. Г. Гребенщикова и П. Д. Тищенко выделяют три режима включения медицинских систем ИИ в структуры отношений врачей и пациентов. В контексте первого режима ИИ выступает в качестве инструмента, улучшающего деятельность рук и органов чувств хирурга. В контексте второго режима ИИ играет роль ассистента или консультанта оперирующего хирурга. Для третьего, пока гипотетического, режима характерно превращение хирургического робота в оперирующего хирурга (автономного субъекта врачевания) [Гребенщикова, Тищенко, 2021, с. 7]. В первых двух режимах субъектом ответственности является врач. Проблема ответственности разработчиков возникает при третьем режиме;

- создания и принятия мер для предотвращения рисков появления дискриминации и углубления неравенства из-за внедрения ИИ в систему здравоохранения, поддержания этических стандартов справедливого доступа к ресурсам здравоохранения. Проблема «цифрового тайного суда» – принятия ИИ решений на основании алгоритмов, не прозрачных для человека, которого касается рекомендуемое или принятое ИИ решение, обострит чувствительность к справедливому распределению ресурсов здравоохранения и запросу на их доступность. Детализация описаний человека в норме и патологии усилит опасность появления новых оснований для социальной дискриминации по медицинским размерным параметрам. Превращение баз медицинских данных в коммерческий продукт усугубит тенденцию к коммерциализации в медицине. Эти аспекты должны быть учтены при осуществлении этической экспертизы;
- мониторинг реальной клинической практики использования систем искусственного интеллекта с учетом рисков деградации метрик точности си-

стем искусственного интеллекта. ЛЭК должны быть бдительными в отношении потенциальных опасностей смещения набора данных, случайной подгонки искажающих факторов, непреднамеренной дискриминационной предвзятости, проблемы обобщения для новых групп населения и т. д. В частности, неоптимальные методы отбора и набора пациентов в сочетании с неспособностью эффективно контролировать и обучать пациентов во время клинических испытаний являются двумя основными причинами высокой частоты неудач испытаний. СИИ склонны демонстрировать достаточно высокий риск деградации показателей чувствительности и специфичности во время их эксплуатации в реальной клинической практике. Отчасти это связано с некачественными или неполными наборами данных, использованными при машинном обучении, а также наличием систематических ошибок в таких наборах. Еще одна причина проблемы – изменения в организации работы медицинских организаций, включая появление новых лекарств и медицинского оборудования, а также изменения в развитии заболеваний, из-за чего ИИ-алгоритмы постепенно в рамках своего жизненного цикла начинают терять прежнюю точность работы.

5. Локальные этические комитеты при проведении этической экспертизы систем ИИ призваны учитывать изменения в коммуникации медицинского работника и пациента, возникающие при использовании СИИ.

СИИ создают неопределенные отношения пациента и врача: между ними появляется посредник в виде ИИ. Появляется возможность замены врачей «облачным доктором», что влечет за собой отсутствие непосредственного контакта между врачом и пациентом. У врача, полагающегося на алгоритмы, происходит снижение уровня ответственности. Вера в объективность цифровых параметров снижает для пользователя технологий критичность восприятия тех методологий и теоретических конструктов, которые лежат в основе процедур фиксации данных. Возникает достаточно тонкий механизм социального контроля, регулирования поведения субъектов в соответствии с заданными социальными представлениями, которые могут преследовать цели, далеко отстоящие от задач поддержания личного и общественного здоровья. Чрезмерное доверие к числовым параметрам снижает внимание к субъективному опыту проживания, не учитывает зависимость режимов измерений от социального контекста, от встроенных в алгоритмы оценочных суждений. Рассмотрение числовых параметров вне более широкого контекста (культурного, экологического, экономического и других) упрощает сложность человеческого бытия, понимание здоровья и патологии, сводя их к явным, подлежащим фиксации отдельным параметрам. Визуальное становится преобладающим над психологическим, тактильным, экзистенциальным. Идентичность, сформированная таким редуционистским способом, получила в литературе наименование «квантифицированная идентичность» [Гребенщикова, Тищенко, 2020, с. 84].

6. Локальные этические комитеты должны направить этическую экспертизу систем ИИ на предотвращение или минимизацию рисков внедрения ИИ.

В работе ЛЭК следует обратить внимание на предотвращение или минимизацию следующих рисков: рисков утечки персональной информации о пациенте; возможных ошибок при диагностике и лечении с помощью ИИ; рисков злоупотре-

треблений доверием системам ИИ; рисков появления новых форм дискриминации и углубления неравенства из-за внедрения ИИ в систему здравоохранения.

7. Работа локальных этических комитетов как диалоговых площадок должна способствовать преодолению разобщенности специалистов различных направлений, чье взаимодействие является условием создания безопасных и эффективных систем ИИ для медицины.

Работа локальных этических комитетов с командами разработчиков систем ИИ для медицинских целей позволит преодолеть проблему неучастия врачей-экспертов в разработке СИИ.

8. Работа этических комитетов может способствовать повышению информированности медицинских работников и пациентов относительно целей, возможностей, рисков и ограничений применения систем ИИ в здравоохранении.

Работа ЛЭК является фактором повышения уровня информированности врачей о возможностях СИИ и его потенциальных приложениях в медицине и здравоохранении, условием повышения степени доверия врачей к СИИ: в частности, снятию беспокойства относительно низкого качества данных, использованных для обучения СИИ, возможность использования ИИ в спорных вопросах. Решения ЛЭК снимают этическую и юридическую неопределенность в отношении распределения ответственности при использовании СИИ.

9. Локальные этические комитеты при проведении этической экспертизы систем искусственного интеллекта должны обратить внимание на информацию о компании производителе (общие данные, наличие системы менеджмента качества, компетенции разработчиков систем искусственного интеллекта, состав экспертов, участвующих в тестировании системы искусственного интеллекта), о технических условиях (описание предназначения системы искусственного интеллекта, механизмов работы системы, научное обоснование и описание практической ценности данной системы, данных о примененных моделях машинного обучения, их метриках точности и т. д.), о программе клинических испытаний (сценарий клинической валидации системы искусственного интеллекта, расчетные значения выборки для валидационных наборов данных и т. д.).

Таким образом, важность этической экспертизы СИИ связана с тем, что в медицине как социально чувствительной сфере происходит массовое соприкосновение человека с ИИ. Возникающий спектр позиций человека – создателя технологии, пользователя системы, субъекта, принимающего управленческое решение, и так далее – требует обращения к следствиям разрастающегося взаимодействия человека с СИИ, включая анализ рисков опосредования социальных отношений СИИ. Множественность ценностных ориентаций и задачи смягчения / преодоления ценностных конфликтов обуславливают внимание к обоснованию этико-правовых ограничений на полном цикле разработок и внедрения технологий ИИ. Разработанные авторами статьи рекомендации для проведения экспертизы проектов ИИ в медицине направлены на предотвращение рисков утечки персональной информации о пациенте; на предотвращение возможных ошибок при диагностике и лечении с помощью ИИ; на разработку модели информированного согласия с учетом использования технологий ИИ; на решение проблемы доступности цифровых решений; на выработку новой модели взаимоотношений врача

и пациента при принятии решения с использованием технологий ИИ, для минимизации риска появления новых форм дискриминации и углубления неравенства из-за внедрения ИИ в систему здравоохранения; на предотвращение возможного риска дегуманизации медицины.

Список литературы

- Брызгалина Е. В., Киселев В. Н.** Роль социально-гуманитарной экспертизы в обеспечении научного лидерства Российской Федерации // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab. Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2021. Т. 4. № 3. С. 44–65.
- Гребенщикова Е. Г.** Этика как управление // *Сиб. филос. журн.* 2018. Т. 16. № 4. С. 135–146.
- Гребенщикова Е. Г., Тищенко П. Д.** Оцифрованное будущее медицины: вызовы для биоэтики // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 2. С. 83–103.
- Гребенщикова Е. Г., Тищенко П. Д.** Биоэтические вызовы искусственного интеллекта в хирургии // *Клин. и эксперим. хирургия*. 2021. Т. 9. № 3. С. 7–15.
- Гребенщикова Е. Г., Чучалин А. Г.** Биоэтика в XXI веке: вызовы и перспективы // *Мед. этика*. 2021. № 2. С. 10–15.
- Beauchamp T. L., Childress J. F.** *Principles of biomedical ethics*. 4th ed. Oxford: Oxford univ. press, 1994. 546 p.
- Manzeschke A., Niederlag W.** *Ethische Perspektiven auf Biomedizinische Technologie* // Walter de Gruyter. 2020. Т. 3. 326 s.
- Martin G., Ghafur S., Cingolani I. et al.** The effects and preventability of 2627 patient safety incidents related to health information technology failures: a retrospective analysis of 10 years of incident reporting in England and Wales // *The Lancet Digital Health*. 2019. Vol. 1. P. 127–135.
- Ploug T., Holm S.** The right to refuse diagnostics and treatment planning by artificial intelligence // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2020. Т. 23. № 1. P. 107–114.
- Ursin F., Timmermann C., Steger F.** Explicability of artificial intelligence in radiology: Is a fifth bioethical principle conceptually necessary? // *Bioethics*. 2022. Т. 36. № 2. P. 143–153.
- Wynants L., Van Calster B., Collins G. S. et al.** Prediction models for diagnosis and prognosis of covid-19: systematic review and critical // *British Medical Journal*. 2020. № 369. M1328.

References

- Beauchamp T. L., Childress J. F.** *Principles of biomedical ethics*. 4th ed. Oxford: Oxford univ. press, 1994. 546 pp.
- Bryzgalina E. V., Kiselev V. N.** Rol sotsialno-gumanitarnoi ekspertizy v obespechenii nauchnogo liderstva Rossiiskoi Federatsii // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab. Tsifrovoy uchenyi: laboratoriya filosofa*. 2021. Т. 4. № 3. S.44–65.
- Grebenshchikova E. G.** Etika kak upravleniye // *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 2018. Т. 16. № 4. P. 135–146.

- Grebenshchikova E. G., Chuchalin A. G.** Bioetika v XXI veke: vyzovy i perspektivy // Meditsinskaya etika. 2021. S. 10–15.
- Grebenshchikova E. G., Tishchenko P. D.** Otsifrovannoe budushchee meditsiny: vyzovy dlya bioetiki // Filosofskie nauki. 2020. T. 63. № 2. S. 83–103.
- Grebenshchikova E. G., Tishchenko P. D.** Bioeticheskie vyzovy iskusstvennogo intellekta v khirurgii // Klinicheskaya i eksperimentalnaya khirurgiya. 2021. T. 9. № 3. S. 7–15.
- Manzeschke A., Niederlag W.** Ethische Perspektiven auf Biomedizinische Technologie. Walter de Gruyter, 2020.
- Martin G., Ghafur S., Cingolani I.** et al. The effects and preventability of 2627 patient safety incidents related to health information technology failures: a retrospective analysis of 10 years of incident reporting in England and Wales // The Lancet Digital Health. 2019. Vol. 1. Pp. 127–135.
- Ploug T., Holm S.** The right to refuse diagnostics and treatment planning by artificial intelligence // Medicine, Health Care and Philosophy. 2020. T. 23. № 1. P. 107–114.
- Ursin F., Timmermann C., Steger F.** Explicability of artificial intelligence in radiology: Is a fifth bioethical principle conceptually necessary? // Bioethics. 2022. Vol. 36. № 2. P. 143–153.
- Wynants L., Van Calster B., Collins G. S. et al.** Prediction models for diagnosis and prognosis of covid-19: systematic review and critical appraisal // British Medical Journal. 2020. № 369. M1328.

Информация об авторах

Елена Владимировна Брызгалина,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии образования философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Анастасия Николаевна Гумарова,

аспирант кафедры философии образования философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Екатерина Михайловна Шкомова,

кандидат философских наук, ассистент кафедры этики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Information about the authors

Bryzgalina Elena Vladimirovna,

Candidate of Philosophical Science, Associate Professor, Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Gumarova Anastasiya Nikolaevna,

postgraduate student, Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Shkomova Ekaterina Mikhailovna,

Candidate of Philosophical Science, assistant, Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редколлегию 14.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 16.01.2023*
*The article was submitted 14.12.2022;
approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 101.1: 316.77 + 141.319.8 + 159.964.2

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78

Интерпассивность и психоаналитическая теория: смещение смысла под влиянием дискурса аутентичности и критики идеологии

Иван Сергеевич Кудряшов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

i.kudriashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Аннотация

Понятие интерпассивности играет важную роль в понимании взаимодействия современного человека и медиа, этим объясняется рост его использования в последние два десятилетия. Однако популяризация ведет к трансформации понимания данной концепции или смешения ее с другими. По нашему мнению, важно сохранить оригинальное значение данной проблематики. Анализ основных элементов концепции у Р. Пфаллера и С. Жижека демонстрирует эвристическую ценность подобного «консерватизма», ограничивающего смещение тематических акцентов. Влияние других понятий (аутентичности и отчуждения) ведет к упрощению проблематики интерпассивности, поскольку в таком случае это понятие больше не обращает наше внимание на те аспекты, которые плохо различимы в оптике гуманистического дискурса и социальной критики. Напротив, сохранение оригинальной интерпретации позволяет включить в рассмотрение целого ряда проблем отношений человека с современными медиа, вопросы удовольствия, бессознательных фантазмов и верований.

Ключевые слова

Пфаллер, Жижек, интерпассивность, философия медиа, философская антропология, социальный ритуал, отчуждение, психоанализ, аутентичность

Для цитирования

Кудряшов И. С. Интерпассивность: истоки и эволюция понятия // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 1. С. 64–78. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78

© Кудряшов И. С., 2023

Interpassivity and psychoanalytic theory: Transformation of the Meaning under Influence of discourse of Authenticity and Ideology Theory

Ivan S. Kudryashov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

i.kudryashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Abstract

The concept of interpassivity plays an important role in understanding the interaction of contemporary human and media; this explains the growth of its usage in the last two decades. However, popularization leads to a transformation in the understanding of this concept or its confusion with others. In our opinion, it is important to preserve the original meaning of this issue. An analysis of the main elements of the concept by R. Pfaller and S. Zizek demonstrates the heuristic value of such “conservatism”, which limits the shift in thematic emphasis. The influence of other concepts (authenticity and alienation) leads to a simplification of the interpassivity, since in this case this concept no longer draws our attention to those aspects that are poorly distinguishable in the optics of humanistic discourse and social criticism. On the contrary, the preservation of the original interpretation makes it possible to include issues of pleasure, unconscious fantasies and beliefs in the consideration of a number of problems of human relations with contemporary media.

Keywords

Pfaller, Zizek, interpassivity, philosophy of media, philosophic anthropology, social ritual, alienation, psychoanalysis, authenticity.

For citation

Kudryashov I. S. Interpassivity: Origins and Evolution of the Concept. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 64–78. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78

Появление новых информационных технологий обычно проходит путь от необычной новинки, на которую обращают повышенное внимание, до привычного элемента быта, обрастающего повседневными практиками. В переходе к привычности одни медиа вытесняют другие, а также возникает целый ряд новых культурных практик, которые меняют и самих людей. В этой точке философия медиа встречается с философской и научной антропологией, а также с психологическим знанием. Один из необычных феноменов, связанных с медиа, был зафиксирован в 80–90-е годы XX века: специфическое обращение с записывающими устройствами (первоначально с видеомэгнитофоном), которые «освобождают» нас от необходимости смотреть записанное так, словно «они делают это за нас» [Пфаллер, 2018]. Вскоре исследователи обратили внимание на различные феномены отложенного и скрытого удовольствия как в прошлом, так и в современном медиатизированном настоящем. Им было дано название «интерпассивность», которую можно кратко определить как интерсубъективный акт «делегирования» личных переживаний другим людям или вещам. Впоследствии это понятие стало активно

применяться для изучения как влияния новых медиа, так и в более широких контекстах понимания культуры.

Однако рост его популярности привел к тому, что под интерпассивностью многие философы, медиатеоретики и арт-критики стали понимать то частное проявление отчуждения, то один из эффектов интерактивных медиа, а то и вовсе сеть классических проблем гуманизма (о возможности свободы и достоинства человека в современном мире). Подобное смещение можно найти у многих исследователей, использовавших термин после Пфаллера и Жижека, например, таких как Йошида [Yoshida, 2010], Ягодзински [Jagodzinski, 2010], Кулдова [Kuldova, 2016; 2018], Рошка [Рошка, 2018], Лаптинова¹ и др. На наш взгляд, обращаясь к предпосылкам и становлению данной концепции, можно показать как неточность таких смещающих рецептов, так и ценность изначальных тематических связей внутри концепции интерпассивности. Иными словами, чтобы не допустить размывания и искажения смысла понятия, нам стоит детально прояснить его, что позволит убедиться в ненужности его совмещений с концептуальными схемами из дискурса подлинности, критики идеологии, гуманизма и др.

В противном случае мы получаем странную картину: используется новое понятие «интерпассивность», но в итоге оно означает то, что уже концептуально схвачено понятиями «идеология», «отчуждение», «неаутентичное существование», «потребительство» и т. д. Безусловно, интерпассивность связана с элементами критики современности, но зачем сводить ее, например, до концептуальных ходов «ложного сознания», если она предлагает нам новые, совершенно другие? Сохранение связки интерпассивности с концептуальным аппаратом психоанализа и идеями Пфаллера и Жижека позволяет обнаружить те элементы для анализа, что недоступны критике идеологии или дискурсу подлинности – прежде всего элементы удовольствия, страдания, бессознательной веры и фантазмов, а также того самого интересубъективного элемента, который отличает данный феномен.

На наш взгляд, подход Пфаллера и Жижека нужно не только сохранить, но и развить, интерпретируя интерпассивность как указание на специфическую организацию удовольствия субъекта, а не его лишение/отчуждение. Это позволяет объяснить повторяемость подобных феноменов в жизни людей. Сам подход мы считаем довольно удачным и в интерпретации других современных явлений, а также в области антропологического исследования [см. например, Кудряшов, 2021]. И напротив, подключение дискурса разоблачения (идеологии) у современных критиков медиа (в том числе таких как Кулдова, Ягодзински, Рошка) не просто не дает понимания того, как еще можно работать с интерпассивными феноменами, но и блокирует рефлексию в этом направлении. Вот почему так важно разобраться с этим понятием и сохранить его оригинальную интерпретацию.

¹ Лаптинова Ю. И. Параструктурность интерпассивной социальности (21.01.2013). Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов (www.jurnal.org). URL: <http://www.jurnal.org/articles/2013/filos1.htm> (дата обращения: 13.11.2022).

Определение понятия интерпассивность

Интерпассивность можно определить как интерсубъективный психический феномен, выражающийся в «делегировании» личных переживаний другим людям или вещам. Интерсубъективный характер такого делегирования как раз и заключается в том, что он предполагает символическое действие, которое затем присваивается и превращается в индивидуальное переживание. При этом данный феномен имеет массовый характер и не является психологической девиацией. Понятие интерпассивность образовано по аналогии с термином «интерактивность», однако его не следует определять просто как противопоставление. Интерактивность, присущая новым медиа, в какой-то степени лишь выявляет род инверсии – опыт, в котором я не действую (активен), а переживаю (пассивен) нечто, что отличается от чисто субъективного опыта. В таком случае противопоставление между интерактивностью и интерпассивностью возможно только через понимание последней как реактивного феномена, но отнюдь не всякая интерпассивность порождается интерактивными медиа (об этом в примерах далее). Интерпассивность также может быть определена как особый способ обращения с отчуждением, при котором бессознательно присваивается определенное переживание, размещенное в другом. При этом не следует отождествлять интерпассивность и отчуждение, поскольку это не просто разные механизмы, но и в каком-то смысле противостоящие друг другу (интерпассивность – не само отчуждение, а попытка с ним справиться). Интерпассивные феномены могут происходить спонтанно (например, реакция на упавшего человека, как будто это случилось с нами), но чаще воплощаются в индивидуальном (невротическом) или общепринятом ритуале.

Впервые в таком значении термин² использован философом Робертом Пфаллером в 1996 году в докладе «Смех из-за угла. Кураторы избавляют нас от искусства, видеомэгнофон смотрит за нас наши любимые фильмы: Заметки о парадоксе интерпассивности» на конференции «Вещи, которые смеются за нас» (Die Dinge lachen an unsere Stelle), а затем станет ключевым в монографии 2000 года «Интерпассивность: Исследования делегированного удовольствия». В этом докладе появился парадигмальный пример интерпассивности: запись на видеомэгнофон любимых передач без последующего желания просмотра, «как если бы» видеомэгнофон смотрел их за нас, передавая нам толику удовольствия. В работе «Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии» (Wofür es sich zu leben lohnt: Elemente materialistischer Philosophie) [Пфаллер, 2018] в близком значении Пфаллер будет использовать понятие «анонимное воображение».

Схожий феномен описывали и ранее, обращая внимание на своего рода «оправдания» для субъекта: например, Умберто Эко отмечал, что ксерокопии текстов для диссертации успокаивают, словно обладание ими равно опыту прочтения самого текста [Эко, 2003]. А распространение фото- и видеокамер лишило многих людей привычки запоминать вещи такими, какими они кажутся нам, а не объективному регистратору³. Но по мысли Пфаллера интерпассивность

² Более ранние использования этого термина связаны с арт-группами, но теоретического значения не имеют.

³ В фильме «Шоссе в никуда» (1997) Дэвида Линча главный герой говорит, что у него нет личных фотографий и видеозаписей, потому что предпочитает помнить всё по-своему.

включает и бездействие (пассивность), и символическое действие (интерсубъективное делегирование, а затем присвоение), позволяя получать удовольствие (или иной опыт) посредством активности других. Как отмечает исследователь Гийс Ван Унен (Van Oenen) определенное противоречие, заложенное в само понятие, требует трансгрессивного способа анализа: интерпассивность призвана выявить то, что обычно оказывается скрытым, непубличным [Van Oenen, 2014]. В самом деле приставка «интер» обычно предполагает обмен или возможность разделить некий опыт, но можно ли обмениваться пассивностью? Для этого она сама должна быть превращена в объект скрытых или бессознательных актов/обменов. Так, например, работает закадровый смех в телекомедиях: даже если сам зритель не смеется, он постепенно приобретает эффекты просмотра смешного фильма, что создает субъективное ощущение отдыха.

Начиная с 1998 года (доклад «Интерпассивный субъект» в Центре Жоржа Помпиду) интерпассивность будет активно использоваться в своих работах философ Славой Жижек, благодаря чему понятие получит дальнейшее распространение. Жижек станет включать в понятие не только переживания (удовольствия / неудовольствия), но и верования. Также он предложит другие яркие примеры интерпассивности: тибетский молебельный барабан, закадровый смех, профессиональные плакальщицы, Ой-реакция на падение других людей [Жижек, 2005]. Эти примеры позволяют увидеть, что, хотя другие люди или устройства действуют и даже верят «за субъекта», он при этом получает эффект «как если бы» действовал или переживал сам (например, молитва прочитана, удовольствие от просмотра телешоу получено). В отечественном интеллектуальном пространстве это понятие появится благодаря одноименной небольшой работе Жижека, опубликованной в серии «Лакановские тетради» [Там же]. Стоит отметить, что именно Жижек, используя пример с видеомэгнитофоном, в явной форме обратил внимание на тот факт, что интерпассивность часто связана не с («делегированным») удовольствием от обладания / просмотра, а с удовольствием от облегчения, получаемого при ускользании от требования не только смотреть, но и получать удовольствие (ведь иначе время потеряно впустую, а это ведет к угрызениям совести, особенно в современном мире с его озабоченностью эффективностью). Здесь Жижек явно использует идеи психоаналитика Жака Лакана, различающего желание, требование, удовольствие и наслаждение. И это важный аспект, так как делегированным может быть не только удовольствие, но и страдание (оба эти аспекта объединены в концепте «наслаждение» у Лакана): например, современные пользователи социальных сетей очень много, как им кажется, страдают в ответ на чужие описания личных проблем и травм, но на деле в этом акте можно увидеть и интерпассивную форму страдания (за меня страдают и пишут об этом другие, пока я трачу свои силы и время на что-то другое).

Истоки концепции интерпассивности

Зачем понадобилось это понятие и в чем его ценность? Пфаллер вводит его как провокацию, указывающую на излишнюю озабоченность современной теорией образом активности и деятельного субъекта. По его мысли проповедуемая

в медиа гиперактивность лишает современного человека удовольствия: в одних случаях, потому как он просто не видит место для него, в других – прямым образом, создавая у него тревогу при бездеятельности, созерцательности и других формах пассивного опыта. Позже Пфаллер отмечал, что интерпассивность – логичное продолжение психоаналитического исследования повседневных ритуалов и культурных практик (понятие «фантазия» у Зигмунда Фрейда). Например, многим современным субъектам известно странное успокоение, даже удовлетворение от того, что они сохранили у себя интересный текст или картинку, сделали на репост подборки книг или полезных ссылок. Пфаллер обращает внимание, что это удовольствие как бы уже получено внешним образом, именно поэтому часто потом мы не читаем эти книги.

Сам Пфаллер – довольно оригинальный мыслитель, малоизвестный в России, в том числе из-за небольшого количества переводов на русский. В первом приближении его можно назвать философом, на которого оказали большое влияние психоанализ, философия Ницше, антигуманизм Альтюссера, а также эпикурейская и шире материалистическая традиция. Во многих работах он выступает за значимость удовольствия, глупости и безрассудства в жизни общества, считая это именно политическим вопросом. Пфаллер – критик современных дискурсов, которые в разных формах навязывают инфантилизм, искореняя то, что он назвал «взрослый язык». Так, по его мнению, борьба за права индивидуальности на Западе давно превратилась в извращенный патернализм, заботливо ограничивающий всякий негативный опыт граждан. Интерпассивность как род делегирования при этом не снимает ответственности с агента, что напрямую перекликается с мыслью Фрейда о необходимости принять ответственность в том числе за те верования и убеждения, которые мы разделяем и осуществляем бессознательно.

Более того, для Пфаллера важны также антропологические исследования, ведь они позволяют лучше понять природу интерпассивной передачи собственных действий и чувств чему-то внешнему – людям или объектам. Вслед за Марселем Моссом и Жоржем Батаем он обращает внимание на то, что внутри всякого общества происходят обмены не только ресурсами, но и символическими действиями (часто через дары), часть из которых напрямую затрагивает удовольствия и верования. У него можно найти пассаж, в котором он сравнивает носителя магического мышления с цивилизованным человеком явно не в пользу последнего. Тот, кто использует куклу вуду или приворотное зелье знает, что он совершает магические действия, цивилизованный же человек, за которого контентом «наслаждаются» видеомэгафон, копир, память компьютера – не знает, что он делает на самом деле [Пфаллер, 2018]. Ведь у современного человека помимо рефлексии есть идентификации (например, с носителем западной цивилизации и ее ценностей), которые создают «слепое пятно» в самообъяснении. При этом «взрослый опыт» по его мысли отнюдь не связан с избытком рациональности. Для Пфаллера в выработке понятия «интерпассивность» было важно и обращение к идеям Йохана Хейзинги: культура проводит разделение на взрослое и детское/инфантильное не через разграничение серьезности и игры, а через создание пространства для серьезных, взрослых игр.

Опору для таких игр и культурных ритуалов он обнаруживает в феномене, очень близком по смыслу к интерпассивности – в так называемых «иллюзиях без владельца». Отталкиваясь от дефиниции психоаналитика Октава Манони, различавшего два вида веры (*foi* и *croiance*), Пфаллер выделяет род фантазий, с которыми никто не отождествляется. Как, например, в бытовых мифах или общепринятых конвенциях, когда ни дети, ни родители не верят в Деда Мороза, но никто не протестует против действий согласно такой вере. Более того, суть таких иллюзий не в том, что они ничьи, а в том, что они продолжают работать «вопреки лучшему знанию», т. е. без рационального основания. Реальным основанием для них является убеждение в (потенциальном) существовании наивно-го носителя такой веры. Как отметит впоследствии Жижек, в опыте людей очень много подобных элементов, которые очень часто звучат в речи как расщепление типа «я знаю (что это глупо), но (делаю)».

Таким образом, уже в своих предпосылках концепция интерпассивности была в большей степени направлена не на объяснение только лишь взаимодействия человека и медиа, в оптике «делегированного удовольствия» получает свое объяснение более широкий спектр действий и убеждений людей на фоне их культурного, интересубъективного бытования.

Становление понятия интерпассивность

Итак, как можно заметить из истоков концепции, понятие интерпассивности позволило расширить теоретические взгляды на те формы символических, ритуальных или аффирмативных действий, которые остаются «за кадром» нашего сознания как в силу их привычности, рутинности, так и благодаря убеждению, что какое-то простое объяснение этих действий есть в культуре (раз многие поступают так – значит в этом есть смысл, даже если он мне неизвестен). Субъект в таком случае как будто просто экономит мышление, освобождая себя от ненужных рефлексий. Однако уже психоанализ описывает часть таких актов, как алиби или рационализации, которые позволяют не сталкиваться с истинной своей позицией в данном действии или ситуации. Поэтому суть интерпассивности изначально в том, что есть вещи, которые можно «делать», формально бездействуя на фоне действующего другого. Или как сформулирует это Жижек в заглавии своей работы: у нас есть способ наслаждаться (т. е. получать пассивный опыт, не обязательно приятный) посредством Другого. Стоит заметить, что в работах Жижека речь идет именно о лакановском Большом Другом, хотя большая часть случаев интерпассивности касается воображаемых зеркальных отношений с (маленьким) другим. У Пфаллера же обычно идет речь об образе другого человека.

В ходе развития концепции интерпассивность как понятие активно использовалась в трех ключевых темах. Во-первых, интерпассивность как контрапункт к теоретизациям вокруг интерактивности. В теории медиа интерпассивность должна была подчеркнуть то, что наши взаимодействия с новыми технологиями не только расширяют зону активности (например, через возможность записать то, что раньше было недоступно), но и зону пассивного опыта. Интерактивность предполагает, что сам субъект должен подключиться к информации или объек-

ту, чтобы они приобрели законченность. Тогда интерпассивность – это указание на то, что некоторые вещи (например, классические произведения искусства) вполне существуют и никак не страдают, даже если я остаюсь пассивен – не знаю их или не понимаю.

Тяготение новых медиа к интерактивности зачастую оборачивается особой формой пассивности – пассивности интерсубъективной (которую, впрочем, стоит отличать от пассивности коллективной). Ведь если интерактивность сводится к предложенным выборам – в духе голосования за заранее предложенные варианты (например, в интерактивном кино), то с точки зрения субъекта это опыт, в котором он из выбирающего превращается в инструмент выбора. Ты просто должен нажать на кнопку, чтобы процесс продолжался, а то, чего ты хочешь на самом деле – никого не интересует. Однако и в этой ситуации субъект способен найти «вторичную выгоду» или прибавочное удовольствие: если от меня ничего не зависит, следовательно, я свободен и от целой серии требований – отвечать за что-то (потенциально быть виновным), получать удовольствие, быть сознательным и моральным субъектом и т. д.

Во-вторых, интерпассивность очень скоро стала пониматься как феномен, собирающий воедино культурные проявления делегированного опыта и общепринятых фантазмов («иллюзии без хозяина» по Пфаллеру). В таком качестве это понятие позволило обнаружить скрытые предпосылки повседневных ритуалов. Уже Фрейд отмечал необходимость быть внимательным к устойчивым фигурам речи и индивидуальным ритуалам. Так, Пфаллер обнаруживает странную рамку для идей, которые воспринимаются как иллюзии, но остаются анонимными. Это фразы в духе «Я знаю, что это глупо, но ... (я это делаю, я в это верю, я хочу знать)». Кто-то интересуется спортом, гороскопами и политическими выборами, кто-то поддерживает ритуалы вокруг Деда Мороза, кто-то верит в приметы, саморегуляцию рынков и историю в учебниках. «Похоже, это именно тот случай, когда иллюзии ... действительно важны: они, очевидно, не являются личными иллюзиями; таким образом, они принадлежат другим. Но кто эти другие? Дети? Предки? Дураки?» [Пфаллер, 2018, с. 77] – спрашивает Пфаллер. Похоже здесь мы имеем дело с самой формой иллюзии, для которой не найти каких-либо верующих. Эти иллюзии на первый взгляд кажутся иллюзиями других, но при близком рассмотрении оказываются иллюзиями без предметов. Их создает ритуал, а ритуал создается симптомом и коренящемся в нем наслаждением. То есть это то, что делают ради того, чтобы делать – и лишь затем постфактум объясняют. Нельзя не заметить, что, игнорируя элементы наслаждения в этом понятии, мы будем вынуждены искать смысл там, где его, возможно, нет.

И в-третьих, с подачи Жижека интерпассивность также стала моделью, описывающей возникновение субъекта в лакановской версии психики. Жижек высказал предположение о том, что такой опыт широко распространен потому, что сам переход от первоначального состояния к субъективации опыта происходит именно по модели интерпассивности. С точки зрения психоанализа новорожденный ребенок в силу слабой приспособленности в первые месяцы выступает в качестве объекта для взрослых, но как и когда возникают структуры субъективности? Это непросто объяснить без традиционного эссенциализма, когда в природу челове-

как вкладывается род телеологии – мол, в каждом есть механизм саморазвития, в коем заложен будущий активный субъект. Здесь всегда есть парадокс предвосхищения: чтобы реализовать активность, нужно уже быть субъектом этой активности (тем, кто целеполагает, выбирает способ действия, оценивает результат), но как внутренне стать субъектом, не имея опыта активности, будучи объектом чужих действий (уход и слова окружающих)?

Жижек предлагает по-своему элегантное решение: субъект возникает не в тот момент, когда ребенок окажется способен взаимодействовать с вещами мира и артикулировать в языке свои желания, а на этапе, предшествующем этому. Раскол появляется в тот момент, когда ребенок накапливает достаточный опыт фрустрации, позволяющий разделить свою потребность и действия Другого. Таким образом, у того, кто выступал объектом, появляется желание, но еще нет действия его воплощающего. Чтобы связка желания и действия появилась, нужен логический промежуточный шаг: момент интерпассивности, в котором от представления «Другой это делает за меня» субъект мысленно переходит к «это делается мной через Другого». Подобный ход мысли по-своему предопределен тем, что пока еще ребенок не знает других желаний, кроме своих. Открыть факт, что у матери (Другого) есть какие-то еще неизвестные (не только ребенку, но порой и ей самой) желания – ему еще только предстоит. Таким образом, интерпассивность – это и есть первый шаг в субъективации: представить себя тем, кто делегирует свое удовлетворение другому. Иными словами, чтобы произвести субъекта, необходима вовсе не автономная активность, порождаемая изнутри (как считали философы Нового времени). Для этого, скорее, нужно принять факт того, что ты пассивный объект в действиях Другого, а затем совершить проекцию этой позиции на Другого. То есть по сути сперва создается место того, кто действует, а только потом субъект начинает с ним как-то идентифицироваться, пытаться его занять.

Интерпассивность здесь выступает как исчезающий логический посредник и первый шаг субъективации (представить себя тем, кто делегирует свое удовлетворение другим), который будет вытеснен в дальнейшем конститутивной фантазией об автономии и активности моего Я. Психологи и теоретики лакановской ориентации также используют концепцию интерпассивности, делая акцент на соотношении наслаждения и Другого в клинических случаях или при анализе современного общества. В подобном взгляде интерпассивность позволяет увидеть сложную динамику взаимоотношений субъекта с Другим и объектом, особенно в ставших повседневными практиках (например, во взаимодействии с соцсетями, гаджетами и т. д.), где наряду с сознательным выбором присутствуют и бессознательные побуждения. Как отмечает психоаналитик Айтен Юран в статье «Повседневность и интерпассивность»⁴, интерпассивность структурно напоминает описание «первофантазии» у Фрейда, так как дает субъекту определенное алиби («это Другой наслаждается, а не я»).

⁴ Юран А. Повседневность и интерпассивность // Лаканалия. Журнал Школы психоанализа Фрейда-Лакана (freud-lacan.spb.ru), № 4, 2010. URL: <https://freud-lacan.spb.ru/lakanaliya/4-2010-plyushevyy-mishka/ajten-yuran-povsednevnost-i-interpassivnost> (дата обращения: 13.11.2022)

Трансформация понятия интерпассивность в более поздних использованиях

Именно эти три темы и остаются пространством, показывающим эвристику понятия, и поэтому выход за их рамки проблематичен. Не обладая психоаналитическим бэкграундом, многие исследователи пытаются совместить интерпассивность с другими критическими дискурсами (критика идеологии и отчуждения, критика капитализма, критика неаутентичности). Но мешать воедино разные дискурсы только потому, что они обладают критическим потенциалом, – путь к эклектике и потере ценных концептуальных нюансов.

Посмотрим на примеры более широкого использования этого понятия у ряда авторов.

Концепция интерпассивности использовалась чешским социальным антропологом Терезой Кулдовой для изучения современного экономического поведения. В частности, она изучала модные тенденции на рынке роскоши в Индии [Kuldova, 2016], майнинг криптовалют и феномен «кароси» (японское название смерти от переработки) [Kuldova, 2018]. Однако Кулдова понимает делегирование как отчуждение, и поэтому для нее любой интерпассивный феномен превращается в потерю и доступа к удовольствию, и самостоятельности. Изначально концепция не предполагала такой однозначности: в ряде случаев интерпассивность – способ преодоления отчуждения, а не его проявление. В этом плане интерпретация кароси как интерпассивности попросту избыточна, для этого существуют более явные психоаналитические представления – о влечении к смерти или о прибавочном удовольствии. Сама Кулдова видит в этом только внешнее принуждение культурно-экономической обстановки, не замечая принципиальной проблемы в том, что такое принуждение должно быть еще и внутренне опосредовано субъектом.

Другой пример использования концепции можно найти в работах Яна Ягодзински, например, «Визуальное искусство и образование в эпоху дизайнерского капитализма: деконструкция орального глаза (образование, психоанализ и социальная трансформация)» [Jagodzinski, 2010]. По его мнению, оральный глаз – метафора поглощающего господства дизайнерского капитализма, которому характерно потребление эстетики в качестве экранов захвата внимания. Ягодзински развивает понятие интерпассивности для прояснения современных арт-практик, прежде всего авангардных (где есть не только активность художника, но и пассивное переживание опыта, получаемого от зрителей). В поздних работах он использует термин «технологическая интерпассивность» в рамках эстетики, но считает важным критику этого понятия как пессимистичного в плане борьбы с капитализмом [Jagodzinski, 2012]. Зачем, однако, нужно подобное уточнение («технологическая») неясно, так как интерпассивность – это определенным образом структурированные переживания и мысли, а не сами структуры.

В критической теории и политической философии попытку адаптации термина предпринял Гийс Ван Унен [Van Oenen, 2006]. Вслед за Пфаллером он соотносит интерпассивность с постэмансипаторным состоянием. Ван Унен, анализируя развитие демократических институтов и общественных практик, фиксирует значительный слом: после 60-70-х с активным призывом к преобразованию и эмансипации в 80-90-е гг. на сцену выходит либеральный индивидуализм, очень скоро

оборачивающийся определенного рода усталостью общественных масс. Концепция интерпассивности как раз позволяет ухватить тягу большей части общества делегировать или отдать на аутсорс неким активистам борьбу за важные содержания и принципы. Необходимость же активно участвовать в этом самому очень быстро приводит Я современного человека в состояние подавленности и стресса. Более того, Ван Унен предлагает очень глубоко переосмыслить взгляд на саму активность в политике, которая всегда оказывается амбивалентной. Именно поэтому призывы к большей активности, включенности или автоматизации участия могут иметь крайне серьезные и нежелательные последствия в политической жизни [Там же]. В этом плане Ван Унен остается верен логике концепции, заданной Пфаллером.

Наибольший интерес к интерпассивности проявили исследователи современных медиа: этот термин пытаются осмыслить как указание на скрытую сторону взаимодействия человека с интерактивными медиа – например, Мия Йошида в анализе способов использования мобильной телефонии [Yoshida, 2008]. Йошида отмечает, что массовый опыт использования мобильных телефонов активно пытаются осмыслить современные художники в арт-проектах и перформансах, посвященных демократии, глобализации, коллективному искусству, новой технической эстетике. При этом большая часть из них обращается к вопросу «участия» [Yoshida, 2006, p. 227], признавая, что термин «интерактивность» крайне неудачен для описания той пассивности, что обнаруживают в нас новые медиа. Нельзя не отметить, что тема участия и со-участия медиа-аппаратов в восприятии и производстве сообщения считается одной из ключевых в современной философии медиа [см. Mersch, 2010]. Однако стоит снова заметить, что в трактовке интерпассивности художники и исследователи медиа слишком явно делают акцент на пассивности, так что в итоге зачастую речь идет лишь о коллективном опыте зависимости и пассивности при пользовании медиа-устройствами, а не о интерпассивности как таковой.

Актуально понятие интерпассивности и для описания активности в социальных сетях, перспективно использование понятия в *game studies* для изучения игрового опыта, что показывают работы Сони Физек [Fizek, 2008] и обращаясь к ее идеям М. А. Подвального [Подвальный, 2018].

Критика апроприации понятия интерпассивности критическим и гуманистическим дискурсами

Широкие трактовки понятия интерпассивность в критической теории и у современных художников, арт-кураторов и др. ведет к тому, что общий смысл концепции мутирует в представление о навязывании некоторого опыта извне пассивному субъекту. Корректность такой интерпретации не только сомнительна, но лишает понятие его эвристической ценности.

Когда современный критик сводит интерпассивность к «изнаночному» феномену (то, что выявляет скрытое интерактивностью), то напрашивается логичный вопрос: разве это не описание механизма (критики) идеологии? Интерпассивность – это не сведение человека до объекта неким внешним институтом/струк-

турой, напротив она позволяет говорить о том, как субъект сохраняется там, где на первый взгляд он подвергается манипуляции Другого. Важное отличие также и в том, что критика идеологии настаивает на осознании субъектом его положения и манипуляций языка идеологии, в то время как сохранение субъекта и его удовольствия в интерпассивных феноменах существует (и это более частый случай) в разных формах практики, в том числе без всякого осознания.

Поэтому даже в словарях мы встречаем крайне спорные определения, в том числе такое: «Интерпассивность – феномен, обозначающий лишенность человека аутентичного опыта наслаждения»⁵. Проблема такого определения в том, что в психоанализе, от которого отталкивались Пфаллер и Жижек, нет и не может быть понятия «аутентичный опыт», а тем более «наслаждения». Во-первых, потому, что наслаждение (*jouissance* по Лакану) – это не удовольствие, это интенсивный опыт, который может переживаться и как страдание, принуждение. Во-вторых, дискурс аутентичности происходит из феноменологии и экзистенциализма, а они находятся в серьезных разногласиях с психоанализом по многим вопросам. Собственно, основная идея интерпассивности не в «лишенности», а напротив, в сохранении связи с тем, что оказывается воплощено во внешнем. В области наших отношений с миром и технологиями есть что-то такое, что нельзя устранить, потерять (область симптомов и удовольствий) – и это область, которая явно противоречит рамке «аутентичное / неаутентичное». Делегировать – значит, сделать из кого-то передатчика своих интересов, а не потерять. Как отмечает Жижек в примере с закадровым смехом, даже если мне не смешно, я все-таки чувствую себя отдохнувшим после просмотра такого шоу или фильма.

Как уже отмечал Теодор Адорно в критике «жаргона подлинности», столь явный акцент на деление аутентичного и неаутентичного наделяет скрытой идеологической функцией – критикуя проявления культуры, сам он при этом консервирует существующий социальный порядок, так как переносит всю ответственность на самих индивидов [Адорно, 2011]. Более того, излишняя попытка навязать гуманистическое звучание понятию интерпассивности в итоге оборачивается обратным – теоретической виктимизацией субъекта. Если описывать человека в современной культуре как жертву или пассивный объект, у которого что-то отнимают (на постоянной основе, в силу его погруженности в культуру и медиа), то такой дефицитарный образ становится нормой. Психоанализ и философия Пфаллера выступают против подобных теоретизаций с негативными эффектами, поэтому и понятие интерпассивности лучше рассматривать «по ту сторону» гуманизма. В самом деле, разве не идеологичен сам жест, в котором чье-то «странное удовольствие» (например, делегированное овнешняющей практике) вдруг начинают называть, а по сути оценивать как «неподлинное»? А кто вправе решать подобное, кроме как сам субъект?

Попытка тесно связать интерпассивность с необходимостью гуманизации социальных практик ведет к переносу акцента на отчуждение или идеологическое воздействие в феноменах интерпассивности. Подобное смещение делает понятие интерпассивность в таком рассмотрении излишним. Кроме того, риторика ау-

⁵ См.: Интерпассивность (3 июля 2018). Русскоязычная свободная энциклопедия «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интерпассивность> (дата обращения: 13.11.2022).

тентичности/отчуждения теряет из виду вопрос о появлении субъекта, эффекты удовольствия и его присвоения (изначально определяющие суть понятия интерпассивность).

Прояснив истоки и развитие понятия интерпассивности, можно обнаружить, что с ростом популярности этого понятия происходят процессы смешения и смещения в его понимании, часто в сторону явного искажения. Риторика аутентичности, отождествление с отчуждением и простые противопоставления интерактивности хотя и призваны сделать понятие более читаемым, вписанным в уже хорошо развитую проблематику, на деле устраняют эвристическую значимость понятия, позволяющего делать акцент на бессознательные сценарии удовольствия и коллективные формы верования. По этой причине стоит определять данный феномен не через отчуждение, а через «делегирование веры/удовольствия», «связь с другим/Другим», «проблему имплицитного требования и освобождения», а также в детальном сопоставлении разных объяснительных моделей с теориями и материалами антропологических исследований. В конечном счете, многие ограничения прежних концепций как платформ для исследования общества и медиа, так и для критики современности, давно и хорошо известны. Следовательно, подвязав интерпассивность под те же самые концептуальные ходы, мы не только ничего не получаем, но и теряем возможность взглянуть по-другому на актуальные проблемы современных медиа.

Список литературы

- Адорно Т. В.** Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Пер. с нем. Е. В. Борисова. М.: Канон+, 2011.
- Кудряшов И. С.** Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики // Сиб. филос. журн. 2021. № 19(4). С. 34–51.
- Жижек С.** Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005.
- Подвальный М. А.** Интерактивность и интерпассивность геймеров в видеоигровых практиках // Вестн. РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 8(41). 2018. С. 112–133.
- Пфаллер Р.** Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018.
- Рошка А. В.** Концепт «интерпассивность»: генезис и концептуализация // Гуманит. акцент. № 2. 2018. С. 55–60.
- Эко У.** Как написать дипломную работу. М.: Книж. дом «Университет», 2003.
- Fizek S.** Idle Games to (Dis)play. From Interactivity to Interpassivity // Transactions of the Digital Games Research Association. 2018. vol. 3. № 3. P. 137–163.
- Jagodzinski J.** Interrogating Interpassivity // Continental Thought & Theory: A Journal Of Intellectual Freedom. 2012. Vol. 2. Issue 1. P. 270–297.
- Jagodzinski J.** Visual Art and Education in an Era of Designer Capitalism: Deconstructing the Oral Eye. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2010.
- Kuldova T.** Luxury Indian Fashion: A Social Critique. L.: Bloomsbury, 2016.

- Mersch D.** Meta/Dia. Zwei unterschiedliche Zugänge zum Medialen // *Zeitschrift für Medien und Kulturforschung: Medienphilosophie*. 2010. № 2. P. 185–208.
- Pfaller R.** *Interpassivität: Studien über delegiertes Geniessen*. Wien ; New York: Springer, 2000.
- Pfaller R.** *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2017.
- Van Oenen G.** A Machine That Would Go of Itself: Interpassivity and Its Impact on Political Life // *Theory & Event*. 2006. Vol. 9. Issue 2. P. 123–144.
- Yoshida M.** Interactivity, Interpassivity and Possibilities Beyond Dichotomy // Eckhardt F., Geelhaar J., Colini L. et al. *MediaCity: Situations, Practices and Encounters*. Frank & Timme Literatur, 2008. P. 57–80.
- Yoshida M.** *The Invisible Landscapes: The Construction of New Subjectivities in the Era of the Mobile Telephone*. Lund University, 2006.

References

- Adorno T. V.** Zhargon podlinosti. O nevezkoi ideologii. Moskva: «Kanon+», 2011. (in Russ.)
- Eko U.** Kak napisat diplomnuu rabotu. Moscow: Book house «Universitet», 2003 (in Russ.)
- Fizek S.** Idle Games to (Dis)play. From Interactivity to Interpassivity. *Transactions of the Digital Games Research Association*, 2018, vol. 3, no. 3, pp 137-163.
- Jagodzinski J.** Interrogating Interpassivity. *Continental Thought & Theory: A Journal Of Intellectual Freedom*, 2012, vol. 2, issue 1, pp. 270–297.
- Jagodzinski J.** *Visual Art and Education in an Era of Designer Capitalism: Deconstructing the Oral Eye*. New York: Palgrave MacMillan, 2010.
- Kudryashov I.** Fud-Porn: Filosofskii i psihoanaliticheskii podhody k sovremennym alimentarnym praktikam. *Sibirskii Filosofskii Zhurnal*. Novosibirsk: IPC NGU, 2021, 19(4), pp. 34-51 (in Russ.)
- Kuldova T.** *Luxury Indian Fashion: A Social Critique*. London: Bloomsbury, 2016.
- Mersch D.** Meta / Dia. Zwei unterschiedliche Zugänge zum Medialen. *Zeitschrift für Medien und Kulturforschung: Medienphilosophie*, 2010, no2, pp. 185-208.
- Pfaller R.** *Interpassivität: Studien über delegiertes Geniessen*. Wien; New York: Springer, 2000.
- Pfaller R.** *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
- Pfaller R.** Radi chego stoit zhit. Moscow: Publishing of Gaidar Institute, 2018. (in Russ.)
- Podavalniy M. A.** Interaktivnost I interpassivnost geimerov v videoigrovyyh praktikah. *Vestnik RGGU, seria «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»*, 2018. pp. 112-133. (in Russ.)
- Roshka A. V.** Kontsept “interpassivnost”: genesis i kontseptualizatsia. *Gumanitarnii aktsent*, №2, 2018. pp. 55-60. (in Russ.)
- Van Oenen G.** A Machine That Would Go of Itself: Interpassivity and Its Impact on Political Life. *Theory & Event*. 2006, vol. 9, issue 2, pp. 123-144.

- Yoshida M.** Interactivity, Interpassivity and Possibilities Beyond Dichotomy. In: Eckhardt F., Geelhaar J., Colini L., Willis K. S., Chorianopoulos K., & Henning R. MediaCity: Situations, Practices and Encounters. Frank & Timme Verlag für Wissenschaftliche Literatur, 2008, pp. 57-80.
- Yoshida M.** The Invisible Landscapes: The Construction of New Subjectivities in the Era of the Mobile Telephone, Lund University, 2006.
- Zhizhek S.** Interpassivnost ili Kak naslazhdatsa posredstvom drugogo. Sanct-Peterburg: Aleteya, 2005. (in Russ.)

Информация об авторе

Иван Сергеевич Кудряшов, кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета;
доцент кафедры философии факультета социальной работы и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета

Information about the Author

Ivan S. Kudryashov, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University;
Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of Social Work and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University.

*Статья поступила в редколлегию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 16.01.2023*

*The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 303.01

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-79-89

Роль социально-философских теорий в представлениях об интеграции и дезинтеграции обществ (на основе подхода Т. Дж. Бернарда)

Ольга Алексеевна Персидская

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена ревизии обоснованности противопоставления понятий социальной интеграции как консенсуса и социальной дезинтеграции как конфликта. Методологической основой выступает переосмысление фоновых предположений влиятельных социально-философских теорий, предложенное Т. Дж. Бернардом. Показано, что наряду с конвенционально принятым пониманием социальной интеграции как общественного порядка и консолидации, а дезинтеграции – как конфликта и девиации, также в структуре социально-философской мысли существуют трактовки, в которых социальная интеграция характеризует идеальные, а не реальные общества и не имеет отношения к социальной практике, а также те, где социальная интеграция имманентно включает в себя дезинтеграционный процесс при условии, что одно не существует без другого.

Ключевые слова

социальная интеграция, консенсус, социальная дезинтеграция, конфликт, социально-философские теории, фоновые предположения, Т. Дж. Берnard.

Для цитирования

Персидская О. А. Роль социально-философских теорий в представлениях об интеграции и дезинтеграции обществ (на основе подхода Т. Дж. Бернарда) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 1. С. 79–89. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-79-89

© Персидская О. А., 2023

The role of socio-philosophical theories in ideas about the integration and disintegration of societies (based on T. J. Bernard's approach)

Olga A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
olga_alekseevna@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the revision of the validity of opposing the concepts of social integration as a consensus and social disintegration as a conflict. The methodological basis is the rethinking of the background assumptions of influential socio-philosophical theories proposed by T. J. Bernard. It is shown that along with the understanding of social integration as order and consolidation, and disintegration as conflict and deviation, there are also other interpretations in the structure of socio-philosophical thought. In some of these interpretations, social integration characterizes ideal, not real, societies and is not related to social practice, while in others, social integration immanently includes a disintegration process.

Keywords

Social integration, consensus, social disintegration, conflict, socio-philosophical theories, background assumptions, T. J. Bernard.

For citation

Persidskaya O. A. The role of socio-philosophical theories in ideas about the integration and disintegration of societies (based on T. J. Bernard's approach). *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 79–89. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-79-89

Фундаментальные вопросы устройства и функционирования обществ формализованы в ряде социально-философских подходов, к которым относят, например, структурно-функционалистский, социокультурный, конфликтный, деятельностный, интеракционистский и другие. Перечисленные и ряд других подходов имеют своих основателей, сторонников и критиков, многолетнюю историю становления и развития и фундируют широкий ряд теоретических и эмпирических исследований, выполненных в организованных ими канонах. Влияние таких ведущих научных подходов и персоналий, развивающих их, настолько велико, что порой сложно не поддаться соблазну признать, что тот или иной подход дает исчерпывающе достоверную картину социальных процессов. Однако необходимо понимать, что любой подход и сложившаяся в его рамках социальная теория в наиболее абстрактном виде могут быть сведены к некоторой сумме предположений или интуиций, которые имеют отношение не столько к социальной реальности, сколько к метафизическим представлениям о ней, разделяемым их сторонниками. Для примера того, что ряд вопросов об устройстве социальной реальности принципиально не может быть решен через изучение социальной действительности, можно привести дискуссии о детерминированности или случайности социальных процессов, об их движущей силе, о единице анализа социальной реальности [Валлерстайн, 1997], об эвристичности использования таких понятий, как массовое сознание [Тощенко, 2001] или менталитет и так далее. Ба-

зовые предположения о социальной реальности не поддаются эмпирической проверке или фальсификации, но, тем не менее, определяют ключевые, центральные положения теорий и то, как в них организуются и представляются методические и эмпирические данные. Наиболее влиятельные теории оказывают воздействие также на значения, в которых повсеместно употребляются термины и понятия, а также влияют на технологии социального проектирования и внедряемые социальные практики. Для того чтобы обозначить эти метафизические базовые интуиции, мы, вслед за А. В. Гоулднером [Gouldner, 1970, p. 29–35], будем называть их «фоновыми предположениями» (от *background assumptions*).

Одним из «фоновых предположений» социально-философского знания является представление о том, что общество организуется через упорядочение социальных отношений. На абстрактном уровне это предположение восходит к идее социального порядка [см. подробнее Персидская, 2021]. Эта идея является прологом к тому, чтобы помыслить общество как структуру, части которой находятся в процессе постоянной интеграции социальных элементов в рамках целого для улучшения его функционирования. Она предполагает, что стабильное общество существует как интегрированная структура и является одной из центральных в социальной философии, имплицитно влияя на представление об обществе у значительной части социальных теоретиков и практиков.

Социально-философское и социологическое понимание процесса *социальной интеграции*, как правило, раскрывается через синонимический ряд, включающий понятия *консолидация*, *согласованность*, *общность*, *целостность*, *согласие* и пр.¹ Интегрированная социальная общность, в соответствии с общепринятыми определениями, характеризуется гармоничными отношениями между своими частями, единством системы ценностей и норм как на уровне всей группы, так и ее отдельных членов. Цель интеграции состоит в распространении ценностей свободы, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, а также в повышении уровня жизни, выравнивании показателей экономического и социального развития [Грицианов и др., 2004], что в сумме бесспорно является социальным благом.

В такой смысловой рамке понимание процесса *социальной дезинтеграции* может быть встроено в понятийное поле социальной философии только на правах антонима социальной интеграции. Действительно, социальную дезинтеграцию связывают с распадом внутренней структуры социальной системы², утратой или нарушением ее единства и слаженности, потерей налаженных функциональных связей. Отметим, что расхожей является точка зрения, в соответствии с которой дезинтеграция связывается с конфликтом: или как ее синоним, или как следствие³.

Таким образом, можно говорить о фоновом предположении, сложившемся в рамках социально-философского знания: противопоставлении понятий интеграции и консенсуса (с одной стороны) и дезинтеграции и конфликта (с другой стороны).

¹ См., например, Интеграция / Рос. философская энциклопедия. URL: <https://rus-philosophical-enc.sloveronline.com/4028-ИНТЕГРАЦИЯ>. (Дата обращения: 9.02.2023).

² См.: Дезинтеграция / Antinazi. Энциклопедия социологии, 2009 // URL: rus-sociologia.sloveronline.com/786-ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ. (Дата обращения: 16.01.2023).

³ См.: Дезинтеграция / Энциклопедический словарь по психологии и педагогике // URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/5331. (Дата обращения: 16.01.2023).

Одновременно следует иметь в виду, что строгость и точность понятий, даже тех, в отношении которых, казалось бы, достигнуто конвенциональное употребление, имеет решающее значение для прогресса научного знания. Мы считаем, что в значительной степени мышление определяется языком, а его понятиями, с одной стороны, организован, а с другой, одновременно ограничен процесс познания. Данный тезис справедлив также для социально-философского знания, эволюция понятийного аппарата которого не всегда соответствует уровню развития постигаемого знания и тем познавательным горизонтам, к которым пытаются приблизиться исследователи. В связи с этим ревизия понятий на их соответствие критериям адекватности, объективности и непротиворечивости является актуальной задачей.

В данной работе мы сосредоточимся на ревизии обоснованности противопоставления понятий интеграции как консенсуса и дезинтеграции как конфликта с опорой на переосмысление базовых положений влиятельных социально-философских теорий, предложенное профессором Томасом Дж. Бернардом в его монографии «The Consensus-Conflict Debate. Form and Content in Social Theories» [Bernard, 1983].

Т. Дж. Бернارد развивает свою логическую схему, предлагая ревизию фоновых предположений, в соответствии с которыми часть философов и социальных теоретиков приписывают к разделяющим посылку о том, что общества следует концептуализировать как наполненные напряжением системы, интегрированное состояние которых – лишь промежуточная стадия от одного конфликта до другого, а других – как к исходящим из идеи об обществе как интегрированной, основанной на согласии системы, конфликт в которой – чаще всего преодолимое отклонение или даже девиация. Действительно, распространена точка зрения, в соответствии с которой к первым относят, например, К. Маркса, Г. Зиммеля и Р. Дарендорфа, а ко вторым – Т. Гоббса, М. Вебера и Т. Парсонса [см., напр., Старостин, 2007]. Однако Бернارد, не соглашаясь с устоявшейся в социальных науках демаркацией, предлагает усложнить схему рассмотрения теорий. Он вводит в рассмотрение дополнительный критерий: представление о *природе человека*, которая может описываться в теории как конфликтная (т. е. находящаяся во власти страстей и желаний, стремящаяся к доминированию и власти через проявление силы) или бесконфликтная, склонная к взаимодействию, сотрудничеству, образованию устойчивых социальных связей (в терминологии автора, консенсуальная). Второй новацией подхода Бернарда является предложенный им критерий того, в каких понятиях – конфликтных или консенсуальных – в теории описываются *реально существовавшие* во времена жизни того или иного мыслителя общества. Подчеркнем, что он намеренно переносит акцент с теоретических представлений на практические реалии, чем, на наш взгляд, не только задает новизну в рассмотрении позиций разных авторов, но и сменяет ракурс с социально-философского теоретизирования на социологический анализ.

Наложив эту схему на работы ряда влиятельнейших философов и социологов прошлого, он показывает, что социально-философские теории, созданные ими, могут быть разделены не на две (конфликтные vs консенсуальные теории), а на четыре группы. Ниже дана схема, представляющая общую логику Т. Дж. Бернарда.

Организация фоновых положений социально-философских теорий
у Т. Дж. Бернарда

Organization of background assumptions of socio-philosophical theories
by T. J. Bernard

	Общества, современные авторам теорий, описаны ими в консенсуальных понятиях	Общества, современные авторам теорий, описаны ими в конфликтных понятиях
Природа человека описана в консенсуальных понятиях	Теории консервативного консенсуса (conservative consensus theories) <i>Представители: Аристотель, Ф. Аквинский, Дж. Локк</i>	Теории радикального конфликта (radical conflict theories) <i>Представители: Платон, Ж.-Ж. Руссо, К. Маркс</i>
Природа человека описана в конфликтных понятиях	Теории социологического консенсуса (sociological consensus theories) <i>Представители: Т. Гоббс, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс</i>	Теории социологического конфликта (sociological conflict theories) <i>Представители: Макиавелли, Г. Зиммель, Р. Дарендорф</i>

Первую группу теорий он называет теориями консервативного консенсуса (*conservative consensus theories*) и относит к ее сторонникам Аристотеля, Фому Аквинского и Джона Локка. Их объединяет то, что они описывают как человеческую природу, так и, по крайней мере, некоторые современные им общества на основе консенсуса. Речь идет, например, о том, что у Аристотеля «государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое» [Аристотель, 1983, с. 378], а достичь блага человек способен только в сообществе. Аквинат в целом соглашается с воззрениями Аристотеля относительно человеческой природы, рассуждая, что люди способны различать истину и добро посредством разума. Свое представление о консенсусе в обществе он строил на основе представления о существовании естественного закона, который разделяют все рациональные, благонамеренные члены общества [см. Аквинский, 2016]. Как известно, Локк строил свою теорию на представлении о том, что люди в их естественном состоянии свободны, равны и мирно сосуществуют, а также на идее о государстве как гаранте соблюдения естественных прав человека [см. Локк, 1988]. Бернард аргументирует, что, описывая современные им реальные общества, перечисленные мыслители трактовали существующие в них конфликты как девиантные явления, которые со временем должны быть изжиты [Bernard, 1983, p. 21], что позволяло им оставаться в рамках консенсуальной аргументации.

Вторая группа – теории социологического консенсуса (*sociological consensus theories*), объединяющие наследие Т. Гоббса, Э. Дюркгейма и Т. Парсонса. Для них характерно описание человека как конфликтного по своей природе, но при этом некоторые современные авторам теорий общества считаются ими построенными

в соответствии с принципами консенсуса. В том, что касается природы человека у Гоббса, речь, разумеется, идет о «войне всех против всех» в естественном состоянии людей и переходе к солидарным отношениям только при наличии посредника в виде государства⁴. Человек Дюркгейма представлен обремененным дуальной сущностью, раздираемой противоречием между, с одной стороны, неумным желанием обладания благами, характерном для индивидуального основания сущности, и, с другой стороны, ограничивающим это желание воздействием социального основания [Дюркгейм, 2013]. На наш взгляд, говоря о том, что в своих представлениях о человеке Парсонс следует идеям Гоббса и Дюркгейма (о Парсонсе: «по причине того, что люди никогда не могут достичь достаточных соглашений, они конфликтны по своей природе» [Bernard, 1983, p. 23]), Бернад делает не вполне обоснованное заключение. В теории Парсонса отдельный человек, индивид практически не фигурирует как отдельный субъект, а выступает лишь статистом, выполняющим свою социальную роль. Куда больше социального теоретика интересует поле, имеющее отношение к символическому бытию человека, заданному культурными нормами, смыслами и значениями, традициями и обычаями, социальными статусами и ролями. Однако не будем противоречить выстроенной Бернадом логике и примем, что природа человека у Парсонса конфликтна: иначе зачем нужны все эти ограничивающие ее социальные рамки?

Как указывает Бернад, теоретиков группы социологического консенсуса объединяет представление об обществе как структуре, призванной взять под контроль конфликтную природу человека; соответственно, степень совершенства общественного устройства зависит от эффективности работы социальных механизмов, управляющих людьми. Та же логика переносится и на реально существующие общества: они описываются как консенсуальные в своем основании, а существующие в них конфликты объясняются несовершенством механизмов социального контроля и управления [Ibid., p. 22].

Третья группа теорий объединена по принципу, в соответствии с которым природа человека понимается как консенсуальная, но современные авторам реальные общества описываются как конфликтные. Эта группа, к которой Бернад относит Платона, Ж.-Ж. Руссо и К. Маркса, носит название теорий радикального конфликта (*radical conflict theories*). Здесь с ним нельзя не согласиться: идеализм Платона позволяет ему выстраивать стройную схему, в соответствии с которой человек по своей природе является социальным и, соответственно, политическим животным, и что законы и правительства в своей логике должны органично продолжать эту природу. Однако интерпретация реально существующих обществ у Платона выстраивается на противопоставлении несуществующей идеальной формы правления воплощенным в жизни неидеальным, в которых неизбежность конфликтов связывается с отступлением от принципов справедливого общежития. «Благородный дикарь» Руссо «рождается свободным, но он всюду в оковах»⁵ по совокупности совершенно реальных причин, связанных с узурпацией власти,

⁴ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // URL: www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf. (Дата обращения: 25.01.2023).

⁵ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf. (Дата обращения: 20.01.2023).

преследованием правителями своих собственных, а не общественных интересов, неравенством в распределении благ. Будучи, по словам К. Поппера, «бессознательным платоником» [Popper, 1968], Маркс сделал конфликт как центральной аналитической категорией своей теории, так и оптикой, через которую трактовал социально-экономическое устройство реально существующих обществ. Но важно подчеркнуть, что, по мнению Бернарда, приписывая конфликт институциональным структурам, природу человека он все же видел бесконфликтной [Bernard, 1983, p. 98].

Наконец, теории, описывающие как человеческую природу, так и все современные общества в конфликтных понятиях, называются у Бернарда теориями социологического конфликта (*sociological conflict theories*). Эта группа олицетворена Никколо Макиавелли, Г. Зиммелем и Р. Дарендорфом. Макиавелли видит человека, движимым страстями и находящимся во власти дурных наклонностей; его описание механизмов эффективного политика – достижение власти с использованием военной силы, силы и обмана – также предполагает, что современные этому мыслителю общества он видел выстроенными отнюдь не в категориях согласия и консенсуса. В теории Зиммеля конфликт является ключевым объектом анализа и интерпретация как социума, так и действий отдельных людей строится через конфликтное взаимодействие. Дарендорф развивал свои представления на предположении о том, что «Не только в общественной жизни, но и везде, где есть жизнь, существует конфликт» [Dahrendorf, 1959, p. 223], фактически, не оставляя Бернарду и другим интерпретаторам его наследия шанса на альтернативную трактовку его идей.

Очевидно, что логика, предложенная Т. Дж. Бернардом, может показаться достаточно спорной за счет того, что трактовка наследия упомянутых авторов дается в упрощенной форме, где множество деталей остаются вне фокуса рассмотрения. Тем не менее, фоновые предположения, заложенные в теориях каждого из четырех типов, описанных Бернардом, влияют на интерпретацию лежащих в основании теорий базовых понятий. Для нас представляют интерес соотношения, формирующиеся между понятиями консенсуса и конфликта, а также связь этих соотношений с представлениями об интеграции и дезинтеграции обществ.

Так, в теориях консервативного консенсуса и природа человека, и состояние современных авторам обществ согласованы и описываются в понятиях консенсуса. Однако не до конца ясным остается вопрос о том, что делать с возникающими конфликтами. В таких теориях общество предстает дихотомически разделенным на людей, участвующих в консенсусе, т. е. интегрированных в некоторое единство, и прочих. При этом прочие считаются не полностью разделяющими консенсуальную природу человека, имеющими иной статус, либо, например, эгоистичными в своих поступках, т. е. ориентирующимися в первую очередь на свои потребности, а не на коллектив. На уровне социальных практик такая установка позволяет маркировать конфликты как девиантные проявления, что, как представляется, предполагает негласное разрешение на подавление инициатив несогласных. Таким образом, мы можем заключить, что понимание социальной интеграции в рамках теорий этой группы предполагает полное и безоговорочное подчинение индивидуального начала коллективному. На наш взгляд, такое представление

о социальной интеграции может провоцировать применение принудительных мер, способствующих, по мнению доминирующей группы, достижению сплоченности, подавлению инакомыслия и унификации членов сообщества. Следует заключить, что в рамках такого понимания дезинтеграция действительно является антонимом интеграции и может быть понята как конфликт.

Для теоретиков радикального конфликта, противопоставивших консенсуальную природу человека и конфликтную природу реально существующих обществ, социальный конфликт служит маркером противоречия между легитимными притязаниями угнетаемых групп и желанием сохранить существующее – не легитимное – положение дел со стороны доминирующего большинства. В особенно острой форме это противоречие выражено у К. Маркса: «История всего существовавшего до сих пор общества – это история классовой борьбы ... угнетатель и угнетенные находились в постоянном противостоянии друг другу, вели непрерывную, то скрытую, то открытую борьбу ...»⁶. В теориях такого рода преобладает дезинтеграционное видение социальной динамики, в основе которой лежит конфликт как движущая сила социальных процессов. Социальная интеграция в реально существовавших при жизни теоретиков радикального конфликта обществах рассматривается скорее как желанный, но сложно достижимый идеал, чем как реальный социальный проект.

Для теоретиков социологического консенсуса актуальной задачей было соотнесение идей о консенсуальной сущности обществ и конфликтной природе человека. Характеризуя эту группу теорий, Бернард обращает внимание на то, что в них направление желательных социальных изменений связывается с необходимостью укрепления социальных связей для лучшего контроля над конфликтной человеческой природой. Однако такая социальная мера в своей практической реализации предполагает усиление контроля доминирующих групп власти над другими группами в обществе. При этом важно, что действия, предпринимаемые доминирующими властными группами для защиты и расширения своего контроля в таких обществах, будут описаны теоретиком социологического консенсуса как законные, в то время как действия тех, кто находится в конфликте с доминирующими группами – как незаконные [Bernard, 1983, p. 195]. Соответственно, и социальную интеграцию в рамках теорий социологического консенсуса следует рассматривать через призму легитимации применения силы для достижения как можно более полного консенсуса, что объединяет представителей данной группы теорий с теоретиками консервативного консенсуса.

Теоретики социологического конфликта утверждают, что и человеческая природа, и общество конфликтны. Это означает, что не может существовать никакого возможного общества, в котором конфликты полностью контролируются (как это предполагается в теориях социологического консенсуса) или могут быть полностью разрешены (как подразумевается в теориях радикального конфликта). Так как проблема конфликта в рамках теорий этой группы принципиально не может быть решена, то оптимальный способ существования социальных систем связывается с повышением эффективности методов управления конфликтами для уменьшения связанных с ними негативных последствий.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // URL: www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm. (Дата обращения: 21.01.2023).

Отличием теорий социологического конфликта от других групп теорий является также то, что в них (и только в них) остается возможность сохранения нейтральной исследовательской позиции за счет того, что в этих теориях ни явно, ни в скрытом виде не ставится вопроса о том, действия каких групп легитимны, а каких – нет. Оценка легитимности притязаний и действий конфликтующих групп здесь выходит за рамки теории.

Можно сказать, что в теориях этой группы консенсус и конфликт являются диалектическими феноменами: так, каждый консенсус подразумевает конфликт, а каждый конфликт разрешается в новом промежуточном консенсусе. Продолжая эту мысль, Бернард указывает, что, если в теориях социологического консенсуса последний определяется как отсутствие открытого конфликта, то в теориях социологического конфликта акцент переносится с наблюдения за конфликтной динамикой на отслеживание того, как в ходе конфликтов достигаются всё более полные соглашения между разными группами [Ibid., p. 207]. Таким образом, следует признать, что, как ни парадоксально, именно теории социологического конфликта наиболее пристально сосредоточены на сложном пути выстраивания консенсуса.

Ревизия фоновых предположений ключевых социально-философских теорий, предложенная Т. Дж. Бернардом, позволяет, на наш взгляд, не только пересмотреть и усложнить схему сопоставления разных в своих основаниях теоретических построений, но также служит основой для расширения представлений о социальной интеграции как консолидации и дезинтеграции как конфликте. Так, понимание социальной интеграции действительно может быть связано с порядком и консолидацией, а дезинтеграции – с конфликтом и девиацией, как это принято в большинстве словарных определений. Именно так считается содержание фоновых предположений об этих феноменах в рамках теорий социологического и консервативного консенсуса. Уязвимым местом этих теорий следует считать то, что меры по достижению социальной интеграции предполагают подавление голосов несогласных. В этой связи сложно говорить о социальной интеграции как о нормативно-ценностном консенсусе в обществе (очевидно, что в обществе целиком), как это принято в ряде словарных определений.

Также подчеркнем, что право на существование имеют две другие трактовки социальной интеграции. В первой из них она лишь условно относится к социальной практике и характеризует скорее идеальные, чем реальные общества, как в рамках теорий радикального конфликта. Вторая трактовка предполагает, что социальная интеграция имманентно включает в себя дезинтеграционный процесс при условии, что одно не существует без другого, как это было показано теоретиками социологического конфликта.

Список литературы

- Аквинский Ф.** О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 96–128. DOI 10.17323/1728-192X-2016-2-96-128.
- Аристотель.** Сочинения. В 4 т. М.: Мысль. 1983. Т. 4.

- Валлерстайн И.** Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется // СОЦИС. 1997. № 1. С. 8–21.
- Грицанов А. А., Абушенко В. Л., Евелькин Г. М. и др.** (сост.) Социология: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2003.
- Дюркгейм Э.** Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 133–144.
- Локк Дж.** Два трактата о правлении. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Персидская О. А.** Когерентность социальных процессов в топиках социального порядка и беспорядка: к концепту интерстициального возникновения // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 81–86. DOI 10.17223/15617793/471/9.
- Старостин А. М.** Конфликты и солидарность в конкурентном обществе: гарантии и риски // Государственное и муниципальное управление. Учен. записки СКАГС. 2007. № 1. С. 61–69.
- Тощенко Ж. Т.** Социология. М.: Прометей. 2001.
- Bernard T. J.** The Consensus-Conflict Debate. Form and Content in Social Theories. USA, Columbia University Press, 1983.
- Dahrendorf R.** Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1959.
- Gouldner A. W.** The Coming Crisis of Western Sociology. New York, Avon, 1970.
- Popper K.** Plato. In: D. L. Sills (ed.) International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, Macmillan; The Free Press, 1968.

References

- Aquinas F.** O korolevskoi vlasti k korolyu Kipra, ili O pravlenii knyazei [On the royal power to the king of Cyprus, or On the rule of princes]. *Russian Sociological Review*, 2016, Vol. 15. no 2, p. 96–128. (In Russ.)
- Aristotle.** Sochineniya. V 4 t. T. 4. [Works. In 4 vols. Vol. 4.]. Moscow, 1983. (In Russ.)
- Bernard T. J.** The Consensus-Conflict Debate. Form and Content in Social Theories. USA, Columbia University Press, 1983.
- Dahrendorf R.** Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1959.
- Durkheim E.** Dualizm chelovecheskoy prirody i ego sotsial'nyye usloviya [The dualism of human nature and its social conditions]. *Sociological Review*, 2013, Vol. 12, no. 2, p. 133–144. (In Russ.)
- Gouldner A. W.** The Coming Crisis of Western Sociology. New York, Avon, 1970.
- Gritsanov A. A., Abushenko V. L., Yewel'kin G. M. et al.** (comp.) *Sotsiologiya: Entsiklopediya [Sociology: Encyclopedia]*. Minsk, 2003. (In Russ.)
- Locke J.** Dva traktata o pravlenii [Two treatises on government. In: Works. Vol. 3]. Moscow, 1988. (In Russ.)
- Persidskaya O. A.** Kogerentnost' sotsial'nykh protsessov v topikakh sotsial'nogo porjadka i besporjadka: k kontseptu interstitsial'nogo vzniknoveniya [Coherence of social processes in the topics of social order and disorder: to the concept of interstitial occurrence]. *Tomsk State University Journal*, 2021, no. 471, p. 81–86. (In Russ.)

- Popper K.** Plato. In: D. L. Sills (ed.) *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, Macmillan; The Free Press, 1968.
- Starostin A. M.** Konflikty i solidarnost' v konkurentnom obshchestve: garantii i riski [Conflicts and solidarity in a competitive society: guarantees and risks]. *State and municipal administration scientific notes*, 2007, no 1, p. 61–69. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T.** Sotsiologiya [Sociology]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Wallerstein I.** Sotsial'noye izmeneniye vechno? Nichto nikogda ne izmenyayetsya [Is social change forever? Nothing ever changes]. *Sociological Studies*, 1997, no. 1, p. 8–21. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Персидская,
младший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Information about the Author

Olga A. Persidskaya,
Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

*Статья поступила в редколлегию 22.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 16.01.2023*
*The article was submitted 22.12.2022;
approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 091

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104

Новая Атлантида – технократическая утопия?

Василий Васильевич Мархинин

Сургутский государственный университет

Сургут, Россия

marhinin.basilio@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5024-2452

Аннотация

Исследуется специфика утопизма Ф. Бэкона; идеи, изложенные в «Новой Атлантиде», соотносятся с идеологией технократизма, классическими образцами утопической мысли и мировоззрением христианского гуманизма. Содержание повести сопоставляется с другими сочинениями Бэкона, в которых также рассматриваются проблемы взаимоотношений власти и науки, научного и религиозного мировоззрения, проблемы социальных функций науки. Реконструируется этическая концепция, лежащая в основе бэконовских взглядов на миссию ученого и цели научно-технического прогресса, выявляется их специфика по отношению к христианскому гуманизму и материализму Т. Гоббса.

Ключевые слова

«Новая Атлантида», утопизм, технократия, христианский гуманизм, этика, альтруизм, коллективизм

Для цитирования

Мархинин В. В. Новая Атлантида – технократическая утопия? // Сиб. филос. журн. 2023. Т. 21. № 1. С. 90–104. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104

“New Atlantis” – a technocratic utopia?

Vasily V. Markhinin

Abstract

The paper brings the analysis of the peculiar features of Bacon's utopianism, its linkage to and tensions with classical utopias, technocratic ideas, Christian humanism and Hobbesian ethics. The research is trying to revisit conventional views on the so-called Bacon's technocratic perspective for the future of science, state and society. We argue that ethical framework of Bacon's theory of science and its societal institutions has much in common with the Kenotic ethics of Christian humanism. His utopian novel follows this ethical pattern as well. The “limitation of science by religion” described in “New Atlantis” and in early tracts was on the other side a step in later Hobbesian direction towards the development of secular civic moral. In spite of this Baconian ethics was altruist & collectivist, unlike Hobbesian moral of selfishness & individualism.

© Мархинин В. В., 2023

Key words

“New Atlantis”, utopianism, technocratic ideas, Christian humanism, ethics, altruism, collectivism.

For citation

Markhinin V. V. New Atlantis – a technocratic utopia? *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21. № 1. p. 90–104. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104

Философская повесть Ф. Бэкона «Новая Атлантида» занимает совершенно особое место как в творчестве английского философа, так и в истории социально-философской мысли. Бэкон задумывал «Новую Атлантиду» как книгу, подводящую итоги его творчества: он предполагал довести работу над повестью до конца и предназначал ее для уже посмертной публикации. Этому плану не суждено было осуществиться, и Бэкон успел реализовать лишь небольшую часть своего замысла. Тем не менее «Новая Атлантида» произвела огромное впечатление на современников и потомков. Намеченные в ней идеи вдохновляли создателей первых академий Нового времени и закладывали основы современных представлений о науке и ее роли в жизни общества.

Стремление историков философии реконструировать идеи, заложенные в незавершенном проекте «Новой Атлантиды», привело к созданию обширной литературы, посвященной бэконовскому утопизму. Наиболее широкое распространение получила интерпретация его взглядов в качестве памятника технократической мысли, утопии власти ученых. Определенные предпосылки для такого прочтения Бэкона имеются. Он, действительно, возлагал большие надежды на трансформирующую силу технического прогресса, некоторые из пассажей «Новой Атлантиды» имеют внешнее сходство с позднейшими технократическими утопиями. Это сходство абсолютно закономерно: бэконовская повесть вдохновляла многих авторов, писавших в утопическом и научно-фантастическом жанре, идеи технократии формируются, в том числе, и под влиянием работ Бэкона. И всё же было бы неверно считать его адептом технократической идеологии. Эта идеология является результатом трансформации или, точнее, упрощения его взглядов на общественный идеал и на ту роль, которую наука призвана сыграть в его формировании. В настоящем исследовании ставится цель реконструкции взглядов Бэкона на принципы общественного устройства, отразившиеся в его знаменитой утопии.

«Новая Атлантида»: утопия и программа

На протяжении всей своей творческой биографии Бэкон систематически обращается к проблемам общественно-политического характера. Используемый им подход подчеркнута «не-утопичен»: Бэкон старается следовать методу, «который избрал Макиавелли для изложения политических вопросов, а именно наблюдения или, как говорят, рассуждения на материале тех или иных исторических примеров» [Бэкон, 1971, с. 467]. Ключевые темы «Новой Атлантиды» – отношения науки и власти, научного познания и индустрии, науки, общественной морали и религии. В утопической литературе все эти темы могут рассматриваться в процессе поиска социального идеала; тем не менее сами по себе они не являются частью

так называемой «коллективной проблемы», вокруг обсуждения которой строится любая утопия. Следует ли, вообще, интерпретировать «Новую Атлантиду» как утопию? Не является ли она проектом создания академии, стилизованным по канонам утопического жанра?

Утопию часто описывают как антитезу реализма. Такое противопоставление не должно быть слишком прямолинейным: утопия представляет собой опыт рационального моделирования, основанного на *реалистических* представлениях о человеке и мире. Она не полагается на чудо, на спасительное вмешательство сверхъестественных сил, не надеется на милость природы, не ожидает от человека склонности к святой и праведной жизни. Изобретенные утопистами средства обустройства всеобщей гармонии предназначаются для сообществ, которые, будучи предоставлены сами себе, вернутся к естественному для них хаосу и конфликтам. Утопия часто является инструментом социальной критики и редко – программой действий. В «Новой Атлантиде» «программный» аспект явно выдвинут на первый план: описанный Бэконом Дом Соломона не является некоей абстракцией, созданной исключительно для целей теоретического анализа – это проект, предназначенный для практического воплощения в жизнь, хотя и выполненный в специфической литературной форме. И всё же замысел «Новой Атлантиды» не сводится ни к рассказу о шахтах, башнях, бассейнах, «домах звуков» и прочего имущества в распоряжении ученых, ни даже к описанию организационной структуры академии. Согласно известному свидетельству У. Раули¹, Бэкон планировал включить в «Новую Атлантиду» раздел об общественном устройстве Бенсалема; связи, которые имеются между этой повестью и более ранними сочинениями, в первую очередь, с трактатами «Валериус Терминус» и «О значении и успехе знания, божественного и человеческого»², позволяют в составить представления об идеях, которые могли лежать в основе этого раздела. Их содержание, как будет показано далее, вполне органично укладывается в рамки социальной критики, типичной для утопического жанра. Тем не менее следует признать справедливость замечания современного исследователя: «пытаться прочесть «Новую Атлантиду» как утопию моровского образца и найти в ее тексте систему или хотя бы набор сентенций об этике или политике, значит пойти по ложному пути» [Colclough, 2003, p. 62].

Этика науки и ее отношения с религией

Этические и религиозные идеи Бэкона, подробно изложенные в ранних сочинениях, легли в основу целого ряда ключевых сюжетов «Новой Атлантиды». Один из таких сюжетов – чудо дарования небесами священных книг христианства, рассказ о котором очень важен для понимания всей повести. В связи с ним З. А. Сокулер замечает: «Бэкону предъявляют претензии: почему он так уверен, что предложенные им таблицы решают проблему неполноты индукции, и поче-

¹ См.: Rawley, W. The Life of the Honourable Author // The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, vol. 5. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco05bacoiala/page/410/mode/2up> (Accessed: 25.07.2022). P. 45–46.

² Ради краткости далее этот трактат будет обозначаться «О значении».

му он не видит, что среди собираемых и размещаемых по таблицам наблюдений наверняка окажутся продукты заблуждений, иллюзий и предрассудков? Обращение к «Новой Атлантиде» Бэкона (1624–1625 гг.) показывает, что для него эти проблемы решаются не логикой, а религиозным и нравственным возрождением, которому способствует свет, исходящий от истинных Евангелий, не замутненных человеческими толкованиями» [Сокулер, 2022, с. 91]. Этот вывод ошибочен. Религия и наука у Бэкона, действительно, связаны самым тесным образом, но их связь совершенно иная, не подразумевающая преодоление неполноты индукции за счет света евангельских истин.

В своих зрелых трактатах Бэкон не излагает целостной философско-теологической концепции. Религиозная полемика была неотъемлемой частью политической жизни, и автор, вступавший в нее со своими оригинальными идеями без прямого указания властей, неизбежно оказывался как минимум в рискованном положении. Риски такого рода были особенно значительными в случае Бэкона: среди его читателей и «рецензентов» вполне мог оказаться сам Яков I, крупный религиозный писатель своей эпохи. Свои философско-теологические идеи Бэкон обстоятельно излагает в «Валериусе Терминусе» – трактате, написанном до вступления Якова на престол и предназначенном для распространения лишь в тесном кругу единомышленников. Отправной точкой трактата становится анализ вопроса о месте, которое научное познание занимает в отношениях между человеком и Богом. «В божественной природе, – пишет Бэкон, – равно религия и философия видят превосходное добро, знание (science), или провидение всех вещей и абсолютную, или царскую, власть»³. Вождение высшей власти погубило ангелов; человек, как известно, согрешил из-за желания обрести совершенное знание. Не бросает ли эта известная ветхозаветная история тень на науку? Бэкон полагает, что жажда знания, которая привела Адама к грехопадению, имеет мало общего с наукой. Первородный грех произошел из-за стремления человека сравняться с Богом в знании добра и зла и, таким образом, сделаться самостоятельным, независимым от Бога законодателем морали. Тяга к знаниям, которую испытывает ученый, имеет совершенно иной смысл – это стремление не к превосходству над властью Бога, и не к высшему моральному авторитету, но к власти над природой, которая, как известно, из Библии, была дана человеку после его сотворения и отнята после грехопадения. Не является ли желание восстановить власть над миром новым вызовом, которое человечество бросает Богу? Бэкон отвечает на этот вопрос утвердительно. Тем не менее ничего греховного или порочного в этом вызове нет. Ученый стремится восстановить утраченную власть над миром ради блага человечества и, таким образом, пытается сравняться с Богом в любви, но «в желании уподобиться Богу в доброте и любви (они суть одно и то же, поскольку любовь есть не что иное, как добро, пришедшее в движение, или примененное к некоторому предмету) ни один человек и ни один бесплотный дух никогда не совершал преступления и никогда не совершит преступления» [Ibid.]. Чуть далее он продолжает: «что касается доброты, нет никакой опасности

³ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 27.

в соревновании, или борьбе за уподобление Богу, напротив, подражание Его доброты дозволяется и приветствуется» [Ibid., p. 28].

Эти рассуждения становятся основой для разграничения религии и науки, или, как выражается сам Бэкон, «ограничения науки религией» [Ibid.]: от попыток выйти в постижении религиозных истин за пределы того, что дано человеку в Откровении, следует отказаться. «Заблуждением было бы считать, что познание божественного и человеческого растет от того, что одно смешивается с другим и одно искушает другое: от этого одно наполняется ересями, а другое умозрительными и суетными фикциями» [Ibid., p. 29].

Исключение предметов религии из числа объектов научного исследования – а не синтез веры и разума – есть первое требование к науке. Это убеждение Бэкон высказывает на протяжении всей своей творческой биографии, отразилось оно и в «Новой Атлантиде». В первую очередь, это относится к рассказу об обретении бенсалемцами священных текстов. Они были дарованы небесами таким образом, что для их понимания не понадобились никакие духовные усилия; благодаря чуду бенсалемцы избежали соблазна тратить умственные силы на анализ теологических проблем. Концентрированным выражением этих взглядов на религию и науку в бэконовской утопии является молитва, которую произносит мудрец из Соломонова Дома, оказавшийся свидетелем чуда [Бэкон, 1954, с. 14]⁴.

«Если мы встречаем в Писании что-либо, что не поддается нашему исследованию, мы обязаны понять это так, как оно сказано, а не стараться извлечь из этого путем логических операций философскую истину о каких-то непостижимых и не соответствующих правилам естественного знания таинствах. Ибо с таинствами нашей религии дело обстоит так, как с лекарственными пилюлями, которые оказывают свое целебное действие только тогда, когда их проглатывают целиком. Если же их разжевывать, то они, не оказав никакого действия, выбрасываются вон» [Гоббс, 1991, с. 288–289]. Эти знаменитые слова из «Левиафана», несомненно, выражают взгляды Гоббса, сформировавшиеся в общении с Бэконом и в полной мере соответствуют выводам, которые он делает в «Валериусе Терминусе» и в «Новой Атлантиде» [Гоббс, 1990, с. 496–497]. Гоббсовские взгляды на естественную религию и теологию также формируются под влиянием идей Бэкона. В отличие от Гоббса, Бэкон не дает развернутого изложения этих концепций; тем не менее к ним он систематически обращается, причем не только в таких неопубликованных сочинениях, как «Валериус Терминус», но и в трактатах, напечатанных при его жизни, в первую очередь, в «О достоинстве и преумножении наук» [Бэкон, 1971, с. 214]⁵.

Мудрецы языческой эпохи (например, Сократ и Цицерон) не знали истин христианства, однако они были ближе к христианской морали, чем иные представители христианских сект, которые «основывают благочестие на простоте и невежестве (simplicity and ignorance), враждебных познанию и объясняющих все са-

⁴ См. также: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 14. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksoffrancisba15bacoiala/page/100/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022).

⁵ См. также: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksoffrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 211–212

мые обыкновенные события непосредственным вмешательством Бога»⁶. О тех же мракобесах, которые нападают на науку, будто бы развращающую людей, говорит и Гоббс, когда разоблачает «царство тьмы», т. е. «союз обманщиков, которые в целях приобретения власти над людьми в этом мире стремятся темными и ошибочными учениями погасить как естественный свет, так и свет Евангелия и сделать людей неспособными войти в грядущее Царство Божие» [Гоббс, 1991, с. 463].

Охотно цитируя Писание, Бэкон, как и несколько позже Гоббс, развивает сугубо светское, не обусловленное той или иной исторической религией, понимание морали. При этом он сосредоточивает свое внимание на нравственных императивах, которым должен следовать ученый: «даже самая малая часть знания, дарованная человеку Богом, должна использоваться для тех целей, которые Ему угодны, т. е. для поддержки и помощи государству и человеческому обществу (the state and society of man); всякий иной способ применения знаний есть зло и змеиное коварство, и такое знание, содержащее качества змеиного жала и злобы... И поэтому ни удовольствие от удовлетворенной любознательности, ни уверенность в решениях, ни возвышение духа, ни победа проницательности, ни мастерство речи, ни прибыль, ни слава и почет, ни успех в делах не являются подлинными целями познания... все они низки и недостойны. Только восстановление и возобновление владычества и могущества, которое человек имел в своем первоначальном состоянии, является целью познания... Это, проще говоря, есть открытие средств и возможностей для достижения любых целей от обретения бессмертия (если оно возможно) до решения самых низких практических задач механики»⁷. Близость целей Соломонова Дома⁸ к этим тезисам, в общем-то, не нуждается в комментариях.

Несмотря на то что Гоббс и Бэкон придерживаются схожего образа мыслей, их взгляды далеко не идентичны. Гоббс рассматривает природу человека и его нравственность с точки зрения постулатов индивидуализма и эгоизма. Его учитель – с коллективистских и альтруистических позиций. Альтруистические предпосылки бэконовского понимания этики ученого не описываются в «Новой Атлантиде» целенаправленным образом, но присутствуют в тексте имплицитно и могут быть реконструированы из описания обычаев и ритуалов Дома Соломона. Коллективистские ценности, напротив, получают детальное обоснование именно в «Новой Атлантиде», тогда как в более ранних текстах, они, скорее, предполагаются. Выражением бенсалемского коллективизма является подробно описанный рассказчиком «праздник семьи». Коллективистские начала лежат и в основе организации Коллегии шести дней творения. Обязанности членов братства строго разделены, и каждый из них работает по общему плану. Ничего похожего на царящую в европейской науке «демократию», где ученые выбирают предметы исследования по своей прихоти и затем изучают их кто во что горазд⁹, в Бенсалеме нет. Напро-

⁶ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 75

⁷ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 75

⁸ «Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти покуда всё не станет для него возможным» [Бэкон, 1954. С. 33].

⁹ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 46

тив, там найдено то, о чем Бэкон мечтает в «Валериусе Терминусе» – организационные принципы, которые «приведут управление нашим познанием к порядку, который имеется в политике испанского короля в отношении колоний; у него есть особые советы по делам отдельных стран, но есть и общегосударственный совет, который получает сведения от остальных и принимает окончательное решение» [Ibid.; ср.: Бэкон, 1954, с. 41–42]. Единство ордена обусловлено не только соотношениями делового характера, но и наличием общей для научного сообщества системы ценностей; внешнее ее выражение – принятые в братстве коллективные ритуалы [Бэкон, 1954, с. 43–44].

Излагая свои взгляды на мораль ученого, Бэкон развивает традицию христианского гуманизма, представленного во времена, близкие к Бэкону, такими мыслителями, как Эразм Роттердамский, Джон Колет и Томас Мор. Профессия ученого есть служение человечеству, подвиг самоотречения и преодоления суетных амбиций и страстей, так свойственных простому человеку. Бэконовский альтруизм ученого является светской интерпретацией идеалов христианского кенотизма, с позиций которого его предшественники описывают обязанности правителя.

Наука и власть в Бенсалеме

Текст «Новой Атлантиды» не содержит описания бенсалемского политического строя. Это, впрочем, не мешало некоторым авторам делать самые разные предположения относительно его характеристик. Согласно им, на острове существует не то конституционная монархия, в которой король лишен реальной власти [Дмитриев, 2015, с. 27], не то платоновская аристократия в смеси с «английским абсолютизмом» [Субботин, 1974, с. 147], не то власть могущественных технократов из Коллегии шести дней творения [Гайденко, 2013. С. 157]. Все эти удивительные выводы не находят никакого подтверждения в тексте повести. Бэкон на протяжении всей своей творческой биографии придерживался вполне консервативных и традиционных для истеблишмента взглядов (См., напр.: [Bacon, 1765]). Доступные источники не дают решительно никаких указаний на то, что во время работы над «Новой Атлантидой» Бэкон отказался от своих прежних политических убеждений. Конечно, «правление технократов» не обязательно должно было описываться в конституционных категориях. Дом Соломона обладает огромными материальными и еще большими интеллектуальными ресурсами – ему ничто не мешает оказывать на монарха и парламент самое серьезное воздействие, или даже попросту манипулировать ими. Рассуждал ли Бэкон в этом духе? Каким образом он представлял себе отношения правителей и интеллектуалов, науки и политической власти?

В ренессансной литературе эти проблемы, как правило, обсуждались в рамках топосов ученого, наставника правителей, и философа на троне. Идею философа на троне Бэкон оценивает довольно сдержанно [Бэкон, 1971, с. 130–131]¹⁰, а то и скептически: философы слишком часто выдумывают «воображаемые зако-

¹⁰ См. также: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 146–147.

ны для воображаемых государств; и их рассуждения подобны звездам, которые дают мало света из-за того, что находятся слишком высоко»¹¹. К ученым наставникам государей Бэкон относится с большим сочувствием: «...политики любят унижать образованных людей, именуя их педантами, однако история, «наставница истины», неоднократно доказывала, что несовершеннолетние правители, несмотря на свой возраст, далеко превосходят взрослых как раз по той самой причине, на которую особенно нападают политики, а именно потому, что государство в это время управляется воспитателями монарха» [Бэкон, 1971, с. 96]. Во всех этих рассуждениях Бэкон, говоря о пользе наук, имеет в виду риторику, философию, историю. Естественное в качестве части программы воспитания правителя он не упоминает. В свете этого обстоятельства предположение о том, что Дом Соломона в Бенсалеме должен был стать чем-то вроде правительственного совета при монаршей особе, выглядит как не слишком очевидное – гуманитарными дисциплинами в этом братстве никто не занимается.

Технократическая интерпретация «Новой Атлантиды» выглядит неубедительно и в свете бэконовского учения об идолах разума. Некоторые из систематических ошибок, угрожающих достоверности научных выводов, прямо связаны с политическими практиками. Идолы площади порождают ошибки, обусловленные употреблением слов в неверном, приспособленном для простонародья смысле. Ученому предписывается избавляться от них, используя адекватные определения и специальный научный язык. Правитель же, напротив, заинтересован в сохранении такого языка, при помощи которого можно манипулировать подданными. Принятый русский перевод этого не вполне точно передает значение, которое Бэкон вложил в термин «идолы площади»: в оригинале русскому слову «площадь» соответствует латинское *forum*. В «Валериусе Терминусе» связь этого идола с политическими практиками видна еще отчетливее: вместо «площади» там говорится о «дворце» (*palace*). В «Новом Органоне» манипулятивные технологии власти не обсуждаются, зато в «Примере общего трактата о расширении границ державы», вошедшем в «О достоинстве и преумножении наук [Там же, с. 502]»¹² Бэкон прямо говорит о той выгоде, которую правитель может извлечь из традиций, способных побуждать народ к войне, из двусмысленных выражений дипломатии и религиозных доктрин, применяемых для поиска предлогов к войне. Традиции христианского гуманизма предписывают правителю быть образцом нравственности, которому могли бы подражать его подданные. Такой взгляд высказывает и покровительствовавший философу Яков I [James I, 1994]. Бэкон явно снижает планку моральных требований, адресованных монарху. Если ученый призван искоренять ошибки разума во имя любви к человечеству, то политик ставит их себе на службу ради достижения собственных целей.

В неопубликованных сочинениях, материалы которых использовались в работе над проектом Великого восстановления наук и «Новой Атлантидой», Бэкон

¹¹ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 389.

¹² Этот же текст с минимальными отличиями вошел в третье издание «Опытов» (1625) под названием «Об истинном величии королевств и республик».

весьма бескомпромиссно высказывается о противоречиях и даже противостоянии сфер политической практики и научной мысли. «Природа общества и политика государств» (*the nature of society and the policies of state*)¹³ враждебны истине: «нет такого устройства государства или общества, и нет такого разряда или звания людей, которые не были бы до некоторой степени враждебны истинному знанию. Монархии склоняют умы к поиску выгод и удовольствий, республики – к славе и тщеславию. Университеты склоняют умы к софистике и пристрастию, монастыри – к басням и бесполезным тонкостям, вообще учеба – к поиску разнообразия, и даже трудно сказать, что более обессиливает и стесняет знание – сочетание созерцательной и деятельной жизни, или полный переход к созерцанию»¹⁴. В другом месте он высказывается еще категоричнее: «природа общественных обычаев и правительств обыкновенно бывает более или менее враждебна по отношению к этим [научным. – В. М.] новшествам, даже к чисто созерцательным (*contemplative*)»¹⁵.

Эти наблюдения, сделанные Бэконом в 1603 г., не получили развития в произведениях из цикла «Великого восстановления наук». Тем не менее было бы неверно считать, что они были забыты или отвергнуты. Из «Валериуса Терминуса» в «Великое восстановление наук» попали тезисы, тесно связанные с этими наблюдениями. Принципы функционирования наук и государств принципиально различаются: в государствах «есть несколько форм правления – иногда правит один, иногда – немногие, иногда – многие, но в области познания форма правления всегда одна и та же – демократия, т. е. преобладание того, что более согласно с ощущениями и с представлениями людей»¹⁶. Общество не склонно критически оценивать те или иные теории, и без особых размышлений принимает те, которые оказываются более изящными, красноречивыми и т. п. Именно поэтому наиболее ценные идеи таких философов, как Демокрит, оказались забыты, а гораздо менее ценные (зато более красивые), принадлежащие Платону и Аристотелю, получили самое широкое признание. Эта идея, прозвучавшая в «Валериусе Терминусе», затем воспроизводилась в «Великом восстановлении наук»: «В то время как существует много различных родов государственного устройства, у наук есть один-единственный строй, и он всегда был и останется народоправством» [Бэкон, 1971, с. 65]. Политическое начало, проникающее в область научной мысли, приносит ей исключительно вред – этот вывод хорошо стыкуется с наблюдениями Бэкона о природе идолов, однако же в соответствующем разделе «Нового Органона» он отсутствует. Представляется, что такое положение вещей связано со своего рода самоцензурой, предпринятой Бэконом. «Валериус Терминус», в отличие от большинства позднейших сочинений, не был посвящен Якову I; при подготовке «О значении» и всех последующих трактатов, посвященных этому монарху,

¹³ См.: Bacon F. *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 76.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, p. 65

¹⁶ См.: Bacon F. *The Works of Francis Bacon*. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 45.

Бэкон, многоопытный царедворец, разумеется, очистил текст от рассуждений, которые могли быть истолкованы как политически сомнительные.

Это не единственный пример самоцензуры. В трактате «О значении» содержится следующий пассаж: «Что касается правительства, знание о нем является скрытым и секретным в обоих отношениях, в которых вещи бывают тайными: некоторые из них трудны для познания, а о некоторых не подобает говорить... Итак, обращаясь к королю, столь прославленному своей ученостью, и окруженному такими помощниками, я думаю, приличнее будет обойти этот предмет молчанием»¹⁷. Характерно, что и этот вывод о тайной природе политического знания со временем показался Бэкону слишком дерзким. Большая часть «О значении» вошла в трактат «О достоинстве и преумножении наук», а это рассуждение было исключено, или, возможно, сокращено и отредактировано почти до неузнаваемости [Бэкон, 1971, с. 493–494]. Сославшись на «неспособность» писать о политике, он как бы нехотя соглашается высказаться лишь о проблемах войны, «чтобы не оставалось вообще незанятым столь возвышенное место» политической науки» [Там же, с. 494].

При работе над «Новой Атлантидой» причин для подобных самоограничений уже не было: политическая карьера автора завершилась без надежд на возобновление, Яков I скончался в 1625 г., сам Бэкон работал над книгой о вымышленной стране, которую он предназначал лишь для посмертной публикации. Такая ситуация благоприятствовала тому, чтобы решиться на обнародование выводов, которые Бэкон прежде держал при себе. Невозможно сказать, планировал ли Бэкон сделать это; не вызывает сомнений другое: идея правления ученых находится в глубоком противоречии с его концепцией взаимоотношений науки и власти.

Следы этой концепции отчетливо видны и в «Новой Атлантиде». Дом Соломона в изображении Бэкона явно устроен так, чтобы ограничить влияние на него извне тех или иных общественных сил. Собрания ордена проходят за закрытыми дверями. Братство самостоятельно решает, какие из своих открытий оно будет обнародовать, а какие сохранять в тайне от граждан. Примечательно, что некоторые из них могут быть скрыты и от правительства. Встречи между академиками и жителями страны происходят нечасто: из повествования о въезде в город отца Соломонова Дома мы узнаем, что последний визит такого рода происходил двенадцать лет назад. Едва ли возможно управлять гражданами, посещая их раз в десятилетие.

С учетом всего этого политическую систему бэконовской утопии невозможно охарактеризовать как технократическую. В основе взаимоотношений науки и политики, описанных в «Валериусе Терминусе», «О значении», а затем – в «Новой Атлантиде», лежит совершенно иная модель, хорошо знакомая современникам Бэкона. Это модель взаимной автономии светской власти и церкви, которую разрабатывали такие мыслители высокого средневековья и предренессансной эпохи, как Данте, Оккам, Марсилиус Падуанский. В рамках такой модели церковь рассматривается как инстанция, обладающая высшим моральным автори-

¹⁷ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 388–389.

тетом, наставница народов и правителей, но не как центр политической власти. На церковь и ученые монашеские ордена как возможные прообразы бэконовского ученого братства справедливо указывает Д. Л. Сапрыкин [Сапрыкин, 2000]. Непосредственно в творчестве Бэкона нет отчетливых отсылок к деятельности конкретных ученых орденов, тем не менее соответствующие ассоциации не могли не возникать у читателя XVII в. Интересную, но недостаточно обоснованную гипотезу о влиянии на Бэкона И. В. Андреэ, одного из создателей мифа о тайном розенкрейцерском обществе и автора утопии «Христианополис» (1619), высказывал Ф. Э. Хельд.

Непосредственно перед глазами Бэкона в годы его молодости находился и гораздо более очевидный образец научной организации, получавшей от правительственных кругов весьма солидную поддержку и пользовавшейся, в то же время, самой широкой автономией. Такой организацией был круг единомышленников Джона Ди, придворного алхимика, астролога и медика Елизаветы. Эта неформальная академия, расположившаяся в принадлежащем Ди имении Мортлейк, располагала крупнейшей для своего времени библиотекой и лабораторной базой; ее хозяин, занимавшийся не только оккультными знаниями, но и физикой, математикой и геометрией, охотно помогал естествоиспытателям в проведении экспериментов и в работе с научной литературой [French, 1972].

Социальный критицизм Бэкона: знание как предмет коллективной проблемы

Включает ли замысел «Новой Атлантиды» анализ идей социальной справедливости и гармонии? В историографии часто высказывалась точка зрения, согласно которой эти идеалы были чужды Бэкону, занятому апологией нарождающегося капитализма [Ойзерман, 2003, с. 64–65; Мортон, 1970, с. 83–84, Morton, 1952, р. 84–85]; широко распространены и такие трактовки его творчества, которые игнорируют содержащиеся в нем элементы социальной критики, см., напр.: [Paterson, 1973; Olson, 2003].

Действительно, Бэкон, сановник, который на пике своей карьеры жил в обстановке если и не королевской, то княжеской роскоши, точно не был мыслителем, озабоченным положением обездоленного люда. По всей видимости, Бэкон видел в экономическом неравенстве неизбежное зло, последствия которого можно смягчить в ходе длительного морального прогресса, или даже поставить на службу обществу.

Благо, обладание которым заботит Бэкона в наибольшей мере, имеет не экономическую природу, это – власть человека над природой, мощь, приближающаяся к всемогуществу и бессмертию. Знание, дающее власть над природой, он не мыслит как нечто, что может быть присвоено знатным и богатым меньшинством. Ученый, создающий такое знание, работает не ради обогащения, не ради собственных амбиций, и даже не ради увеличения могущества своей страны. Единственная цель, подлинно достойная науки, великое восстановление власти человечества – всего без изъятия – над природой. Хотя «открытие новых работ и направлений деятельности, не известных прежде, есть единственный крите-

рий (оценки знаний. – В. М.), который можно принять»¹⁸, и развитие техники действительно приносит материальную выгоду, получение прибыли целью научно-технического прогресса не является. Подчинение науки этой цели есть «наиболее серьезная из всех ошибок», которая «состоит в отклонении от конечной цели науки. Ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи – чтобы приобрести авторитет, четвертые – чтобы одержать верх в состязании и споре, большинство – ради материальной выгоды и лишь очень немногие – для того, чтобы данный от Бога дар разума направить на пользу человеческому роду» [Бэкон, 1971, С. 121]. Ученого Бэкон противопоставляет тем, «кто любит дела и труды ради приносимой ими выгоды... наемным рабочим, любящим работу ради оплаты» [Там же, с. 97]. В своем анализе науки, пишет Бэкон, «я никоим образом не имею в виду науку прикладную и стремящуюся к непосредственной выгоде. Ведь я прекрасно понимаю, насколько это задерживало бы развитие и прогресс науки и напоминало бы о золотом яблоке, брошенном перед Аталантой: она нагнулась, чтобы поднять его, и это помешало ее бегу» [Там же, с. 122]. Эти слова из трактата «О достоинстве и преумножении наук»¹⁹ не позволяют предполагать, что Бэкон был сторонником подчинения науки отношениям частной собственности.

И производство научного знания, и его использование в рамках этических постулатов Бэкона может происходить только в соответствии с известной максимой, снимающей коллективную проблему: от каждого по способности, каждому по потребности.

К взглядам Бэкона на социальную роль науки как нельзя лучше подходят знаменитые слова Энгельса из «Диалектики природы»: «люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными». В основании научного творчества, согласно Бэкону, лежат ценности коллективизма и альтруизма. Подчинение науки целям власти и обогащения превратит ее из средства, усиливающего могущество людей, в источник смертельной опасности. Такая наука может создавать лишь нечто вроде Минотавра и его Лабиринта, или что-то похуже – яды, взрывчатые вещества и прочие орудия истребления себе подобных [Бэкон, 1972, с. 265–267]. Если в XVII веке это предостережение Бэкона представлялось еще довольно-таки умозрительным прогнозом, то в веке XXI оно превратилось в положение, многократно подкрепленное опытом. Верный слуга английской монархии, Бэкон, тем не менее, не имел иллюзий на ее счет: самая просвещенная королевская власть находится с наукой в тех же противоречиях, что и любое другое правление, научная истина для властей – инструмент, а не ценность. Этические взгляды Бэкона продолжают традицию христианского гуманизма, при этом Бэкон уходит от типичного для этого течения взгляда на государственную власть. Он не рассматривает ее в качестве

¹⁸ См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 62.

¹⁹ Ср.: «Познание ради прибыли, или ремесла, или славы есть не что иное, как золотой шар, который бросили перед Аталантой, чтобы она остановилась и оставила состязание в беге». См.: Bacon F. The Works of Francis Bacon. Boston, Houghton, Mifflin and company, Vol. 6. 1900. URL: <https://archive.org/details/worksfrancisbaco06bacoiala/page/36/mode/2up> (Дата обращения: 25.07.2022). P. 34.

источника и инициатора нравственного прогресса. Этот прогресс он связывает с фигурой ученого, выступающего по отношению к обществу в роли интеллектуального и морального эталона. Утопия Бэкона, как и в целом проект Великого восстановления наук, не только содержит программу развития естественнонаучного знания, но и подразумевает социальную трансформацию, далеко выходящую за пределы технократических представлений.

Список литературы

- Бэкон Ф.** Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1; 1972. Т. 2.
- Бэкон Ф.** Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
- Гоббс Т.** Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1; 1991. Т. 2.
- Гайденок П. П.** «Новая Атлантида» – бэконовский проект академии наук // Культурология. 2013. № 2(65). С. 154–158.
- Дмитриев И. С.** Хромой, обгоняющий бегуна (*Instauratio Magna Scientiarum* Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки) // Социология науки и технологий. 2015. № 4. С. 9–33.
- Мортон А. Л.** От Мэлори до Элиота. М.: Мысль, 1970.
- Ойзерман Т. И.** Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Сапрыкин Д. Л.** «Научный орден» Фрэнсиса Бэкона: зарождение научного общества нового типа // Науковедение. 2000. № 3. С. 194–208.
- Сокулер З. А.** Проблема индукции как проблема религиозного и нравственного возрождения в учении Фр. Бэкона о методе // Вопр. филос. 2022. № 1. С. 89–99.
- Субботин А. Л.** Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974.
- Andreas U. S.** Religion, Wissenschaft und Politik im Protestantischen Idealstaat: Johann Valentin Andreaes «Christianopolis» // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1996. Vol. 48(2). p. 114–137
- Bacon F.** A Preparation for the Union of Laws // The Works of Francis Bacon. L.: A. Millar, 1765. Vol. 2.
- Colclough, D.** Ethics and politics in the New Atlantis. In: Price Bronwen. (ed) Francis Bacon's the New Atlantis New Interdisciplinary Essays. Manchester: Manchester University Press, 2003.
- French P. J.** John Dee. The World Of The Elizabethan Magus. London: Routledge and K. Paul, 1972.
- Held F. E.** Andreae Johann Valentin and. Christianopolis : An Ideal State of the Seventeenth Century. Oxford: Oxford University Press, 1916.
- James I.** A Meditation Upon the 27. 28. 29. Verses of the XXVII Chapter of Saint Matthew. Or a Paterne for a Kings Inauguration: Written by the Kings Majestie. // King James VI and I: Political Writings. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1994. P. 229-249.
- Morton, A. L.** The English Utopia. London: Lawrence & Wishart, 1952.
- Olson P. A.** The Kingdom of Science: Literary Utopianism and British Education 1612-1870. Lincoln, Neb, Chesham: University of Nebraska Press; Combined Academic, 2003.
- Paterson A. M.** Francis Bacon and Socialized Science. Springfield, Ill: Thomas, 1973.

References

- Andreas U. S.** Religion, Wissenschaft und Politik im Protestantischen Idealstaat: Johann Valentin Andreaes «Christianopolis» *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*, 1996, vol. 48(2) p. 114-137
- Bacon F.** A Preparation for the Union of Laws // The Works of Francis Bacon London, A. Millar, vol. 2. 1765.
- Bacon F.** Sochineniya [Essays]. Moscow, Mysl', 1971, vol. 1. 1972, vol. 2. (in Russ.)
- Bacon F.** Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie. [New Atlantis. Essays Moral and Political]. Moscow. Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. (In Russ.)
- Colclough D.** Ethics and politics in the New Atlantis. In: Price Bronwen. (ed) Francis Bacon's the New Atlantis New Interdisciplinary Essays. Manchester: Manchester University Press, 2003.
- Dmitriev I. S.** Hromoj, obgonyayushchij beguna (Instauratio Magna Scientiarum F. Bekona kak proekt sozdaniya effektivnoj institutalizovannoj nauki) [The Cripple Outstripping the Runner (F. Bacon's Instauratio Magna Scientiarum As the Project of Effective Institutionalized Science)]. *Sociologiya nauki i tekhnologij*, 2015 no 4. p. 9-33. (In Russ.)
- French P. J.** John Dee. The World Of The Elizabethan Magus. London: Routledge and K. Paul, 1972.
- Gaydenko P. P.** «Novaya Atlantida» – bekonovskij proekt akademii nauk [“New Atlantis” – baconian project of Academia]. *Kul'turologiya*, 2013 no 2(65). p. 154-158. (In Russ.)
- Held F. E.** Andreae Johann Valentin and. Christianopolis : An Ideal State of the Seventeenth Century. Oxford: Oxford University Press, 1916.
- Hobbes T.** Sochineniya [Essays]. Moscow, Mysl', 1990, vol. 1. (in Russ.)
- Hobbes T.** Sochineniya [Essays]. Moscow, Mysl', 1991, vol. 2. (in Russ.)
- James I.** A Meditation Vpon the 27. 28. 29. Verses of the XXVII Chapter of Saint Matthew. Or a Paterne for a Kings Inavgvration: Written by the Kings Majestie. // King James VI and I: Political Writings. Campridge, UK: Cambridge University Press. 1994. P. 229-249
- Morton A. L.** Ot Mellory do Eliota [From Malory to Elyot]. Moscow, Mysl', 1970. (In Russ)
- Morton A. L.** The English Utopia. London: Lawrence & Wishart, 1952.
- Olson P. A.** The Kingdom of Science: Literary Utopianism and British Education 1612-1870. Lincoln, Neb, Chesham: University of Nebraska Press; Combined Academic, 2003.
- Oyzerman T. I.** Marksizm I utopizm [Marxism and utopianism]. Moscow, Progress-Traditsya, 2003.
- Saprykin D. L.** “Nauchny orden” Frensis Bekona: zarozhdeniye nauchnogo obschestva novogo tipa [F.Bacon's “Scientific Order”: a birth of a new type of scientific society] *Naukovedenie*, 2000. No 3. P. 194-208.
- Paterson A. M.** Francis Bacon and Socialized Science. Springfield, Ill: Thomas, 1973.
- Sokuler Z. A.** Problema indukcii kak problema religioznogo i npravstvennogo vozrozhdeniya v uchenii Fr. Bekona o metode [The Problem of Induction as a

Problem of Religious and Moral Revival in the Teaching of F. Bacon's Method]
Voprosy filosofii, 2022. no. 1. p. 89-99. (In Russ.)

Subbotin A. L. Frensis Bekon. [Francis Bacon] M.: Mysl', 1974. (In Russ.)

Информация об авторе

Василий Васильевич Мархинин,

кандидат философских наук,

доцент кафедры политологии, Сургутский государственный университет

Information about the Author

Markhinin Vasily Vasil'evitch, Candidate of Sciences (Philosophy),

Docent, Department of Politology, Surgut State University

*Статья поступила в редколлегию 17.10.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 16.01.2023*

*The article was submitted 17.10.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-105-126

Чего нет в известной статье Эдмунда Гетье*

Никита Владимирович Головко

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Цель работы – реконструировать «внутреннее» содержание аргумента Э. Гетье как скептического аргумента против знания с точки зрения ответа на вопрос: «почему он мог бы быть прав, когда говорит то, что он говорит». Наша исходная гипотеза заключается в том, что Э. Гетье ничего не говорит про «случайность того, что в кармане у Смита 10 монет», но он употребляет слова «логическое следование» и «дедукция», которая обосновывает «истинность заключения» и на основании которой он приписывает Смит «знание». Статья выходит в определенное время, Э. Гетье использует риторику необходимых и достаточных условий, в отношении обоснования специально приводится аналог принципа замыкания, примера именно два, – все это подталкивает к предположению, что «обоснование» у Э. Гетье, в том виде как он говорит о нем в постановочной части статьи, – это логическое отношение между суждениями, которые связаны между собой отношением логического следствия и соответствующим же образом закреплены в системе убеждений субъекта. Большая часть доказательных рассуждений на второй и третьей страницах – это иллюстрация того, почему подобная «логическая интерпретация» обоснования не работает. Вопреки большинству популярных точек зрения, Э. Гетье удалось показать лишь то, что выполнение формальных отношений между убеждениями не позволяет схватить «знание» в том виде, в каком он его определяет. В частности, такое прочтение дает возможность блокировать различные попытки предложить «четвертое условие». Оно должно отвечать поставленной задаче, – вернуть уверенность в том, что выполнение именно формальных отношений между убеждениями может схватить «знание». Однако в рамках парадигмы лингвистического поворота, в которой работает Э. Гетье, это невозможно, так как в ней, в общем случае, просто отсутствуют адекватные средства обсуждения содержательности вывода. В этом смысле «знание» по определению является нечетким понятием, которое возвращает нас к «классическим представлениям», в рамках которых убедительность аргумента предполагает не только правильность, но и достоверность, релевантность и полезность.

Ключевые слова

знание, обоснование, эпистемология, проблема Гетье, формализация, релевантность, логическое следование, скептический аргумент

* Статья написана по материалам лекции «Проблема Гетье» авторского курса «Теория знания», читаемого студентам направления «Философия» в Новосибирском государственном университете.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головко Н. В. Чего нет в известной статье Эдмунда Геттье // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 105–126. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-105-126

What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The paper aims to unfold the «internal» content of Gettier’s argument as a skeptical argument against knowledge in terms of answering the question: «why he could be right when he says what he says». Our initial hypothesis is that E. Gettier does not say anything about the «accidentality of the fact that Smith has 10 coins in his pocket», but he uses the words «entailment» and «deduction», which substantiates the «truth of the conclusion», and on the basis of which he attributes «knowledge» to Smith. The article comes out at a certain time, E. Gettier uses the rhetoric of necessary and sufficient conditions, with regard to justification an analogue of the closure principle is given, there are exactly two examples – all this lead to the assumption that E. Gettier’s «justification» in the form he speaks about it in the staging part of the article – is a logical relationship between beliefs that are interconnected by the relationship of entailment and are fixed in the same way in the person’s belief system. Much of the evidence on pages two and three is an illustration of why this «logical interpretation» of reasoning doesn’t work. Contrary to most popular points of view, E. Gettier managed to show only that the implementation of formal relations between beliefs does not allow one to get to «knowledge» in the form in which he defines it. In particular, such a reading makes it possible to block various attempts to propose a «fourth condition». It must meet the task set – to restore confidence that the fulfillment of the formal relations between beliefs can help to get to «knowledge». However, within the framework of the linguistic turn paradigm, in which E. Gettier works, this is impossible, because in general, it simply lacks adequate means of discussing the persuasiveness of the inference. In this sense, «knowledge» is, by definition, a fuzzy concept that brings us back to «classical notions» in which the persuasiveness of an argument implies not only validity, but also soundness, relevance, and usefulness.

Keywords

knowledge, justification, epistemology, Gettier problem, formalization, relevance, entailment, skeptical argument

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Golovko N. V. What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 105–126. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-105-126

«Читайте то, что написано»
Китайская мудрость

Сложно критиковать концепции, которые уже обрели популярность и уже продемонстрировали свою успешность. При этом в истории философии можно найти примеры, когда по сути ложная посылка приводит к возникновению оригинального проекта. Очевидный пример здесь – теоретико-модельный аргумент и связанная с ним программа «внутреннего реализма» Х. Патнэма, которая, как показал Т. Бэйс [2001], в математической части аргументации попросту содержит ошибку¹. Интересной философскую проблему делает «попадание в фокус внимания интеллектуальных центров, узлов интеллектуальных сетей», а не ошибка в основаниях. Нет смысла спорить, была бы метафизика И. Канта другой, если бы он имел представление о неевклидовом характере геометрии и неархимедовом характере арифметики, для нас гораздо важнее, скажем, то, какую роль сыграли кантовский конструктивизм и представления об априорных формах чувственности в дальнейшем развитии философии. Неизменно то, что мы (возможно, напрасно) вправе предполагать, что автор независимо от того, насколько популярной со временем станет его точка зрения, обладает четким пониманием содержания оснований своей концепции, понимает их определенным образом, именно так, а не иначе. И это при том, что, стремясь достичь «более высокого уровня абстракции и рефлексии», никто не мешает заимствовать результаты из одной области исследований и переносить их в другую, что значительно осложняет экспликацию оснований «авторского ответа на вполне определенный, но далеко не всегда явно выраженный, вопрос». Д. Деннет разрабатывает концепцию реальных паттернов как онтологию интенциональных состояний сознания, но это не мешает Д. Россу представить концепцию Д. Деннета как фундаментальную концепцию существования, пригодную, в частности, для решения проблемы научного реализма (см.: [Ladyman et al., 2007]). Важно то, что при этом не очень правильно полагать, что Д. Росс говорит «о том же, о чем и Д. Деннет», поскольку он использует концепцию Д. Деннета вместе со своими собственными дополнительными соображениями (с частью из которых сам Д. Деннет, возможно, никогда бы не согласился), интерпретируя рассуждения Д. Деннета в той области, в которой это интересно Д. Россу. В противном случае мы могли бы сказать, например, что все соответствующие проблемы концепции Д. Росса автоматически являются проблемами концепции Д. Деннета. В общем случае любой разговор о том, кто

¹ Дьявол, естественно, в деталях. Как подчеркивает П. Бенацераф: «Любая философская интерпретация математического результата всегда содержит две части: сам по себе математический результат и выжимка философского “сока”. Важны обе части, но качество аргументации будет существенным образом зависеть от качества того, что можно считать независимым аргументом в пользу последней» [Benacerraf, 1998, p. 35]. В целом вся ситуация с Х. Патнэмом и Т. Бэйсом отлично описана В. В. Целищевым в его «Философии математики» [2002]. Т. Бэйс показывает, что теорема, которую доказывает Х. Патнэм в «Моделях и реальности» (Теорема 1) содержит ошибку. Однако, как отмечает В. В. Целищев: «Обобщение “сколемизма” в стиле Патнэма стало возможным благодаря общему фону в аналитической философии языка, заключающемуся в критике традиционного понятия значения» [Целищев, 2002, с. 167]. Общее направление трансформации проблемного поля в тот период приводит к тому, что «программа Патнэма» была хорошо воспринята сообществом и успешно развивалась.

и что конкретно говорил – это предмет внимательного анализа (с поиском заимствований, восстановлением логики авторской интерпретации принимаемых парадигм и т. д.) оснований соответствующей концепции. В этом смысле классическая (теперь уже, так как к 2023 году сменится, условно, уже второе поколение вовлекаемых в обсуждение философов) работа Эдмунда Гетье [1963] более чем достойна пристального внимания².

² Мы сознательно выбираем переводить фамилию автора как «Гетье» по ряду причин. Прекрасно понимая, что тем самым мы, не желая этого, примем участие в традиционной для отечественного философского сообщества специальной олимпиаде о том, «как правильно говорить». На наш взгляд, исключительно исходя из собственного опыта, ни один американец (он родился в Балтиморе и большую часть академической карьеры провел в Амхерсте), которые, как известно, говорят так, «как будто у них рот набит картофельным пюре», никогда не произнесет «Gettier» как «Геттиер», именно с акцентом на последней «р». И нет, возможно, это не тот случай, когда на этом же основании нам всем следует отказаться от «Поппер» и «Фейерабенд» и говорить исключительно «Паппз» и «Фазабент», как обычно и произносятся эти фамилии, например, в Вене. Желющие могут найти на просторах сети, например, учебник Питера Роача «Фонетика и фонология английского языка» кембриджского университета, где подчеркивается, что «в артикуляции *r* важно то, что кончик языка приближается к альвеолярной области примерно так, как это было бы для *t* или *d*, но никогда фактически не вступает в контакт с любой частью неба. И это сильно отличается от *g*-звуков многих других языков, где происходит контакт языка с небом» (см. параграф «Согласный *r*»). Что, конечно же, не отменяет локальных акцентов и различных сочетаний звуков, но дает четкое представление о том, что английский «*r*» это никогда не русский «р». Скорее всего, апелляция к «Геттиер» имеет в качестве основания старую (но не бесполезную, имеющую под собой хорошие, сильные основания) советскую традицию транскрибирования слов, в которой редуцированного «р» не предусмотрено. От противопоставления «как пишется» и «как слышится» не скрыться, но если (согласно новейшим тенденциям) мы должны произносить «Геттиер» с ударением на первый слог, и если отличие английского «г» и русского «р» значимо, то в том, чтобы опустить редуцированное «р» на конце слова, проблем нет.

Конечно, у нас еще есть перевод Льва Ламберова, который, по его собственным словам, «выполнен с любезного разрешения автора» [Гетье, 2007], но тут, по-видимому, мы сталкиваемся с конспирологической версией происходящего, когда употребление слов и терминология существенным образом зависят от того, с какой стороны от Уральских гор вы находитесь и с кем себя отождествляете. И естественно, уже в качестве шутки, здесь нельзя не вспомнить великий спор о переводе «*proposition*» (В. А. Суровцев из Томска, Е. Е. Ледников из Москвы, но это совпадение) и прекрасный комментарий М. В. Лебедева (из Москвы, но защищался в Томске) по поводу «традиционного» перевода «*belief*», после которого «Нельсон Гудмен зазвучал как Владимир Соловьев» (см. журнал «Логос» № 2 за 2005 год). Хотя, конечно, нельзя отрицать того, что в том, чтобы переводить «Gettier» как «Геттиер», «*beliefs*» как «веры», «*foundationalism*» (перцептуальный, эпистемический) как «фундаментализм», а «*reasons*» как «резоны», есть свое очарование. XXI век на дворе, мы никого не осуждаем. Однако, на наш взгляд, использование «вер» или «мнений» вместо «убеждений» просто не учитывает богатство контекстов употребления «*belief*» именно в профессиональной литературе. Коннотации важны (тут можно вспомнить про то, что «гренка не может того, что может крутон»). Р. Чизолм не разбивает все множество «мнений» субъекта на непересекающиеся множества – эпистемические классы по степени обоснованности. Лоис Лэйн, думая о Супермене, не обладает «мнением», а обладает «убеждением» со вполне определенным эпистемическим статусом. Выражение «я составил мнение» означает, что вы зафиксировали определенный эпистемический статус убеждения. То же самое касается дискуссий, например, о нормативном характере обоснования (придании эпистемических статусов) «мнений», или о структуре системы «мнений» субъекта. Выражение «знание – это одна из многих эпистемических характеристик мнения/веры», звучит странно. Точно так же мы можем отметить (исключительно в контексте эпистемологического дискурса), что тот, кто перевел «*On Certainty*» как «О достоверности» либо вообще не имел понятия, либо по каким-то причинам не принимал во внимание то, как «*certainty*» употребляется в эпистемологии. Это «несомненность», так как «достоверность» – это что-то, что есть следствие соотносительности с реальным, а «*certainty*» – это про максимальное состояние, невозможность ничего больше добавить в плане эпистемического статуса. Мы не уверены в том, что употребление слова «мнение» в русском языке всегда имеет ту же нейтральную окраску, что и употребление слова

Мы исходим из того, что даже по прошествии шести десятков лет после публикации никогда не поздно разобрать статью Э. Гетье в непредвзятой антиквоведческой (classics) манере. У нас давно сложилось впечатление, что большинство авторов, интерпретирующих Э. Гетье направо и налево, либо не читали работу вообще, либо совсем не позаботились о том, чтобы провести границу между тем, о чем, собственно, говорит сам Э. Гетье и что потенциально (как и в любой фундаментально значимой работе) может в ней содержаться, в том случае если мы сами позволим себе достаточно вольно трактовать ее содержание³. Например, как утверждает Линда Загзебски: «Проблемы Гетье возникают в теории знания, когда обоснованное истинное убеждение оказывается истинным лишь случайно» [Zagzebski, 1994, p. 65]. Это утверждение ложно. В оригинальной статье Э. Гетье буквально ничего не говорится о «случайности» того, что «обоснованное истинное убеждение является истинным». Конечно, можно заподозрить то, что приведенное утверждение попросту неполно и что тут говорится о «проблемах» и об «истинности обоснованного истинного убеждения», и что, возможно, автор читала оригинальную статью и, говоря про «проблемы», имеет в виду три различные интерпретации определения знания, которые приводит Э. Гетье, и что, говоря здесь об «истинности», на самом деле имеет в виду истинность чего-то, о чем

«убеждение». А «нейтральность» важна, так как у «belief» может быть много эпистемических статусов. Может ли «мнение» быть «certain» (один из статусов в теории Р. Чизолма), а «evident» (это тоже статус, и ниже, чем «certain»)? В данном случае, говоря «убеждение», мы сохраняем возможность более строго передать то, что мы хотим сказать.

³ Среди последних работ, опубликованных нашими новосибирскими коллегами, и которые определенно вызывают интерес, можно отметить статьи А. А. Шевченко [Vervoort, Shevchenko, 2022] и П. А. Бутакова [2018]. И здесь, конечно, учитывая размах сопутствующих дискуссий, нельзя не принять во внимание точку зрения, которую озвучивает Александр Анатольевич Шевченко (личная переписка; мы благодарны за проявленное внимание и высказанные замечания): «делать акцент на ложности прочтения или ошибочности, с чьей-то точки зрения, популярной интерпретации – это не очень интересно и не очень важно. Непродуктивно говорить, что люди или вообще статью не читали, или ничего в ней не поняли. Такое постоянно случается, со всеми классиками. Какая-то интерпретация вдруг неожиданно “выстреливает”, и часто вовсе не та, которую имел в виду автор. Какая разница – писал сам автор о случайности истины или нет. Но именно такая возможная интерпретация многим показалась самым интересным следствием, что и породило целую традицию “борьбы с удачей”, как с эпистемической, так и с моральной. Можно быть занудой и описывать проблему в терминах “релевантности” данных или говорить, что отсутствуют “достаточные условия”, и что именно в этом проблема. Это будет правильно и скучно. Самое же интересное в примерах геттиеровского типа – это именно то, что пропозиция оказывается истинной случайно. Это выглядит как скандал, с этим хочется что-то делать. И тут разговор уже не про ИТВ и не про знание, а об одном конкретном следствии из примеров Геттиера. Как, черт возьми, истина может быть делом случая? И конечно, называть это “проблемой Геттиера” скорее всего некорректно. Его статью используют или как стимул, или как иллюстрацию». Мы согласны с тем, что реконструкция оснований позиции Э. Гетье, условно, в стиле «classics» – это, возможно, вещь в себе. В том числе потому, что мы сами предлагаем еще одну интерпретацию того, чего «на самом деле в статье нет» или же что «именно в статье есть». Однако мотивация может быть той же самой: «привнесение разумной структуры в то, что кажется непопаятым, в надежде, что недостатки послужат материалом для их преодоления в будущем». Наверняка есть те, кто согласится с тем, что происходящее вокруг Э. Гетье это пример классического «чем хуже логика, тем интереснее следствия». Но почему? В любом случае попытка реконструировать «внутреннюю структуру» рассуждений Э. Гетье должна как минимум ответить на вопросы: почему приводится именно такая постановка проблемы, причем тут принцип замыкания, почему примера два, что в этом смысле показывают примеры? И сделать это нужно достаточно непротиворечиво на едином концептуальном основании.

и говорит Э. Гетье. Но уже следующее предложение либо разрушит эту «доброжелательную» трактовку, либо убедит нас в том, что мы точно имеем дело не с тем, о чем, собственно, говорит Э. Гетье: «Поскольку не исключено, что в подобных случаях убеждение вполне могло бы быть ложным, то, как правило, делается вывод, что они не являются примерами знания» [Там же]. Никто не спорит с тем, что если в двух доказательных примерах, которые приводит Э. Гетье, соответствующие убеждения ложны, то эти примеры «не описывают примеры знания». Проблема, которой озбочен Э. Гетье, заключается не в том, что могут быть ситуации, в которых определенные убеждения, которые, мы думаем, являются истинными, на самом деле истинными не являются. Это очевидно каждому, и подобные ситуации гарантированно неоднократно подвергалась анализу в рамках различных философских систем на протяжении всей истории философии. Фундаментальность работы Э. Гетье заключается в демонстрации несоответствия между логикой и эпистемологией. Средствами логического анализа соотношения убеждений нельзя схватить то, что даже не традиционно, а именно в определенной парадигме, понимается под знанием. Вопреки большинству популярных точек зрения, Э. Гетье удалось показать лишь то, что выполнение формальных отношений между убеждениями не позволяет схватить «знание» в том виде, в каком он его определяет.

Ниже мы отдельно остановимся на том, что рассуждения об истинности и ложности убеждений «Смит получит работу» или «Браун в Барселоне» вторичны по отношению к тому, что действительно хочет сказать Э. Гетье. Тот факт, что статья выходит в 1963 году в журнале «Анализ» (да еще и в том же номере, где выходят статьи П. Ачинстейна «Логический круг и индукция» и Э. Бета «Замечание по поводу терминологии в естественной дедукции») также должен насторожить, – в ней нет ничего про «случайность», «удачу», «контекст» или «вероятность», не говоря уже о том, что в ней, например, нет ничего, что позволило бы достаточно обоснованно утверждать, что «статья Геттиера опровергает традиционную концепцию знания Платона». Все это появляется потом. Можно ли интерпретировать то, о чем пишет Э. Гетье в своей работе в рамках различных популярных в настоящее время направлений эпистемологии, таких как контекстуализм, релятивизм, перспективизм, релейбелизм и многие другие? Конечно, да. Являются ли такие интерпретации того, о чем пишет Э. Гетье, плодотворными для развития философии? Несомненно. Но говорить, что «наша интерпретация проблемы Геттиера указывает на одну из форм эпистемического релятивизма», не отделяя авторскую точку зрения и имея в виду именно то, что релятивизм является следствием того, что, собственно, написано в статье Э. Гетье, нельзя. Чтобы показать это, мы сначала заострим внимание на постановке «проблемы Гетье», приведем ее оригинальную формулировку, затем обратимся к основным проектам и категориям, в рамках которых Э. Гетье строит свою аргументацию, и в заключение предложим авторскую интерпретацию внутреннего содержания «аргумента Гетье» как скептического аргумента. На наш взгляд, основную путаницу в рассуждениях Э. Гетье вносит некритически принимаемое им представление о возможности формализации естественного языка с сохранением требования истинностно-функциональности для связок. В этом смысле Э. Гетье можно упрекнуть в непоследовательности, так как в примерах, которые он приводит, Смит не знает никогда.

Проблема Геттэ

В чем, собственно, состоит проблема, которую решает Э. Геттэ, в том виде, как она приводится в оригинальной статье? Проблема состоит в следующем (курсив оригинала):

Приведенные выше условия не являются *достаточными* условиями истинности пропозиции что S знает, что P [Gettier, 1963, p. 121].

Точная формулировка проблемы в том виде, в каком ее приводит сам Э. Геттэ, заключается в том, что *определенные условия не являются достаточными условиями истинности соответствующей пропозиции*. Именно об этом, в частности, говорит самое первое предложение: «Последнее время предпринимались различные попытки сформулировать необходимые и достаточные условия того, что кто-то знает данную (given) пропозицию» [Там же]⁴. Хорошо. А что с «необходимыми условиями», почему о них так никто и не вспомнил? Означает ли подобная постановка задачи, что в некоторой идеальной перспективе у нас выполняется отношение эквивалентности между, условно (из соотношения удобства мы меняем местами правую и левую части определений знания, которые приводятся на первой странице статьи Э. Геттэ), левой частью, куда входят три условия знания, и правой частью – где находится истинная пропозиция что S знает, что P? Эти вопросы способны поставить в тупик студента на экзамене, но только потому, что студент не всегда ассоциирует поиск необходимых и достаточных условий истинности в статьях большинства философов, публикующихся в соответствующих журналах в соответствующий период времени, с лингвистическим поворотом и характерными для него постановками. Да, у нас есть все основания предполагать, что скорее всего Э. Геттэ работает в известной винрарной парадигме, основное содержание которой сейчас можно восстановить, например, по книге М. Даммитта «Логические основания метафизики» [1991]. И если бы Э. Геттэ на са-

⁴ Интересный момент заключается в том, что в переводе А. Ф. Грязнова этот момент не отмечен (см.: [Геттиер, 1998]). Пропал очень важный, на наш взгляд, курсив второго упоминания достаточных условий (предпоследний абзац на первой странице), который присутствует в оригинальном тексте. И да, третье упоминание (самый последний абзац статьи) курсив содержит, но можно ли быть уверенным в том, что мы схватим суть «проблемы Геттэ», особенно после того, как до этого дважды курсивом подчеркивается, что «Смит *не знает*»? В переводе Л. Д. Ламберова оба курсива упоминания достаточных условий присутствуют. Мы знаем, что перевод профессионального текста – это непростая задача, и всегда найдутся те, кто скажет, что ваш перевод «не самого лучшего качества». И здесь мы, конечно, не хотим бросать тень на работу А. Ф. Грязнова. Но факт остается фактом: третье упоминание достаточных условий (как и первое) говорит о достаточных условиях того, что «кто-то знает данную пропозицию», и на самом деле нужно еще соотнести это «знает» с «истинностью пропозиции что S знает, что P», – о чем и говорится при втором упоминании достаточных условий. Этот момент может быть упущен при прочтении. Более того, если обратиться к открытым англоязычным источникам в сети, то самый очевидный источник, ссылка на который есть в соответствующей статье «Википедии» (см.: Проблема_Геттиера (ред. 26 декабря 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Проблема_Геттиера, дата обращения: 01.02.2023), – это пропущенный через программу FineReader (или аналогичную) скан оригинальной статьи, который лежит на сайте Брандэна Фителсона (www.fitelson.org), в котором все курсивы опущены. Это, конечно, еще одна конспирологическая версия происходящего, но понимает ли читатель после прочтения статьи, что речь идет не просто о «достаточных условиях знания», а именно о «достаточных условиях истинности пропозиции»?

мом деле хотел бы подчеркнуть в предварительной, постановочной части статьи что-то, что связано со «случайностью» или «удачей» знания, то он, несомненно, отметил бы это. Но почему-то он этого не сделал⁵. Что мы знаем о традиционных для третьей четверти прошлого века представлениях о предмете эпистемологии, а также о необходимых и достаточных условиях истинности пропозиции?

Пропозиции и обоснование

С точки зрения эпистемологии мы говорим только о пропозициональном знании. Выражения «я знаю, как попасть в Москву» и «на вашем месте я бы давно бежал за водкой» не являются предметами анализа. Нас интересует пропозициональное значение слова «знать» – в смысле «знать что», а не в смысле «знать как» или «быть знакомым». Именно в смысле, который передает повествовательное предложение, фиксирующее «фактическое знание о том-то и том-то», что в английском языке передается с помощью простого придаточного предложения (*that*-clause). И конечно, в данном случае хотелось бы избежать перегруженности рассуждений о пропозициях различными онтологическими предпосылками, которые могут быть у говорящего, так как в самой статье Э. Гетье нет ничего по этому поводу. Исходя из самых общих соображений, мы можем предположить, что пропозиция – это содержание / значение убеждения, в том смысле, что она может быть одной и той же для совершенно разных людей, которые могут по совершенно разным причинам, на разных языках и в разных терминах думать и утверждать одно и то же; и она может быть истинной или ложной, что, соб-

⁵ Другой известный пример вчитывания в текст статьи Э. Гетье того, чего там нет или о чем он не говорит напрямую, – это упоминание о том, что «Платон полагал, что знание это обоснованное истинное убеждение». Отметим, что в тексте статьи замечание, из которого можно сделать такой вывод, приводится в сноске (*sic!*), и заложенная в нем мысль формулируется с использованием глаголов *seems to* и *perhaps*. Что очевидно указывает на неуверенность, неоднозначность и некатегоричность высказываемого, о чем скорее всего Э. Гетье, как автор статьи, конечно же, был осведомлен. Также сложно предположить, что этого не заметил рецензент, равно как и постановку задачи в терминах необходимых и достаточных условий истинности пропозиции. О чем, в частности, может свидетельствовать комментарий М. Кларка [1963], опубликованный в том же журнале в декабре того же года (мы благодарны Алексею Михайловичу Кардашу за подсказку): «Примеры Гетье сильнее, чем требуется для того, чтобы показать то, что он хочет. Основания не обязательно должны быть связаны с заключениями отношением логического следования (*entail*) для того, чтобы считаться хорошими основаниями» [Clarke, 1963, p. 46]. Очевидно, вдумчивое прочтение статьи М. Кларка способно ответить на большую часть вопросов относительно постановки оригинальной «проблемы Гетье». И неудивительно, что тут нет ничего про «удачу». Однако вместо этого люди, не читавшие оригинальную работу Э. Гетье, будут рассказывать о том, что «многие эпистемологи согласны, что логическая структура примеров не так важна, как стоящий за ними тезис. Геттиер показал, что возможны сценарии, при которых знание зависит от случайности или удачи». Это не так. Между тем, что написано в оригинальной статье, и утверждении: «Проблема Геттиера акцентирует внимание на важной характеристике знания – оно не должно быть случайным» пропал, аналогичная отмеченной выше в примере П. Бенаццера разница между математическим результатом и его философской интерпретацией. И точно также, как в книге В. В. Целищева, здесь можно вспомнить отрывок из рецензии С. Блэкберна на книгу У. Эко «Кант и утконос» о несчастной «теореме Геделя», попавшей к интеллектуалам. Правда, естественно, в том, что и мотивация и логика аргументации в том, что интерпретируется, и в самой предлагаемой интерпретации могут быть разными. И авторы, внимательные к деталям, конечно же, это отметят и не будут говорить, что «сейчас так принято». В этом смысле предмет нашего исследования – оригинальная «проблема Гетье», его скептический аргумент и причины, по которым он не работает.

ственно, и отличает пропозицию от убеждения⁶. Именно способность быть истинной или ложной и делает пропозицию, которую мы сопоставляем простому придаточному предложению, предметом знания. В этом смысле проблема, о которой говорит Э. Гетье, заключается в том, что известные три условия должны быть необходимыми и достаточными условиями истинности соответствующей пропозиции, но они почему-то таковыми не являются.

Не менее важный момент связан с пониманием обоснования. В общем случае обоснование – это то, что позволяет нам закрепить за убеждением определенный эпистемический статус. В этом смысле, например, «знание» является одним из возможных эпистемических статусов. Сложно однозначно сказать, опираясь на текст статьи, принимает ли Э. Гетье эвиденциализм, но определенные посылки к этому есть. В доказательной части статьи он использует слово «данные» (evidence) для того, чтобы показать степень доверия к убеждению. Более того, уже скоро, в 1966 году, выйдет «Теория знания» Р. Чизолма [1989], которая фактически закрепит за эвиденциализмом парадигмальный статус. Приписывание эпистемических статусов в эвиденциализме является следствием «сравнения» анализируемого убеждения и «данных», которые сами по себе также являются убеждениями, т.е. пропозициями. В качестве иллюстрации того, как происходит это «сравнение», можно привести в пример представление об «опровергающих данных»: «*d* опровергает (defeats) *e* как данное в пользу *p*, если и только если *e* это данное в пользу *p*, и конъюнкция (*d + e*) не является данным в пользу *p*» [Steup, 1996, p. 13]. Не вдаваясь в детали представления об «опровергающих данных» и их типологию (противоречащие/ослабляющие, эвиденциальное/фактуальное опровержение обоснования и т. д.) и рассуждая по сути о любых типах данных в рамках эвиденциализма, мы можем сказать, что с точки зрения данных весь разговор об обосновании в эвиденциализме – это разговор о конъюнкциях и дизъюнкциях соответствующих убеждений. И если предположить, что Э. Гетье выбирает эвиденциализм, то для того чтобы рассмотреть весь условный «контекст обоснования» с точки зрения данных, и более того, показать, что обоснование где-то не работает или работает неправильно, он и должен рассмотреть примеры с конъюнкцией и дизъюнкцией данных. Этого достаточно. Тот факт, что Э. Гетье приводит только два подтверждающих примера, иллюстрирующих то, как работают связки «и» и «или», не является случайным.

Концептуальный анализ и принцип замыкания

С нашей точки зрения, все, что касается постановки задачи и аргументации в обсуждаемой статье Э. Гетье, должно подчиняться логике парадигмы лингвистического поворота. Говоря о необходимых и достаточных условиях истинности

⁶ Например, мы могли бы здесь отметить, что пропозиция, в отличие от убеждения, выраженного в обыденном языке, – это абстрактный объект, выраженный в мета-языке, но это почти наверняка повлечет вопросы о существовании абстрактных объектов, их содержании, условиях идентичности, отношениях с субъектом, природе мета-языка и т. д. Для тех, кто настроен более решительно, например, можно вспомнить определение, которое приводит М. Сэйнсбери: «Это то, что выражается (expressed) в заданном контексте посредством осмысленного утвердительного (declarative) предложения изъявительного наклонения (indicative)» [Sainsbury, 2001, p. 33].

пропозиции, скорее всего речь идет о стандартном представлении об индивидуации концептов. Электрон является электроном, потому что удовлетворяет определенным «условиям идентичности» (identity conditions), которые и дают возможность определить то, что перед нами электрон. Такими условиями для объектов условной лингвистической реальности являются условия истинности, которые могут выражаться в терминах необходимых и достаточных условий того объекта, который претендует на то, чтобы быть одним из «проявлений» (exemplification) данного концепта. Примечательно то, что в парадигме лингвистического поворота сама задача схватить определение концепта в терминах логически необходимых и достаточных условий может быть решена не всегда (см., например: [Sainsbury, 2001]). И теперь предположим, что Э. Гетье сомневается в том, что подобная задача может быть решена для пропозиции что S знает, что P. На наш взгляд, именно это он и пытается показать, – что понятие «знание» нельзя схватить в терминах логически необходимых и достаточных условий. При этом лучшей иллюстрацией того, почему Э. Гетье говорит именно о логически необходимых и достаточных условиях, является последний абзац первой страницы.

Зачем в последнем абзаце на первой странице Э. Гетье приводит каноническую формулировку «принципа замыкания» (closure) для обоснования? Он специально заостряет на этом внимание: «Я начну с того, что отмечу два момента» [Gettier, 1963, p. 121]⁷. Какую роль тут играет апелляция к «принципу замыкания»? В логической теории концептуального анализа единственным легитимным отношением между концептами является логическое следование (entailment). Характеристики, которыми обладает концепт, являются следствием того, что данный концепт связан с другими концептами отношением логического следования, – так определяется его идентичность. И когда мы говорим, что у концепта должно быть определение, мы заранее предполагаем, что оно будет иметь форму логической эквивалентности. Это важно. Почему Э. Гетье ничего не говорит про «необходимые условия знания»? Потому что из истинности пропозиции что S знает, что P следует что S знает, что P. Это логика. Демонстрация того, что логическое следование «вправо» (три условия знания не являются достаточными условиями истинности пропозиции что S знает, что P) не работает, будет опираться, по версии Э. Гетье, на еще одно каноническое допущение, – что мы можем разделить «знание» и «обоснование» и при этом будем считать «обоснование» *необходимым* условием «знания». Так фиксируется связь «знания» и «данных». В каком смысле тут понимается «необходимость»? Естественно, в смысле логической необходимости – в этом суть первого замечания. Второе замечание касается исключительно «контекста обоснования». Закрепив связь «знания» и «обоснования», Э. Гетье переходит от обсуждения «знания» (от обсуждения условий истинности пропозиции что S знает, что P) к обсуждению «обоснования» (к тому, как работает третье условие).

⁷ В литературе можно встретить замечание (см., например: [Dancy, Sosa, Steup, 2010]), что именно этот момент – апелляция к принципу замыкания (наравне с допущением, что знание это обоснованное истинное убеждение), является одним из наиболее фундаментальных и определяющих значимость работы Э. Гетье. Хорошо известна дискуссия, в которой, например, Р. Нозик и Ф. Дрестке, с одной стороны, показывают, что принцип замыкания ложен, а К. Райт и П. Клейн, с другой, – предполагают его обоснование. Здесь Э. Гетье снова выступает как провокатор, фактически просто принимая этот принцип как должное. Но интерпретация этого принципа у Э. Гетье исключительно «логическая».

Он подчеркивает, что не только «Q следует (entail) из P», но и то, что «S выводит (deduces) Q и принимает (accepts) Q как результат этого вывода (deduction)». Конечно, мы можем предположить, что *deduction* здесь – это не логическая дедукция. И да, в общем случае ничто не мешает рассматривать дедукцию, например, в рамках релейбелизма, – именно как вывод, достоверность которого определяется по способности приводить к истинным убеждениям. Возможно, Э. Геттэ просто использует *deduction* и *entailment* как фигуры речи, точно так же, например, как и Шерлок Холмс. Но в этом есть серьезные сомнения. Статья выходит в определенное время, Э. Геттэ использует риторику необходимых и достаточных условий, в отношении обоснования специально приводится аналог принципа замыкания, примера именно два. Это косвенные улики, но в совокупности они могут что-то значить. «Обоснование» у Э. Геттэ, в том виде как он говорит о нем в постановочной части статьи, – это логическое отношение между суждениями, которые связаны между собой отношением логического следствия и соответствующим же образом закреплены в системе убеждений субъекта. Большая часть доказательных рассуждений на второй и третьей страницах – это иллюстрация того, почему подобная «логическая интерпретация» обоснования не работает.

Все два примера

Почему примера два? Почему двух примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать то, что Э. Геттэ хочет показать? Внимательный читатель наверняка уже догадался, что в рамках проблемы, которую решает Э. Геттэ, это примеры не про случайность того, «кто получит работу» или «в каком городе сейчас Браун». Это примеры про то, как в данном случае работают конъюнкция и дизъюнкция. Какую роль тут играют «Джонс», «Смит» и «Барселона»? Исключительно роль «наполнения» соответствующих сугубо логических рассуждений. Истинность и ложность посылок и заключения – это часть механизма, который нам нужен, чтобы проверить правильность (validity) логической формулы. Откуда, собственно, берется эта истинность или ложность – не важно. И если обоснование у Э. Геттэ – это логическая операция, то с учетом того, что мы уже знаем об эпистемическом обосновании, нужно показать, как в общую картину встраиваются соответствующие интерпретации конъюнкции, дизъюнкции и логического следования.

Сделаем небольшое отступление и представим то, как могла бы выглядеть позитивная (с точки зрения поставленной цели) часть аргументации Э. Геттэ в доказательной части статьи, если тем словам, которые он употребляет, когда ее описывает, придать традиционное для парадигмы лингвистического поворота значение. Здесь мы хотим поговорить не столько о том, что именно сказал Э. Геттэ, но о том, почему он мог бы быть прав, когда говорит то, что он говорит. Мы хотим поговорить о предварительных условиях того, о чем говорит Э. Геттэ. И да, на первый взгляд, в данном случае наша позиция не будет слишком отличаться от тех, кого мы критикуем за излишнее вчитывание в работу Э. Геттэ того, чего там нет. В свою защиту отметим, что нами движет лишь интерес представить в достаточно строгом виде «внутреннюю» аргументацию Э. Геттэ, скрытую за конкретными

ми, напечатанными словесными формами, а не порассуждать о значении работы или о ее далеко идущих следствиях. Наша исходная гипотеза остается прежней, Э. Гетье ничего не говорит про «случайность того, что в кармане у Смита 10 монет», но он употребляет слова «логическое следование» и «дедукция», которая обосновывает «истинность заключения», и на основании которой он приписывает Смит «знание». То, о чем, например, говорится в третьем абзаце на второй странице: «Представим, что Смит не знает, что он, а не Джонс, получит работу; не знает, что у него 10 монет в кармане» – это фигура речи, которая раскрывает сделанное ранее (в предпоследнем предложении предыдущего абзаца) допущение о том, что посылка (d) и заключение (e) связаны отношением логического следования. Подобную ошибку (представить, что в данном случае речь идет о предположении, именно как о предположении) – вчитать в фигуру речи свою собственную интерпретацию, могут допустить студенты, не внимательные к логике аргументации, скрытой за словами, и не понимающие того, о чем идет речь. Как, например, очень часто происходит на лекции, когда известное предложение, которое должно провести различие между *de re* и *de dicto* модальностями: «Лоис Лэйн думает, что Кларк Кент слабее Супермена» интерпретируется в том ключе, что «думает» здесь указывает не на обладание соответствующим убеждением, а на вероятностный статус отношения Лоис Лэйн к описываемому. То же самое часто происходит с интерпретацией того, что происходит на второй и третьей страницах статьи Э. Гетье. Для того чтобы логика рассуждений Э. Гетье работала, под словами должна быть скрыта надлежащая и достаточно строгая структура аргументации.

Доказательная часть рассуждения должна соответствовать поставленным целям. И первое, что здесь нужно подчеркнуть, – это то, что условный «аргумент Гетье против знания» – это именно *скептический* аргумент. И как и любой скептический аргумент, который в данном случае показывает, что «мы необоснованы в том, что некритически считаем вполне обоснованным», он состоит из двух тактов: а) сначала задается желаемая степень обоснованности, в данном случае знания. Цель этого условия – установить общие основания, которые будут связывать скептика и не-скептика и ограничат агностицизм; б) потом демонстрируется, что мы никак не можем достичь желаемой степени обоснованности, а значит, знание не обоснованно⁸. И также, как и в любом другом случае, имея дело со

⁸ Как правило, для того чтобы показать, что данный класс убеждений не удовлетворяет заданной степени обоснованности, прибегают к «скептической гипотезе» (задает гипотетическую ситуацию, связанную с положением дел, когда не-скептик заблуждается) и «принципу переноса» (transmissibility). Принцип переноса, если мы говорим об обосновании, может иметь вид: «если я обоснован в принятии p и обоснован в принятии того, что p влечет (entail) q, тогда я обоснован в принятии q» [Steup, 1996, p. 206]. Обоснование буквально «переносится» посредством обоснованно принимаемых логических следствий. То, что в конце первой страницы Э. Гетье акцентирует внимание на принципе замыкания, не случайно. Роль «скептической гипотезы» как раз заключается в том, чтобы посредством «принципа переноса» прийти к заключению, что убеждения не обоснованы: «(1) Если вы обоснованы и в принятии p, и в принятии того, что p влечет отрицание скептической гипотезы, тогда вы обоснованы в отрицании скептической гипотезы; (2) Вы обоснованы в принятии того, что p влечет отрицание скептической гипотезы; (3) Вы не обоснованы в отрицании скептической гипотезы; Тогда (4) Вы не обоснованы и в принятии p» [Там же]. Очевидно, такая формулировка скептического аргумента в терминах «отрицания скептической гипотезы» подобрана не случайно. А теперь сравните предполагаемую структуру того, о чем говорит Э. Гетье (как структуру скептического аргумента

скептическим аргументом, лучший способ показать, что рассуждения скептика не обоснованы, – воспользоваться «аргументом Дж. Мура», т. е. показать, что исходная посылка скептического аргумента менее обоснована, чем то утверждение, которое скептик пытается опровергнуть⁹. На наш взгляд, такой посылкой, условного «аргумента Э. Геттэ против знания» как скептического аргумента является предположение, что предложения естественного языка, в данном случае английского, адекватно отражают логические характеристики пропозиций, которые они выражают. В чем, собственно, в данном случае может состоять «скептическая гипотеза», мы хотим предложить разобраться читателю самостоятельно, т. к. ее точная формулировка будет зависеть от конкретного варианта реконструкции предполагаемого аргумента.

Мы любим логику за то, что она дает ощущение того, что реляционный факт, что из этих посылок следует (или не следует) данное заключение в каком-то смысле существует независимо от содержания и посылок и заключения. И каждый раз, употребляя выражения естественного языка, содержащие связки: «и», «или», «если, то», нам кажется, что мы можем воспользоваться правилами логики для того, чтобы оценить правильность высказывания. В общем случае это не так. Проблема заключается в том, как продемонстрировать, что выражения естественного языка являются «теми же самыми», что и выражения формального языка. И обычно тут говорят о формализации естественного языка в языке пропозициональной логики (см., например: [Sainsbury, 2001]). Необходимым условием такой формализации является то, что связки («и», «или», «если, то» и т. д.) являются истинностно-функциональными (truth functional) логическими константами. В формальном языке у нас есть связки « \wedge », « \vee », « \rightarrow », которые задаются хорошо

против знания) и ту часть аргумента «Мозг в баке» Х. Патнэма, которую можно интерпретировать как аргумент против обоснованности убеждений, обоснование которых опирается на эмпирические данные. В обоих случаях скептическая гипотеза (скажем, для Э. Геттэ: «обладание данными есть достаточное условие знания», для Х. Патнэма: «я – мозг в баке») будет подчеркивать, что она несовместима с истинностью (для Э. Геттэ: «Смит не знает (знание требует истинность), что у него в кармане 10 монет»; для Х. Патнэма: «данные, которые доступны мозгу в баке по определению не могут быть истинными»), но вполне совместима с доступными данными (для Э. Геттэ: «у Смита нет данных, что у него в кармане 10 монет»; для Х. Патнэма: «мозг в баке, опираясь на доступные данные, является (может являться) успешным субъектом»). Предполагаемое «структурное» (или, лучше сказать, «поэтическое», так как здесь мы говорим о подобии нескольких независимых свойств, условно, в разных плоскостях) сходство условного «аргумента Э. Геттэ» и «аргумента Х. Патнэма» не может быть случайностью. Это два примера скептического аргумента, демонстрирующие разницу между обращением к «доступным» и «релевантным» данным.

⁹ В данном случае упоминание «аргумента Дж. Мура» может не иметь ничего общего с его руками, скорее, речь идет об аргументе «доведение до абсурда» (reduction ad absurdum) в отношении одной из посылок скептического аргумента, когда «мы осознаем, что заключение является ложным, но аргумент является правильным (valid), а значит, ложной является одна из посылок» [Sainsbury, 2001, p. 30]. Когда мы имеем дело со скептическим аргументом, то мы принимаем и все посылки, и отрицание заключения (в случае Э. Геттэ мы отрицаем, что «Смит знает»). И чисто формально, мы можем переписать правильный аргумент: «{P}, значит Q», в виде: «{{P₁}, ¬Q}, значит ¬P₁», который тоже будет правильным. Это и означает, что, анализируя скептический аргумент, мы можем проверить состоятельность всех посылок и выкинуть наименее обоснованную из них. Проблема в том, что в общем случае, мы не знаем, какая именно из посылок скептического аргумента может оказаться «ложной». В этом заключается творческий момент в анализе оснований скептического аргумента и опровержении позиции скептика.

знакомыми таблицами истинности и которые должны полностью (в плане передачи соответствующих истинностных значений) соответствовать связкам «и», «или», «если, то». По определению: «*связка является истинностно-функциональной*, если и только если истинность или ложность предложения, которое она помогает составить, полностью определяется только истинностью или ложностью его составных частей» (курсив оригинала. – Н. Г.) [Sainsbury, 2001, p. 60]. И если мы уверены в том, что связки естественного языка полностью и однозначно соответствуют связкам формального языка, то тогда мы можем представить позитивную схему соотношения правой и левой частей предполагаемой эквивалентности (между трехчастным определением знания и истинностью пропозиции что S знает, что P), о которой говорит Э. Гетье, следующим образом:

1. Обоснование (ключевое понятие левой части) в смысле работы связок «и» и «или» является истинностно-функциональным;

2. По «необходимости», связывающей обоснование и знание (закреплено в последнем абзаце на первой странице), вся левая часть является истинностно-функциональной;

3. И поскольку речь идет об истинности соответствующей пропозиции в правой части, то действительно можно быть уверенным в том, что достаточные условия истинности могут быть выполнены.

Это то, что в условном «аргументе Гетье против знания» мы готовы назвать той самой посылкой скептического аргумента, которая должна «установить общие основания скептика и не-скептика». И, следуя «аргументу Дж. Мура», мы можем показать, что эта посылка (а у нас есть все основания предполагать, что именно так Э. Гетье и рассуждает как последовательный сторонник парадигмы лингвистического поворота) является слабой. Ни одна из связок «и», «или», «если, то» в общем случае не является истинностно-функциональной¹⁰. Более того, связка

¹⁰ В частности, в литературе можно найти целый ряд примеров, в которых связки в предложениях английского языка не являются истинностно-функциональными, т. е. не эквивалентны «математическим операциям»: «Джейн Остин умерла в 1817 году и была похоронена в Винчестере... истинность или ложность предложения должна зависеть только от истинности или ложности составляющих его частей. Но это не так: истинность [этого] предложения требует того, чтобы событие, о котором сообщается во второй части, произошло бы после описанного в первой части» (курсив оригинала. – Н. Г.) [Sainsbury, 2001, p. 78]. «Либо супердержавы откажутся от гонки вооружения, либо будет третья мировая война... Если в результате замены первого дизъюнкта (который мы договоримся считать ложным) произвольным ложным утверждением получится предложение с тем же истинностным значением, то мы отчасти выполним проверку подстановкой. Однако продолжить подстановочный тест в данном случае будет сложно, поэтому есть более общий аргумент в пользу или против того, пройдет ли это предложение этот тест. Мы можем предположить, что это предложение эквивалентно следующему: Если супердержавы не откажутся от гонки вооружения, то будет третья мировая война... вопрос об истинностно-функциональности «или» сводится к вопросу об истинностно-функциональности «если»... Общим местом является то, что условные предложения «если, то» нельзя адекватно формализовать с помощью «→» Предложение «если А, то В» требует для своей истинности наличия взаимосвязи между тем, что делает истинным А, и тем, что делает истинным В, например их причинной связи. Истинность $p \rightarrow q$ такой взаимосвязи не требует. Рассмотрим объем воды, который не будет нагрет до 90° в следующем году, тогда предложение «этот объем воды нагрет до 90° в такой-то момент времени следующего года» – ложно. Обозначим его р. Пусть q отвечает предложению «этот объем воды превратится в лед». Тогда $p \rightarrow q$ истинно, а утверждение: Если этот объем воды нагрет до 90° в такой-то момент времени следующего года, этот объем воды превратится в лед, – ложно, «если» не соответ-

«знает» тоже не является истинностно-функциональной¹¹. Когда Э. Гетье говорит «представим» и после этого приводит свои доказательные примеры, он действует исключительно как условный «математик». Он апеллирует к формальным характеристикам соответствующих связей, перебирает истинностные значения посылок так, чтобы с формальной точки зрения вывод был правильный¹². Но при этом он ничего не говорит о соответствии естественного языка формальному, он ничего не говорит об интерпретации, которая сделает возможным (ограничит) подобное соответствие с сохранением требования истинностно-функциональности для связей. Другими словами, в том виде, как он предстает перед нами в статье, «аргумент Гетье» не является достаточно строгим для однозначного понимания «и», «или», «логическое следование», «дедукция», «необходимые и достаточные условия» как формальных отношений, отвечающих задаче определения знания¹³.

ствует «→» [Там же, р. 82–84]. Обратите внимание на то, как Э. Гетье приводит своим примеры, все ли связи в его примерах гарантированно являются истинностно-функциональными?

¹¹ «Мы можем предположить, что выражение “Наполеон знал, что” является связкой. Можно взять предложение “Святая Елена находится в Атлантическом океане” и сформировать предложение “Наполеон знал, что Святая Елена находится в Атлантическом океане”. Однако оно не является истинностно-функциональным. Составные части истинны, но сам по себе этот факт не определяет, является ли предложение истинным. Сам факт, что “Святая Елена находится в Атлантическом океане” никак не связан с тем, знает ли Наполеон об этом или нет... Рассмотрим истину, которую Наполеон не знал: “Кварки бывают четырех цветов”. “Наполеон знал, что кварки бывают четырех цветов” – ложно, но “Наполеон знал, что Святая Елена находится в Атлантическом океане” – истинно» [Sainsbury, 2001, р. 60–61]. Более того, аналогичным образом можно показать, что связка «необходимо, что» также не является истинностно-функциональной. Когда «необходимость» связи «знания» и «обоснования» (на которой настаивает Э. Гетье) может считаться истинностно-функциональной, а когда – нет?

¹² Ведь он должен показать, что желаемая «степень обоснованности» (как основание, которое связывает скептика и не-скептика), хоть и вполне рационально оправдана, но не достижима. Отсюда и появляется удивление, что с формальной точки зрения Смит должен обладать знанием, но «в реальности» – не обладает. С формальной точки зрения «аргумент Гетье» как скептический аргумент может выглядеть так: 1) для того чтобы было «знание», истинностные значения посылок должны переноситься (согласно известным правилам) по связкам; 2) мы обнаружили случаи, когда по связкам переносится не «подлинное» истинностное значение, а его «суррогат»; значит 3) «знание» невозможно, так как схема предписывает нам считать эпистемический статус, полученный на основании «суррогатных» значений, «знанием». Не вдаваясь в детали относительно того, какого рода этот скептический аргумент, мы акцентируем внимание на предположении, которое делает возможным эту посылку (1). «Истинностные значения посылок должны переноситься по связкам» – это то, что постулируется парадигмой лингвистического поворота, когда мы говорим о логической форме утверждений. И Э. Гетье некритически принимает это допущение, поскольку упускает из виду, что в общем случае связи не являются истинностно-функциональными.

¹³ «Аргумент Гетье против знания» является скептическим аргументом, одна из посылок которого предполагает, что, употребляя выражения естественного языка, содержащие связки: «и», «или», «если, то», мы можем воспользоваться правилами логики для того, чтобы оценить правильность высказывания. Однако он ничего не говорит об интерпретации, которая сделает возможным (ограничит) подобное соответствие с сохранением требования истинностно-функциональности для связей. Отсюда мы делаем вывод, что посылка скептического аргумента менее обоснована, чем утверждение, которое скептик атакует – «Смит знает». Подчеркнем, более полный анализ обсуждаемой проблемы (который мы не будем проводить в рамках данной статьи) как минимум также должен включать: а) обоснование того, в каком смысле «Смит знает» более обосновано, и б) в каком смысле отсутствие (или наличие) надлежащей формализации связей будет релевантно рассматриваемой проблеме. Судя по всему, обоснование «Смит знает» может являться следствием определенного нормативного представления об обосновании, запрещающего не принимать во внимание все имеющиеся данные. Если, конечно, Э. Гетье принимает эвиденциализм. Обоснование является следствием работы с имеющимися данными. В этом смысле умышленное исключение каких-то данных, недостаточное внимание

Посмотрим на примеры. В первом примере на основании имеющихся данных – Смит посчитал монеты в кармане Джонса, начальник сказал ему, что работу получит Джонс, – Смит выводит (entail) $(d) \rightarrow (e)$. По принципу замыкания, Смит знает (e) . На основании имеющихся данных, предполагая, что все связки являются истинностно-функциональными. В чем смысл демонстрации того, что на самом деле все не так, как кажется? Покровы сорваны: (d) – ложно, но (e) – истинно, а значит, $(d) \rightarrow (e)$ истинно (по таблице истинности), а значит, Смит как бы все еще знает (e) ¹⁴. В чем парадоксальность ситуации? Удивление является следствием того, что и в том, и в другом случае формальные отношения между убеждениями выполнены, но Э. Гетье настаивает, что в одном случае Смит знает (e) , а в другом – нет. Почему отношения выполнены? Потому что априорно полагается, что связки естественного языка в данном случае отвечают формальным отношениям в соответствующей формализации. А Э. Гетье, как сторонник эвиденциализма, просто показывает то, чем апелляция к доступным данным отличается от апелляции к релевантным данным. Смит не знает (e) потому, что не опирается на релевантные данные, и если бы опирался – то он был знал, так как с формальной точки зрения все отношения выполнены. Э. Гетье ничего не говорит про «случайность/удачу попадания в состояние знания». Есть два набора данных, которые помогают заполнить таблицу истинности. И это все бы сработало, если

к вопросам полноты анализируемого множества данных, – это нарушение нормы. Именно по этой причине, например, не обоснован Предсказатель в канонической версии релейбизма А. Голдмана, – его заключения расходятся с имеющимися демонстрируемыми данными. И тут мы имеем две ситуации: «Смит знает как следствие обращения к имеющимся данным» и «Смит не знает, поскольку связки не являются истинностно-функциональными, несмотря на то что Смит учел все имеющиеся данные». Отметим, что посылкой, на основании которой мы сопоставляем эти две ситуации, является то, что Смит оперирует (ему достаточно) не пропозициями, а отвечающими им выражениями в обыденном (английском) языке. Соответственно, ответ на вопрос: «в каком смысле отсутствие (или наличие) надлежащей формализации связок будет релевантно рассматриваемой проблеме?», является следствием допущения, что мы вообще можем сопоставлять выражения в естественном языке и их логическую форму. И как мы видим, в общем случае это допущение ложно. И именно им пользуется Э. Гетье. Он делает это, потому что некритически принимает парадигму лингвистического поворота, в которой считается, что мы можем и должны так делать. Смит знает, пока мы не задумаемся об истинностно-функциональном характере связок. В доказательных примерах, которые приводит Э. Гетье, Смит не знает никогда, независимо от того, какой истинностный статус имеют посылки. И мы будем здесь говорить о преимуществах использования обыденного языка перед формальным в плане демонстрации «убедительности» аргумента с точки зрения фиксации содержательности связи между утверждениями, объясняющей релевантность подбираемых данных.

¹⁴ С точки зрения рецензента (личная переписка; мы благодарны Евгению Васильевичу Борису за проявленное внимание и высказанные замечания), проблемой может быть то, что «в данном случае “entail” понимается именно как логическое следование, но не как материальная импликация». С этим сложно согласиться. По определению, «логическое следование» подчеркивает «необходимый» характер того, что из посылок следует заключение: «*V* логически следует (entailed) из *A*, если логически невозможно для *A* быть истинным без истинности *B*» [Sainsbury, 2001, p. 395]. В классической пропозициональной логике это отношение выводимости. Однако то, как Э. Гетье оперирует им, не оставляет сомнений. Этот момент отмечает А. Л. Никифоров: «Когда мы говорим, что из высказывания “а” следует дизъюнкция “а или б” каким бы ни было “б”, то мы отношение логического следования или выводимости отождествляем с материальной импликацией» [Никифоров, 2009, с. 67]. Более того, приводя принцип замыкания в последнем абзаце первой страницы, Э. Гетье подчеркивает, то значимым является то, что «*S* обоснован в *Q*». Необходимость *entailment* получает дополнительную качественную характеристику – «обоснованность», что достаточно сложно представить (появление нового качества), когда мы говорим о простом следствии (consequence) одной формулы из множества других.

бы мы пользовались релевантными данными и были бы уверены в формализации, т.е. в интерпретации связок. В действительности же Смит не знает (е) ни в том, ни в другом случае, пока в дополнение к требованию выполнения формальных отношений между убеждениями не будет добавлено требование «опираться на релевантные данные». Второй пример точно такой же. В начале отношение (f) \rightarrow (g) истинно, как *entailment* на основании доступных данных. Покровы пали: (f) – ложно, но (g) – истинно (так как один из дизъюнктов истинен; и говорить об этом можно, только если мы апеллируем к таблице истинности), а значит, (f) \rightarrow (g) истинно, но уже для релевантных данных. Все это будет работать, только если мы допускаем адекватную формализацию связок предложений естественного языка. Единственно, что здесь четко удается показать Э. Геттэ, так это то, что те самые три условия, возможно, будут достаточными условиями истинности пропозиции что S знает, что P, только если кроме формальных отношений между соответствующими убеждениями будут также выполнены «содержательные» отношения, объясняющие релевантность данных. *Если выполнены только формальные отношения между соответствующими пропозициями, то три условия не являются достаточными условиями истинности пропозиции что S знает, что P.*

Очевидно, наша попытка представить рассуждения Э. Геттэ как использующие представление о истинностной функциональности связок, является лишь предположением, чем-то напоминающим аргументацию в стиле «если что-то выглядит как утка, плавает как утка, крикает как утка, то, вероятно, это и есть утка». Это абдуктивный аргумент, опирающийся на предположение, что Э. Геттэ мог пользоваться (возможно, некритически) некоторыми представлениями актуальной парадигмы лингвистического поворота. Однако такая логика рассуждений помогает не только понять, почему то, что написано в тексте статьи Э. Геттэ, должно работать, но также, например, – почему бессмысленно пытаться решить «проблему Геттэ»; предложить оригинальное «четвертое условие», закрепляющее «конклюзивность» (в том смысле, что истинность посылок гарантирует истинность заключения) вывода; придумать свое дегеттеризированное определение знания, с оригинальной версией первого условия и небывалой теорией нормативности обоснования, разумеется, и т. д. В общем случае рассуждения о логической правильности вывода не предполагают наличия некоторой «релевантной связи» между посылками и заключением. Но когда мы говорим о «знании», нельзя отделаться от ощущения, что мы говорим о чем-то предметном и содержательном. И нам сложно представить, что требование выполнения условия содержательности связи между убеждениями и обоснованием можно формализовать¹⁵. Возмож-

¹⁵ Нам бы не хотелось думать, что в данном случае условия «пользоваться только релевантными данными» или «заранее установить “содержательность” связи убеждений в обосновании» – могут считаться аналогами «четвертого» условия. Как отмечает один из рецензентов: «Тот факт, что релевантность часто не может быть установлена сразу – т. е. мы не всегда можем в процессе обоснования знать, какое именно данное окажется релевантным, делу не мешает. Как не мешает и рассуждение о различиях между формальным и содержательным. И если вообще нужна какая-то формула, то добавление релевантности вроде как позволяет “спасти” JTB-формулу, что и пытаются делать охотники за четвертым условием». Замечание справедливое, но есть одно «но». Если говорить о формальной стороне выписывания четвертого условия в терминах релевантности/содержательности, то очень сложно отделаться от мысли, что в этом случае мы будем еще раз просто повторять «второе условие» (условие истинности; и да, нам известно, что в оригинале условие истинности – это первое условие.

но, это ключевой момент, отличающий наше понимание содержания того, о чем говорит Э. Гетье, и, скажем, понимание, которое характерно для тех, кто, подобно Л. Загзебски, готов сказать, что «обоснованное истинное убеждение оказывается истинным лишь случайно». На наш взгляд, наиболее адекватный вывод, который можно сделать, внимательно и непредвзято прочитав статью Э. Гетье, заключается в том, что Э. Гетье показал, что выполнение только формальных отношений между убеждениями не позволяет схватить «знание». Все остальное – это домыслы тех, кто пытается (подобно Х. Патнэму, апеллирующему к теореме Ливенгейма–Сколема) перенести рассуждения Э. Гетье в интересную для себя область. Это предмет «посылки принцессы Маргарет», про которую в статье Э. Гетье нет и не может быть ничего.

Старая и новая логика

За пятьдесят лет до того как Э. Гетье опубликовал свою статью, Б. Рассел опубликовал «Проблемы философии». Однако почему-то никто не говорит, что Б. Рассел «открыл нам глаза»: «Если человек принимает, что фамилия последнего (late) премьер-министра начинается на букву Б, то это убеждение истинно, поскольку им был Баннерман. Однако если человек принимает, что Балфур был последним премьер-министром, то он все еще принимает то, что фамилия последнего премьер-министра начинается на букву Б, и несмотря на то что это убежде-

Просто нам всегда казалось странным, что об истинности чего-то мы говорим до того, как это нечто «принимаем». И в этом смысле, на наш взгляд, более последовательно сначала говорить об «условии принятия» – «belief condition» фиксирует наличие убеждения, а потом уже говорить о его истинности. Тем более что формально данные в пользу условия истинности и условия обоснования должны быть разными, – и это при том, что здесь мы не говорим о том, что, возможно, выполнение условия принятия также требует своих релевантных данных) (см., например, [Steup, 1996, ch. 1]). В нашем случае отрицание возможности четвертого условия следует из представленной реконструкции. Проблема в том, что формальные отношения между убеждениями не могут схватить «знание». Соответственно, любое релевантное четвертое условие должно исправить именно этот момент, – оно должно отвечать поставленной задаче – вернуть уверенность в том, что выполнение формальных отношений между убеждениями может схватить «знание». И не нужно думать, что это невозможно. Например, Р. Чизолм приводит несколько примеров того, как сугубо формальными средствами в рамках той же парадигмы лингвистического поворота можно включить в эпистемологические рассуждения именно содержательную компоненту. В частности, достаточно вспомнить основной признак, отличающий эпистемический статус убеждений, попадающих в четвертую, пятую и шестую группы (см.: [Chisholm, 1989, p. 11]), а также, например, то, как оригинально выписываются определения «переноса» эпистемического статуса для «произвольных» (не относящихся к специальным фиксированным категориям) данных (см.: [Там же, p. 53]). Четвертое условие, если оно нужно, должно быть сформулировано в той же парадигме, что и другие, и отвечать той же/исходной постановке проблемы. Вместо этого часто можно встретить, например, такое замечание: «проблема Гетьера – это псевдопроблема, его примеры некорректны: он ошибается, полагая, что в его примерах выполнено условие обоснованности мнения; он путает имеющиеся и релевантные данные» (замечание рецензента). На наш взгляд, «аргумент Гетье» не является разновидностью «аргумента от ошибки». А это значит, что сводить «решение» к требованию релевантности/содержательности данных нельзя. Это следует из приведенной реконструкции содержания «проблемы Гетье» как проблемы, возникающей вследствие априорного полагания (что естественно для представителя парадигмы лингвистического поворота), что у нас есть адекватная формализация связей «и», «или», «если, то» (без которой основание соответствующего скептического аргумента не обосновано). Здесь ничего не говорится о том, что основание скептического аргумента будет зависеть от наличия/отсутствия релевантных данных или содержательной связи между ними. Парадокс в том, что в случае со статьей Э. Гетье все это не отнимает предмета исследования тех, кто допускает свою (мы настаиваем, не каноничную!) интерпретацию сути проблемы.

ние истинно, нельзя сказать, что оно является знанием... Истинное убеждение не является знанием, если оно дедуцировано из ложного убеждения. Аналогично, истинное убеждение нельзя назвать знанием, если оно дедуцировано посредством ошибочного (*fallacious*) процесса рассуждения, даже если посылки были истинными» [Russell, 1951 (1912), p. 131–132]. И никто до Б. Рассела о подобных ситуациях не говорил? Почему парадоксальность ситуации, когда формальные условия знания выполнены, но сказать, что «Смит знает» нельзя, еще не вызывает ажиотажа? Потому что Б. Рассел живет в начале века, сообщество еще не перестроилось и еще не интерпретирует правильность логического вывода преимущественно в «математическом» смысле, в терминах таблиц истинности. Э. Гетье рассуждает о той же проблеме, но в другой парадигме.

В традиционной логике таблица истинности не нужна. Аргумент должен быть «убедительным» (*persuasive*). Убедительность аргумента в том виде, как ее понимает Э. Гетье, должна следовать из необходимости логических отношений между пропозициями, – здесь правильность и убедительность, по сути, это одно и то же. Именно потому, что так говорит парадигма лингвистического поворота. И это сильно отличается от «классического» представления о том, что убедительность, кроме правильности, также должна включать «достоверность» (мы не уверены, что это лучший перевод для *soundness*, но переводить *certainty* как «достоверность» – это гораздо худший выбор), т. е. посылки должны быть истинными, «релевантность» (посылки и заключение должны быть связаны, т. е. должна быть возможность их как-то содержательно соотнести друг с другом) и «полезность» (в смысле расширять имеющееся знание) (см., например: [Sainsbury, 2001]). Проблема в том, что современная логика создавалась людьми, которые отрицали метафизику, и поэтому ничего кроме требования правильности не осталось. Теперь «релевантность» это «математическое понятие», а никак не следствие соотнесения природы вещей. Слово «истинность» употребляется, но понимается совершенно в другом смысле. Примечательно то, что может быть поэтому те же отцы-основатели (которые, несомненно, были ближе классическому проекту, – они его критиковали) периодически подчеркивали, что «“знание” не является точным (*precise*) понятием» [Russell, 1951 (1912), p. 134]. Б. Рассел отмечает, что «мы должны признать выводным знанием все, что является результатом интуитивного знания, при условии наличия правильной логической связи, которую субъект способен рефлексивно обнаружить. Существует множество способов, кроме логического вывода, которыми мы переходим от одного убеждения к другому, их можно назвать “психологическим выводом”. И мы должны признать такой психологический вывод средством достижения выводного знания при условии, что мы можем обнаружить логический вывод, идущий параллельно психологическому. Это делает наше определение выводного знания менее точным, чем нам хотелось бы, поскольку слово “обнаружить” нечетко (*vague*): оно не говорит нам о том, как много рефлексии понадобится для того, чтобы его обнаружить» [Там же]. Л. Витгенштейн пишет: «“знание” и “несомненность” принадлежат разным категориям... относительно данной эмпирической пропозиции несомненность может существовать... но не все, что имеет форму эмпирической пропозиции, является знанием» [Wittgenstein, 1969, § 308]. Здесь «знание» всегда предполагает возможность

пересмотра, поскольку его нельзя схватить, апеллируя *только* к требованию правильности вывода. И, на наш взгляд, Э. Гетье идет еще дальше, представляя знание как «несомненность» в терминах логически необходимых и достаточных условий истинности пропозиции. Попытка изначально была обречена на провал, поскольку та «убедительность», которая требуется для «знания», должна как минимум также включать плохо формализуемую содержательную связь между посылками и заключением, обеспечивающую должное качество обоснования требуемого эпистемического статуса. Однако сама «проблема Гетье» в другом. Скептический аргумент, который он формулирует, опирается на недостаточно обоснованное допущение о возможности формализации связок. В общем случае связки естественного языка не являются истинностно-функциональными. Э. Гетье некритически принимает парадигму лингвистического поворота и не задумывается о содержательности третьего условия. Здесь у нас ситуация, в которой «плохой аргумент» (скептический аргумент, посылка которого может быть предметом «аргумента Мура») соседствует с «плохой парадигмой» (парадигма лингвистического поворота задает достаточно строгие «условия индивидуации», которые, однако, не могут полностью обосновать убедительность рассуждений Э. Гетье). И наша претензия здесь скорее к парадигме, нежели к самому Э. Гетье. Но именно это (неясность оснований рассуждений Э. Гетье) и обуславливает популярность и многообразие интерпретаций того, что «на самом деле сказал Э. Гетье». Откройте монографии Р. Шопа [1983] и С. Хетерингтона [2016], и вы увидите буквально бесконечное количество различных интерпретаций. Тот же С. Хетерингтон приводит исчерпывающее обоснование того, что на самом деле Э. Гетье путает фаллибилистское и не-фаллибилистское представление об обосновании и поэтому его «аргумент» вообще не может считаться состоятельным. И он имеет право так говорить. Т. Уильямсон, Д. Причард и Л. Загзебски, а также многие другие авторы должны быть благодарны Э. Гетье за то, что он заострил внимание на том, что мы можем перенести основной акцент эпистемологии с понимания «обоснования» на понимание «знания». Но сам Э. Гетье не говорил о том, о чем говорят они. Да и сам этот «акцент» всего лишь является одним из следствий скептического аргумента «против знания», предложенного Э. Гетье.

Список литературы

- Бутаков П. А.** Платон, эвиденциализм и JTB // *Schole*. 2018. Т. 12. № 2. С. 669–685.
- Геттиер Э.** Является ли знание истинное и обоснованное мнение? // *Аналитическая философия: становление и развитие /* *Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова.* М.: Дом интеллект. книги, 1998. С. 231–233.
- Гетье Э.** Является ли знание истинное и обоснованное убеждение? // *Analytica*. 2007. № 1. С. 123–126.
- Никифоров А. Л.** Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // *Эпистемология и философия науки*. 2009. Т. 21. № 3. С. 61–73.
- Целищев В. В.** *Философия математики.* Новосибирск: Наука, 2002.
- Benacerraf P.** What Mathematical Truth Could Not Be // *M. Schirn (ed.) The Philosophy of Mathematics Today.* Clarendon Press, 1998. P. 33–75.

- Chisholm R.** *Theory of Knowledge* (3rd ed.). Prentice Hall, 1989.
- Clark M.** *Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper // Analysis*. 1963. Vol. 24. № 2. P. 46–48.
- Dancy J., Sosa E., Steup M.** (Eds.) *A Companion to Epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010.
- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis*. 1963. Vol. 23. № 6. P. 121–123.
- Hetherington S.** *Knowledge and the Gettier Problem*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford Univ. Press, 2007.
- Russell B.** *The Problems of Philosophy*. Oxford Univ. Press, 1951.
- Sainsbury M.** *Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic*. Blackwell, 2001.
- Shope R.** *The Analysis of Knowing*. Princeton Univ. Press, 1983.
- Steup M.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice Hall, 1996.
- Vervoort L., Shevchenko A. A.** *Epistemic Relativism and The Gettier Problem: Insights From Philosophy of Science // Эпистемология и философия науки*. 2022. Т. 59. № 1. С. 58–80.
- Wittgenstein L.** *On Certainty*. Blackwell, 1969.

References

- Benacerraf P.** *What Mathematical Truth Could Not Be*. In: M. Schirn (ed.) *The Philosophy of Mathematics Today*. Clarendon Press, 1998, p. 33–75.
- Butakov P. A.** *Plato, Evidentialism, and JTB*. *Schole*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 669–685. (in Russian)
- Chisholm R.** *Theory of Knowledge* (3rd ed.). Prentice Hall, 1989.
- Clark M.** *Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper*. *Analysis*, 1963, vol. 24, no. 2, pp. 46–48.
- Dancy J., Sosa E., Steup M.** (Eds.) *A Companion to Epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010.
- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge? Analysis*, 1963, vol. 23, no. 6, pp. 121–123.
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge? In: A. Gryaznov (ed.) Analytical Philosophy: Rise and Development*. Moscow: Dom Intellektual'noi Knigi, 1998, pp. 231–233. (in Russian)
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge? Analytica*, 2007, no. 1, pp. 123–126. (in Russian)
- Hetherington S.** *Knowledge and the Gettier Problem*. Cambridge University Press, 2016.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
- Nikiforov A. L.** *Analysis of the Concept of Knowledge: Approaches and Problems*. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 61–73. (in Russian)

- Russell B.** *The Problems of Philosophy*. Oxford University Press, 1951.
- Sainsbury M.** *Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic*. Blackwell, 2001.
- Shope R.** *The Analysis of Knowing*. Princeton University Press, 1983.
- Steup M.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice Hall, 1996.
- Tselishchev V. V.** *Philosophy of Mathematics*. Novosibirsk: Nauka, 2002. (in Russian)
- Vervoort L., Shevchenko A. A.** Epistemic Relativism and The Gettier Problem: Insights From Philosophy of Science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no 1, pp. 58-80 (in Russian)
- Wittgenstein L.** *On Certainty*. Blackwell, 1969.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 15.03.2023*
*The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 15.03.2023*

Научная статья

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-127-139

Что есть в известной статье Эдмунда Геттиера

Алексей Михайлович Кардаш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Минск, Беларусь

krdwalexci@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9683-0601>

Аннотация

В статье рассматриваются проблема Геттиера и проблема ее интерпретаций в современной эпистемологии. Проводится разница между контпримерами, изложенными в статье Эдмунда Геттиера, и случаями в стиле Геттиера, между проблемой Геттиера и общей эпистемологической проблемой, предположительно имеющей место во всех или многих случаях в стиле Геттиера. Утверждается, что в статье Геттиера присутствует лакуна, связанная с недостаточно определенным концептом обоснования, что не позволяет говорить о проблеме Геттиера без какой-либо явной или неявной интерпретации его взглядов на обоснование. Вместе с этим обозначается, что этот же концепт обоснования обладает строгими чертами (принцип дедуктивной замкнутости, нефактивный стандарт обоснования и интернализм), которые не позволяют давать проблеме Геттиера произвольные интерпретации, а поэтому можно говорить, что одни интерпретации более близки к тексту известной статьи.

Ключевые слова

Эпистемология, история эпистемологии, проблема Геттиера, обоснование, знание

Благодарности

Статья частично поддержана Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Грант № Г22МС-001.

Для цитирования

Кардаш А. М. Что есть в известной статье Эдмунда Геттиера // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 127–139. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-127-139

© Кардаш А. М., 2023

What is mentioned in the famous article by Edmund Gettier

Aleksey M. Kardash

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus

krdwalexci@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9683-0601>

Abstract

The paper analyzes the problem of interpretations of the Gettier problem. The author draws a distinction between counterexamples presented in Edmund Gettier's article and Gettier-style cases, between the Gettier problem and general epistemological problem supposedly occurring in all or many Gettier-style cases. It is argued that in Gettier's article there is a gap associated with an insufficiently defined concept of justification, which does not allow talking about Gettier problem without any explicit or implicit interpretation of his views on justification. Along with this, it is indicated that the same concept of justification has strict features (deductive closure principle, non-factive justification and internalism), which do not allow arbitrary interpretations of the Gettier problem, and therefore we can say that some interpretations are closer to the text of a well-known article.

Keywords

Epistemology, history of epistemology, Gettier problem, justification

Acknowledgements

The article was partially supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research. Grant No. G22MS-001.

For citation

Kardash A.M. What is mentioned in the famous article by Edmund Gettier. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 127–139. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-127-139

Существует разница между тем, что *написал* философ, и тем, что было *изъято* из написанного, как оно было понято и воспринято. Порой случается так, что граница между непосредственно написанным и полученным благодаря философу находится под бдительной охраной. В таком случае обычно явно различаются интерпретации, школы и взгляды по мотивам идей философа, а сам он в некоторой мере оказывается защищенным от «вчитывания», хотя этого и нельзя гарантировать. Крипкенштейн или же Витгенштейн Крипке – известный в аналитической философии пример, когда написанное отдельным философом (Витгенштейном) явно отделяется от того, как оно было прочитано другим (Крипке). В иных же случаях грань размывается, и философу приписываются формулировки, идеи или позиции, которые как минимум в буквальном виде у него не встречаются¹. Известный исторический пример такого рода – это приписывание Гегелю триады «тезис – антитезис – синтез».

¹ Наверяд ли такое приписывание обычно сопровождается злым умыслом. На ум приходят две безобидные ситуации, которые тем не менее ведут к размыванию обозначенной границы: 1) можно считать, что лучше и правильней передавать мысли одного философа не так, как он это делает сам, и не в тех формулировках, которые он сам использует; 2) можно считать, что определенное изложение является более наглядным и понятным, а поэтому нужно использовать его. В первом случае приписывание и «вчитывание» имеет возможность закрепиться в сообществе академических философов, а во втором – в программах философского образования.

Историческая дистанция не является здесь необходимым условием, и схожие проблемы возникают с толкованием куда более современных идей. В случае аналитической эпистемологии немало вопросов способны вызвать различные толкования проблемы Геттиера², причем в разных аспектах. Например, Геттиеру часто приписывалось то, что он хотел опровергнуть (и опроверг) традиционную (или классическую) концепцию знания как истинного и обоснованного убеждения [*justified true belief*; JTB], истоки которой находятся еще у Платона³. Тем не менее имеются серьезные свидетельства ошибочности такого представления, которые мы постарались систематизировать и дополнить собственными аргументами в отдельной статье [Кардаш, 2022].

Отдельным образом с толку может сбить то, что многие авторы, когда говорят о «проблеме Геттиера», имеют в виду не только те два контраргумента (и соответствующую им проблему), которые изложил Геттиер в своей статье [Gettier, 1963], но и некоторую общую проблему, предположительно присущую всем или хотя бы многим примерам в духе Геттиера. Для примера, Данкан Притчард в своем учебнике по эпистемологии сразу же презентует все как «контрпримеры к классической концепции знания в стиле Геттиера» [Pritchard, 2016, p. 6–9]. Дабы такое смешение не запутывало нас, стоит явно различать четыре вещи: 1) два контрпримера к концепции знания как истинного и обоснованного убеждения, изложенные Геттиером в своей статье; 2) проблему Геттиера, выражаемую этими случаями⁴; 3) контрпримеры в стиле контрпримеров Геттиера, которые напоминают его примеры, но не обязательно выражают ту же самую проблему; 4) проблему, предположительно общую для всех или хотя бы многих случаев в стиле Геттиера – ее также уместно назвать генерализованной или обобщенной проблемой Геттиера, поскольку именно с его именем ее связывают различные авторы, что бы именно они ни имели в виду. В этом смысле содержание генерализованной проблемы в стиле Геттиера понимается различными способами – одни видят проблему в случайно истинных убеждениях или знании по случайности [Unger, 1968; Ravitch, 1976; Zagzebski, 1994, p. 66–67; Pritchard, 2005; Church, 2010; Turri, 2015;

² Выбор между «Гетье» и «Геттиер» нам не кажется принципиальным, и в статье мы его делаем из того, как нам слышится произношение фамилии «Gettier» англоговорящими людьми. Хотя и встречаются примеры, более близкие к «Гетье», в общем случае, как нам слышится, произношение все-таки ближе к «Геттиер».

³ Согласно Джулиану Дютану, эти утверждения, названные им легендой Геттиера, содержится почти в любом современном учебнике об эпистемологии, у него же мы находим показательное перечисление таких источников [Dutant, 2015, p. 97, 121]. Отдельно стоит заметить, что иногда легенда о традиционности JTB модифицируется самыми неожиданными способами и, например, Платону приписывается постановка проблемы эпистемической удачи [Shaffer, 2022]. На наш взгляд, параллели между современной аналитической эпистемологией и взглядами классических философов на познание могут быть и интересными, и продуктивными, и полезными. Так, мы и сами считаем, что в «Меноне» в рассуждениях Сократа можно рассмотреть своего рода эпистемический градуализм, но это не значит, что из-за этого эпистемический градуализм стоит объявлять «восходящим к Сократу» [Кардаш, 2023].

⁴ Отдельно стоит заметить, что, вероятно, некоторые авторы, исходящие из легенды Геттиера о традиционности JTB, могут под «проблемой Геттиера» понимать «проблему JTB», то есть делать акцент не на содержании проблемы, а на том, проблемой чего именно она является. В таком случае они могут называть проблемой Геттиера любую эпистемологическую проблему, которую считаю присущей классической или самой распространенной концепции знания.

Shaffer, 2022]; другие обращают внимание на принцип замкнутости⁵ [Feldman, 2002, p. 28; Turri, 2012, p. 4, 14–15; Прись, 2022, с. 25]; третьи на нефактивность обоснования или, если иначе, фаллибилистский стандарт обоснования, согласно которому обоснование сочетается с возможностью ошибки [Feldman, 2002, p. 25–28; Turri, 2012, p. 4]; четвертые видели проблему в том, что обоснование включает ложные предпосылки [Clark, 1963; Lehrer, 1965; Feldman, 1974; Прись, 2022, с. 22–30]; пятые в том, что обоснование подвержено дефитерам – фактам, опровергающим обоснованность убеждения, если они известны субъекту в совокупности с фактами, благодаря которым он считает убеждение обоснованным [Turri, 2012, p. 7–9]; шестые в пробеле между знанием и убеждением [Cohen, 2013]; седьмые в недостатке чувствительности агента к познавательной ситуации или особенностях среды, в которой оказался агент [Levin, 2006; Прись, 2022, с. 37–43]. Естественно, это далеко не все возможные трактовки, а различные понимания проблемы Геттиера можно сочетать между собой. Неприятно удивить может тот факт, что обычно определенная интерпретация соответствует и определенному решению. Однако смысл этого перечисления состоит в том, чтобы навести читателя на мысль о том, почему вообще эти разные проблемы стоит называть проблемой Геттиера? Зачем делать из Геттиера мастермайнда, прочертившего пути эпистемологии на годы вперед?

Уже сейчас заметно, что может и не быть никакой единой генерализованной проблемы, а могут быть различные проблемы, известные под именем «проблемы Геттиера». Сама же по себе генерализованная проблема может и не соотноситься с частной проблемой Геттиера, а контрпримеры из известной статьи могут без переинтерпретации и не входить в круг случаев в стиле Геттиера. Неслучайно контрпример о работе и десяти монетах упоминается в литературе чаще, чем контрпример о произвольных дизъюнкциях. Чтобы разобраться с этими странностями, стоит еще раз взглянуть на содержание знаменитой статьи.

Стиль Геттиера

В тексте «Чего нет в известной статье Эдмунда Гетье» Н. В. Головки пробует очистить проблему Геттиера от генерализаций и «вчитывания», чтобы сохранить авторский смысл проблемы, чтобы она не стала проблемой кого-либо или чего-либо еще [Головки, 2023]. Это важно по той причине, что троп о непреодолимости этой проблемы, судя по всему, возникает из-за путаницы с контрпримерами в стиле Геттиера, которые считаются заведомо связанными с некоторой условной единой генерализованной эпистемологической проблемой, которая неосмотрительно именуется «проблемой Геттиера», и тем самым кажется, что она раз за разом возвращается в иных обликах. Если в чем-то здесь и обнаруживается явная проблема, так скорее в том, что примеры в стиле Геттиера необязательно репрезентуют одну и ту же эпистемологическую проблему. Многие кейсы, относящиеся к таким примерам, фактически являются аргументами против конкретных концепций знания (почти всегда не JTB; характерные примеры, как и общий обзор

⁵ См.: Brueckner A. Deductive Closure Principle. Routledge Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/deductive-closure-principle/v-1/> (дата обращения: 01.03.2023)

основных интерпретаций и подходов к проблеме Геттиера можно найти здесь: [Turri, 2012; Прись, 2022, с. 20–81]). Например, первоначально кейс с фасадами амбаров был использован Голдманом, чтобы показать проблему каузальной теории знания. Когда среди множества фасадов амбаров человек смотрит на единственное настоящее здание, то его убеждение имеет каузальную связь с фактом наличия амбара, но Голдман не готов согласиться с тем, что в такой ситуации человек именно на основании этой связи знает, что перед ним амбар, поскольку тот же самый каузальный процесс легко бы привел агента к ошибке [Goldman, 1976]. Такой же случай используется и против некоторых других теорий знания без проблематизации каузальной связи факта и убеждения [Levin, 2006; Прись, 2020, с. 14; Прись, 2022, с. 39–40]. Возможность распространить один и тот же случай на разные теории не означает, что он распространяется одним и тем же образом – нужно еще показать, что проблема не меняется. Собственно, теория эпистемической удачи поэтому и получила такое распространение, поскольку элементы везения (субъект удачно взглянул на единственный амбар, который является не только фасадом, но и зданием) или невезения, если и не присутствуют эксплицитно, то легко обнаруживаются или приписываются многим случаям в стиле Геттиера. Предварительно можно сказать, что некоторые подобные эпистемологические мысленные эксперименты о случаях познания можно сгруппировать вокруг, например, проблемы эпистемической удачи, проблемы ложных посылок в обосновании или проблемы принципа замкнутости, но сами эти проблемы без веских оснований не стоит поспешно объединять под единым лейблом «проблемы Геттиера»⁶.

Иначе говоря, мы согласны с тем, что многого из того, что упоминается в связи с именем Геттиера, на самом деле нет в его известной статье. Тем не менее полезно поставить вопрос позитивно, а что вообще там есть, кроме, очевидно, двух контрпримеров? В первую очередь обратим внимание на то, а почему мы вообще говорим о том, что эпистемологические мысленные эксперименты или аргументы могут быть сформулированы в стиле Геттиера. В чем состоит этот стиль?

Судя по всему, основной признак такого стиля связан с узнаваемым ходом мысли, когда задается или рассматривается некоторая теория, которая предполагает, что знание возникает в тех ситуациях, когда реализуется некоторые условия, а после формулируется такой контрпример, в котором имеют место эти условия, но приписывание знания агенту кажется контр-интуитивным (нередко, исходя из некоторого дополнительного условия или нежелательного последствия, которое вскрывается такими примерами; допустим, кейс с фасадами амбаров вскрывает то, что нам не хотелось бы считать знанием то убеждение, которое с легкостью может оказаться ложным). То есть стиль состоит в том, что сохраняется рассуждение в духе Геттиера, где рассматривается некая теория, предполагающая критерии, ввиду которых возникает знание, а после критик показывает, что соблюдение

⁶ Возможно, корректней было бы говорить только о случаях в стиле Геттиера или ситуациях Геттиера, имея под этим в виду аргументацию, которая показывает, что некоторая эпистемологическая теория обнаруживает дефект в ситуации даже тогда, когда все ее условия исполняются.

этих критериев совместимо с неким существенным познавательным дефектом⁷. Когда Фелдман и Загзебски формулируют свои известные способы построения проблем в духе Геттиера, то, по сути, они выражают яркие характеристики того, что мы можем назвать «стилем Геттиера», однако стоит заметить, что, поскольку речь о стиле, то предложенные ими способы – это не единственные варианты того, как можно сформулировать случаи такого рода [Feldman, 2002, p. 27–28; Zagzebski, 1994].

Такой стиль выражается в первую очередь в характерной форме постановке проблемы и рассуждения о ней, однако мы можем согласиться с тем, что некоторые аспекты стиля (того, как говорится) зависят от предмета (того, что говорится) [Гудмен, 2001, с. 140–144]. Например, то, что случаи в стиле Геттиера обычно касаются пропозиционального знания – это и есть предметный аспект стиля. Очевидным образом контрпримеры самого Геттиера – это и есть парадигмальные примеры случаев в его стиле, однако сам по себе стиль не тождествен содержанию проблемы. Ориентируясь на буквальное прочтение, Головки замечает любопытный нюанс, связанный с точной формулировкой проблемы о том, «*что определенные условия не являются достаточными условиями истинности соответствующей пропозиции [S знает P]*» [Головки, 2023]. Возможно, этой тонкости не стоит придавать решающего значения, поскольку первое предложение Геттиера о «необходимых и достаточных условиях того, что некто *знает* данную пропозицию» настраивает все-таки на более распространенное понимание его проблемы. Однако сам момент примечателен и является существенным для интерпретации, развиваемой в статье Головки. К этой фразе мы вернемся позже, поскольку с ней связан интересный момент, о котором, если и упоминается, то нечасто. Сейчас же стоит заметить, что аналогичное можно сказать и о различных случаях в стиле Геттиера, где из-за упоминания известного имени можно не заметить, какую именно проблему и по отношению к какой именно теории формулирует автор. Конечно, возможно (и наверняка часто так и есть), что эпистемологический мысленный эксперимент демонстрирует не только ту проблему, на которую хотел указать автор, но в таком случае практика называть любые проблемы, вскрытые такими экспериментами, проблемами Геттиера выглядит все еще непродуктивной. Проще говоря, за схожестью в стиле философствования можно не заметить различий и тонкостей в предмете философствования.

Лакуна в концепте обоснования

Кроме стиля аргументации с своеобразными мысленными экспериментами в статье Геттиера есть заметная лакуна, связанная с не до конца проясненным концептом обоснования. Нам известно только то, что обоснование является фальсифицируемым или нефактивным (обоснованность сочетается с возможностью ошибки; субъект может быть обоснованно убежден в ложной пропозиции), а сама

⁷ Подобный стиль контрпримеров легко распространить не только на знание, но и на другие эпистемические явления, вроде обоснования. Дискуссия о когерентизме и фундаментализме в обосновании может быть рассмотрена как развитие такой стилистики эпистемологической аргументации в области исследования природы обоснования.

обоснованность распространяется с конкретной пропозиции также и на все ее следствия, принимаемые субъектом (в литературе это называют принципом эпистемической или дедуктивной замкнутости) [Gettier, 1963, p. 121]. Поскольку Геттиер упоминает, что следствие из пропозиции должно приниматься субъектом, то мы также имеем основание считать такое обоснование интерналистским, поскольку обоснование как эпистемическое явление в такой ситуации зависит от внутреннего по отношению к субъекту фактора принятия пропозиции [Ibid.]. В самих примерах обоснованность в истинности убеждения возникает из-за пропозиций, которые выводятся из других пропозиций, которые субъект принимает на основании сильных свидетельств [Ibid., p. 122]. Непосредственно приводятся такие примеры возможных сильных свидетельств по Геттиеру: устное свидетельство (начальник заверяет Смита, что работу получит Джонс), память (Смит помнит, что Джонс владеет «Фордом»), данные эмпирической проверки (Смит пересчитывает монеты Джонса; Джонс предлагает Смигу прокатиться на «Форде») [Ibid.].

Все, что может быть сказано об обосновании по Геттиеру сверх этого, – по сути своей уже реконструкция его взглядов. Несомненно, столь коротко изложенные и вместе с этим местами странные взгляды буквально напрашиваются на то, чтобы быть дополненными⁸. Стоит согласиться с тем, что имеются косвенные улики для определенного понимания обоснования у Геттиера [Головкин, 2023], но в целом, поскольку никаких эксплицитных комментариев о том, что подразумевается под обоснованием у Геттиера, помимо описанных выше моментов, не содержится, то нам видится, что единственная доступная буквальная трактовка написанного будет состоять в том, что оригинальной формулировке проблемы Геттиера недостает ясности в том, как именно работает такая интерналистская и фаллибилистская обоснованность, передающаяся по принципу замкнутости. Идея о том, что сильные свидетельства могут быть основанием для того, чтобы быть обоснованно убежденным в пропозиции, с одной стороны, выглядит слишком банальной, чтобы видеть за ней некую подразумеваемую теоретическую нагрузку, но с другой стороны, все-таки говорит в пользу правомерности интерпретации позиции Геттиера как эвиденциализма (если делать акцент на употреблении слова «свидетельство») и интернализма (если делать акцент на том, что пропозиции принимаются субъектом). Соответственно, часть решений проблемы Геттиера де-факто были как раз-таки попытками заполнить в ЖТВ эту лауну – продумать или заменить концепт обоснования (третьи и четвертые в нашем перечислении интерпретаторов Геттиера).

Исходя из этого можно заключить, что прояснение проблемы Геттиера связано с необходимостью что-либо «вчитать» в то, что он сам написал, поскольку

⁸ Агенты в примерах Геттиера выводят странные пропозиции из тех, которые для них обоснованы сильными свидетельствами. Можно поставить отдельный вопрос, если они могут принимать или не принимать эти следствия, то на каком основании они принимают решение, какие следствия принимать, а какие нет? Что любопытно, как показывает Уильямсон, с точки зрения эпистемической логики у агентов Геттиера на самом деле нет варианта не принимать следствия обоснованных убеждений [Williamson, 2013]. Станным кажется и то, почему устное свидетельство начальника и результаты эмпирической проверки карманов Джонса рассматриваются Смитом как сопоставимо сильные свидетельства.

в оригинальном тексте мы не находим исчерпывающего описания характеристик ГТВ. В этом плане идея Головки о рассмотрении проблемы Геттиера как логической и скептической, продиктованной своим временем и исследовательской парадигмой, обходится минимальным вмешательством в текст, но и предполагает заметный элемент реконструкции, связанный с предположением о том, что Геттиер – образцовый продукт своего времени. Эта посылка в свою очередь позволяет предположить, что Геттиер разделяет некоторые позиции, о которых непосредственно в его тексте не упомянуто. Например, представлениям Головки об обосновании, закрепляющем эпистемический статус убеждения, и понимании знания как эпистемического статуса можно выдвинуть то же возражение, которое он выдвигает взгляду на проблему Геттиера как на проблему эпистемической случайности – если бы Геттиер хотел это отметить, то, вероятно, отметил бы [Головка, 2023]. Определенная проблема возникает и с предположением о том, что Геттиер мог принимать эвиденциализм. Самое буквальное основание предположить за ним согласие с некой формой эвиденциализма состоит в его упоминании о том, что пропозиции обосновываются сильными свидетельствами. Но не стоит забывать, что у него пропозиции обосновываются и без свидетельств – по принципу дедуктивной замкнутости, посредством логического следования, которое принимает субъект⁹.

Позитивный аспект интерпретации Головки состоит в том, что он предлагает основания для своего понимания проблемы Геттиера, тогда как обычно философы не особо озадачиваются тем, чтобы прояснить, почему они думают, что эта проблема состоит в том, а не в ином. Основанием этим является отсылка к историческому контексту, но и здесь возможно существенное возражение. В том же журнале «Analysis» спустя полгода после публикации статьи Геттиера выходит заметка некоего Майкла Кларка об этой статье, который прочитывает Геттиера примерно также, как его прочитает большинство последующих эпистемологов, не замечая парадигмы, о которой говорит Головка [Clark, 1963]¹⁰. Нюанс в том, что аргументы о принадлежности Геттиера некому историческому контексту на основании журнала, года публикации и характерной терминологии применимы и к Кларку. Более того, существенная часть реакции Кларка прямо опровергает предположения Головки, поскольку Кларк явно говорит о поднятой Геттиером проблеме как о проблеме дефиниции знания и акцентирует внимание не на вопросе свидетельств, а как раз на принципе замкнутости и, что любопытно, в своих рассуждениях в конце связывает все это еще и с КК-принципом [Ibid]. Ближайшая по времени к статье Геттиера философская реакция рассматривает эту статью как текст о проблеме дефиниции знания, тогда как с исторической дистанции Головка утверждает, что это текст о проблеме соответствия между логикой и эпистемологией. Такая интерпретация любопытна, но претензия на то, что она ближе к тексту, чем, допустим, прочтение через эпистемическую удачу, оказывается

⁹ Уже под влиянием Геттиера возник аксессибилизм, согласно которому принятие или иная форма субъективного доступа к фактору обоснования [*justifier*] является необходимым условием для признания убеждения обоснованным; в контексте аксессибилизма возможна позиция, предполагающая, что свидетельство – это то, что рефлексивно принимается субъектом, а поэтому даже принятое следование из обоснованного суждения может быть для сторонника такой позиции свидетельством.

¹⁰ Помимо Кларка можно вспомнить и об этой ранней реакции [Lehrer, 1965].

неоправданной. Технически проблематизация случайности в проблеме Геттиера возникла достаточно рано [Unger, 1968]. Однако определенный малозаметный нюанс прочтение Головки позволяет обнаружить: так, он пишет о том, что дело в истинности пропозиции «S знает p» [Головка, 2023]; у Кларка мы обнаруживаем ссылку на полемику Уорнока и Коэна, которые в том числе поднимают вопрос о различии знания (*knowing*) и утверждения о знании (*claiming to know*), того, означает ли истинность «S знает p» также и истинность, «что p», и т. д. [Warnock 1962]; вероятно, что эта проблема могла отразиться на специфике формулирования проблемы Геттиера, однако и здесь мы обнаруживаем лауну, поскольку, если предположить, что Геттиер исходит из того, что знание и утверждения о нем предстают в качестве «ближайших союзников» (*near allied*) [Cohen, 1962, p. 33], то тогда нюанс, на который обращает внимание Головка, не играет той роли, которую он ей приписывает; так или иначе, обратное также придется предполагать, и в таком случае мы вновь сталкиваемся с тем, что это нужно «вчитать» в текст Геттиера, нужно дополнить имеющую лауну предположением о том, что он строго разделяет знание и утверждения о нем. Несмотря на это, предположение Головки о логическом содержании проблемы Геттиера ближе к известному тексту, чем предположение о том, что эта проблема – проблема эпистемической случайности, которая сама по себе скорее является отдельным интересным аспектом многих эпистемических головоломок.

Исходя из всего этого, мы заключаем, что полный буквализм в вопросе понимания проблемы Геттиера подразумевал бы просто признание того, что существенный аспект позиции Геттиера требует реконструкции, а саму проблему можно трактовать по-разному в зависимости от того, какие позиции мы предполагаем за ее автором. Вместе с этим спектр позиций, которые можно приписать Геттиеру ограничен, а поэтому некоторые понимания проблемы Геттиера действительно могут быть дисквалифицированы как ложные. Возможно, наиболее буквальное прочтение проблемы Геттиера было зафиксировано Уильямсоном, когда он заявил, что она плохо поставлена [Прись, 2021, с. 185–186].

Сам по себе *философский буквализм* необязательно является строго позитивным или негативным явлением. Тенденцию к дотошному следованию букве автора можно считать своего рода фармаконом, который способен как лечить в случае с распутыванием теоретических наслоений, наподобие возникших вокруг проблемы Геттиера, так и отравлять, если эта дотошность используется для непрямой критики неких идей не на основании их содержания, а на основании сопутствующих неточностей. Конечно, плохо, что некоторые эпистемологи некритически отождествляют проблему Геттиера с различными примерами, похожими на примеры Геттиера, и другими эпистемологическими проблемами, но этот недочет не всегда является критическим – он требует исправления и во многом для того, чтобы отдать должное проблемам и аргументам, которые оказались не менее важными, чем те, что изложены в статье Геттиера. Наиболее очевидный, с нашей точки зрения, негативный вклад такое отождествление вносит в представление о проблеме Геттиера как неразрешимой. Если под одним и тем же именем подразумевать разные аргументы, приводимые к разным теориям знания, хотя и по похожей форме мысленных экспериментов о познавательных ситуациях, то может

действительно казаться, что эпистемологию не ждет ничего, кроме вечного возвращения, но здесь важно заметить, что его истоком является не сила проблемы, а излишняя вольность в ее понимании.

Заключение

Статья Геттиера удивительным образом привлекла внимание философов не только своим содержанием, но и лакунами. Недосказанности об обосновании повлияли на интерес эпистемологов к ряду проблем, которые впоследствии получили бурное развитие (в историческом смысле статья Геттиера явно не была единственным фактором такого интереса, хотя и существенность ее влияния недооценить трудно). Активизировались споры об обосновании и принципе дедуктивной замкнутости. Возникла дискуссия об интернализме и экстернализме в вопросе о том, как конституируются эпистемические явления. И чем дольше разрабатывались эти вопросы, тем дальше они отходили от реального и предполагаемого содержания статьи Геттиера к самостоятельно значимым теоретическим проблемам со своими теоретическими рамками и шаблонами рассуждения. Однако помимо этих явно позитивных влияний имел место и существенный негативный эффект, связанный с недостатком точности в том, что называлось и называется «проблемой Геттиера» или «случаями Геттиера». На наш взгляд, указание на наличие стиля построения контрпримеров позволяет уточнить, в каком смысле различные мысленные эксперименты эпистемологов соотносятся с аргументами Геттиера, а указание на конкретные лакуны в понимании обоснования позволяют обнаружить исток различных интерпретаций проблемы Геттиера. Чтобы оценить действительно впечатляющий прогресс в эпистемологии, нужно понимать, чего в известной статье Эдмунда Геттиера не было, но чтобы понять, почему внимание было приковано к тем, а не иным вопросам, – стоит также обращать внимание и на то, что и в каком виде содержалось в этой самой статье.

Список литературы

- Головко Н. В.** Чего нет в известной статье Эдмунда Геттэ // Сиб. филос. журн. 2023. Т. 21. № 1. С. 105.
- Гудмен Н.** Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Кардаш А. М.** Является ли традиционной концепция знания как истинного и обоснованного мнения? // Омский науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 84–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-84-94.
- Кардаш А. М.** Эпистемология сначала-знания и релайабилитизм добродетелей Кристофа Келпа // Омский науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 1. С. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-110-117.
- Прись И. Е.** О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске // Диалог. 2020. Т. 15. № 1. С. 8–18.
- Прись И. Е.** Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном // Сиб. филос. журн. 2021. Т. 19. № 3. С. 175–204. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-175-204.
- Прись И. Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022.

- Chisholm R.** *Theory of Knowledge*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989.
- Church I. M.** Getting 'Lucky' with Gettier // *European Journal of Philosophy*. 2013. № 21. P. 37–49.
- Cohen S., Comesaña J.** Williamson on Gettier Cases and Epistemic Logic // *Inquiry*. 2013. Vol. 56. № 1. P. 15–129.
- Clark M.** Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper // *Analysis*. 1963. Vol. 24. № 2. P. 46–48.
- Cohen L. J.** Claims to Knowledge – II // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1962. Vol. 36. № 1. P. 33–50. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/36.1.19.
- Dutant J.** The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29. № 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061.
- Feldman R.** An Alleged Defect in Gettier Examples // *Australasian Journal of Philosophy*. 1974. № 52. P. 68–69.
- Feldman R.** *Epistemology*. New Jersey: Pearson Educatio, 2002.
- Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. № 6. P. 121–123.
- Goldman A. I.** Discrimination and perceptual knowledge // *Journal of Philosophy*. 1976. № 73. P. 771–791. DOI: 10.2307/2025679.
- Levin M.** Gettier Cases without False Lemmas? // *Erkenntnis*. 2006. Vol. 64. № 3. P. 381–392.
- Lehrer K.** Knowledge, Truth and Evidence // *Analysis*. 1965. Vol. 25. № 5. P. 168–175. DOI: 10.1093/analys/25.5.168.
- Pritchard D.** *Epistemic luck*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Pritchard D.** *Epistemology*. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 146 p.
- Ravitch H.** Knowledge and the Principle of Luck // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1976. Vol. 30. № 5. P. 347–349.
- Shaffer M. J.** Epistemic Luck and Knowledge // *Acta Analytica*. 2022. № 37. P. 1–6.
- Turri J.** In Gettier's Wake // *Epistemology: The Key Thinkers / Ed. S. Hetherington*. L.: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 214–230.
- Turri J., Buckwalter W., Blouw P.** Knowledge and luck // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2015. Vol. 22. № 2. P. 378–390.
- Unger P.** An Analysis of Factual Knowledge // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. 65. № 6. P. 157–170.
- Williamson T.** Gettier Cases in Epistemic Logic // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 2013. Vol. 56. № 1. P. 1–14.
- Warnock G. J.** Claims to Knowledge – I // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1962. Vol. 36. № 1. P. 19–32. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/36.1.19.
- Williamson T.** *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Zagzebski L.** The Inescapability of Gettier Problems // *The Philosophical Quarterly*. 1994. № 44. P. 65–73. DOI: 10.2307/2220147.

References

- Chisholm R.** Theory of Knowledge. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. 1989.
- Church I. M.** Getting 'Lucky' with Gettier // *European Journal of Philosophy*. 2013. No. 21. P. 37–49.
- Cohen S., Comesaña J.** Williamson on Gettier Cases and Epistemic Logic // *Inquiry*. 2013. Vol. 56, No. 1. P. 15–129.
- Clark M.** Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper // *Analysis*. 1963. Vol. 24, No. 2. P. 46–48.
- Cohen L. J.** Claims to Knowledge – II // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1962. Vol. 36, no. 1. P. 33–50. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/36.1.19.
- Dutant J.** The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29, no. 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061.
- Feldman R.** An Alleged Defect in Gettier Examples // *Australasian Journal of Philosophy*. 1974. No. 52. P. 68–69.
- Feldman R.** Epistemology. New Jersey: Pearson Educatio, 2002.
- Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23, No. 6. P. 121–123.
- Goldman A. I.** Discrimination and perceptual knowledge // *Journal of Philosophy*. 1976. No. 73. P. 771–791.
- Golovko N. V.** What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. ... (in Russian)
- Goodman N.** Ways of Worldmaking. Moscow: Ideya-Press, 2001. (in Russian)
- Kardash A. M.** Is Justified True Belief Traditional Analysis of Knowledge? *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 84–94. (in Russian) DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-84-94.
- Kardash A. M.** A Knowledge First and Virtue Reliabilism of Christoph Kelp. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 2023, vol. 8, no 1, pp. 110–117. (in Russian) DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-110-117.
- Levin M.** Gettier Cases without False Lemmas? // *Erkenntnis*. 2006. Vol. 64, No. 3. P. 381–392.
- Lehrer K.** Knowledge, Truth and Evidence // *Analysis*. 1965. Vol. 25, No. 5. P. 168–175. DOI: 10.1093/analys/25.5.168.
- Pris I. E.** On Two Formulations of Safety Condition and Epistemic Risk. *Dialog*, 2020, vol. 15, no 1, pp. 8–18. (in Russian)
- Pris I. E.** Realism and Knowledge First. Interview with Timothy Williamson. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no 3. pp. 175–204. (in Russian)
- Pris I. E.** Knowledge in Context. Saint Petersburg: Aletejya, 2022. (in Russian)
- Pritchard D.** Epistemic luck. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Pritchard D.** Epistemology. London: Palgrave Macmillan, 2016. 146 p.
- Ravitch H.** Knowledge and the Principle of Luck // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1976. Vol. 30, No. 5. P. 347–349.
- Shaffer M. J.** Epistemic Luck and Knowledge // *Acta Analytica*. 2022. No. 37. P. 1–6.
- Turri J.** In Gettier's Wake // *Epistemology: The Key Thinkers / Ed. S. Hetherington*. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 214–230.

- Turri, J., Buckwalter, W., Blouw, P.** Knowledge and luck // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2015. Vol. 22, No. 2. P. 378–390.
- Unger P.** An Analysis of Factual Knowledge // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. 65, No. 6. P. 157–170.
- Williamson T.** Gettier Cases in Epistemic Logic // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 2013. Vol. 56, No. 1. P. 1–14.
- Warnock G. J.** Claims to Knowledge – I // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1962. Vol. 36, no. 1. P. 19-32. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/36.1.19.
- Williamson T.** Knowledge and its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Zagzebski L.** The Inescapability of Gettier Problems // *The Philosophical Quarterly*. 1994. №44. P. 65–73. DOI: 10.2307/2220147.

Информация об авторе

Кардаш Алексей Михайлович, аспирант Института философии Национальной академии наук Беларуси.

Information about the Author

Kardash Aleksey Mikhailovich, post-graduate student, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus.

*Статья поступила в редколлегию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 15.03.2023*
*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 15.03.2023*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

5.4 – Социология.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнаружение, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу

электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также неоригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже. Оформление списков литературы должно отвечать настоящим правилам.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; ORCID; аннотация на русском

языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире только одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

5. Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются только в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), причем кроме URL обязательно указывается дата обращения к ресурсу и дата опубликования (если есть).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображе-

ния 120 × 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании) [Horton et al., 2006, p. 427–428]. При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Ролз, 1995]).

Подстрочные сноски нумеруются по порядку, начиная с цифры 1, например¹¹. При оформлении ссылки на документы из сети Интернет обязательно указываются: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора¹².

Важно! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года прекращена практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Для русскоязычных источников указывается (in Russian).

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

¹¹ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Roaty, 1979].

¹² См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

Aristid. Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.

Tselishchev V. V. Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент,
научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS